S 23/73

J 23
73

ПРАВОСЛАВІЕ

и

РУССКАЯ НАРОДНОСТЬ

ВЪ ЛИТВѢ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. Бориневскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1851.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы до выпуска изъ типографіи представлено было въ Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Сентября 28 дня 1851 года.

Цензоръ *Архимандритъ Іоаннъ.*

ПРАВОСЛАВІЕ

И

РУССКАЯ НАРОДНОСТЬ

ВЪ ЛИТВѢ.

СОЧИНЕНІЕ

М. Бориченскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ФИШЕРА.

1851.

От Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволено.

2007041074

Литву должно строго отличать отъ великаго княжества литовскаго: первая составляла особый, коренной народъ; послѣднее состояло изъ княжествъ большею частію русскихъ.

Въ настоящемъ сочиненіи имѣется въ виду собственно Литва или литовскій народъ, и изображаются судьбы православія и русской народности въ этомъ народѣ.

I.

НАЧАЛО И ГОСПОДСТВО ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЛИТВѢ.

Православіе является въ Литвѣ прежде всего въ владѣтельныхъ семействахъ. Князей литовскихъ гораздо большее число исповѣдывало православную Вѣру, нежели вообще думаютъ.

Изъ князей *литовско-завилейскихъ* сынами православной Церкви были: 1. *Довмундъ* Старый Гермундовичь, въ православіи *Тимоѳей* (1), бывшій въ послѣдствіи княземъ псковскимъ, прославившійся, какъ воинъ

(1) Latopis Litw. i kron. Russ. стр. 149 и 150; Полн. Собр. Русск. лѣт. т. II, стр. 345.

и какъ христіанинъ; родился 1227, умеръ 1299 года; 2. *Наримундъ — Сирпутій* Ромундовичь (2), умеръ въ 1284 году; 3. *Гольша—Льсій* Ромундовичь (3); 4. *Гедрусъ—Свилькелій* Ромундовичь (4), князь Гедройцкій; 5. *Ромундъ* или *Римундъ* Тройденовичь, въ православіи *Лаврентій* или *Лавръ* (5), уступившій престолъ Витенесу; родился 1281 года; 6. *Миндовгъ* Алгимундовичь, въ православіи *Іоаннъ* (6), бывшій намѣстникомъ кіевскимъ; 7. *Нелюбъ* Миндовговичь (Іоанновичь), въ православіи *Александръ* (7), ушедшій въ Россію въ 1406 г., и бывшій княземъ переславскимъ.

Изъ князей *литовско- новогрудскихъ:* 1. *Гинвилъ* Мингайловичь, въ православіи *Юрій* (8), по сказанію польскихъ историковъ, бывшій княземъ полоцкимъ; род. 1125, ум. 1199 года; 2. *Борисъ* Гинвиловичь (9); род. 1146, ум. 1206 года; 3. *Василій—Рогволодъ* Борисовичь (10), род. 1164, ум. 1223 года; 4. *Глѣбъ* Рогволодовичь (11); 5. *Миндовгъ* Рингольдовичь, король ли-

---

(2) Obraz Litwy Iaroszewicza, T. II. стр. 2. Ист. Гос. Росс. Кар. т. IV. стр. 377.

(3) Тамъ-же. Годы не выставлены при тѣхъ князьяхъ, которыхъ время рожденія и смерти не извѣстны; князья поставлены по низходящимъ линіямъ.

(4) Тамъ-же.

(5) Żywoty SS. Ewfros. i Parascew. Stebelsk. стр. 173. Dz. st. nar. Lit. Narb. IV. стр. 297. Полн. Собр. Русс. лѣт., изд. Археогр. Ком. т. II. стр. 345. Въ послѣдней книгѣ, въ Густинской лѣтописи онъ названъ Елисеемъ, жившимъ въ монастырѣ Лавришевскомъ, но изъ Стебельскаго видно, что Елисей—другое лицо.

(6) Latop. Litw. i kron. Russ. стр. 227.

(7) Тамъ-же.

(8) Hist. Lithv. Kojał. P. 1. p. 69. Żywot. SS. Ewfros. i Parask. Steb. стр. 147. Dz. st. nar. Lit. Narb. T. III. стр. 307—316.

(9) Тамъ-же. (10) Тамъ же. (11) Тамъ-же.

товскій; род. 1203, убитъ 1263 г. О православіи его до сихъ поръ не было извѣстно, но въ Густинской лѣтописи подъ 1246 г. ясно сказано — «*пріятъ вѣру христіанскую отъ востока*». ([12]). Извѣстно, что онъ крещенъ былъ въ римскую вѣру, и за это Папа далъ ему титулъ короля литовскаго; но, поссорившись съ рыцарями, Миндовгъ обратился къ язычеству. Въ Латинскую вѣру онъ крещенъ въ 1252 г., слѣдовательно между этимъ крещеніемъ и принятіемъ православія, по густинской лѣтописи, протекло 6 лѣтъ. Не вѣроятно, чтобы лѣтописецъ принялъ послѣднее за первое, и притомъ онъ выражается весьма опредѣлительно. 6. *Довмундъ* или Монвидъ и Арвидъ сынъ Эрдзивила Игумиса ([13]), по Нарбуту, князь запущанскій или нальщанскій, а по Стрыйковскому-смоленскій; 7. *Викундъ* сынъ Эрдзивила Игумиса, князь витебскій ([14]); 8. *Товтивилъ* Шашкинъ, въ православіи *Ѳеофилъ* ([15]), сынъ Эрдзивила Игумиса, бывшій княземъ полоцкимъ, убитъ въ 1264 г.; 9. *Войшелгъ* или Волштипикъ Миндовговичь, великій князь литовскій, принявшій монашество ([16]); род. 1223 убитъ 1267 г.

По соединеніи княжествъ литовско-завилейскаго и литовско-новогрудскаго въ одно государство, православіе исповѣдывали князья *литовскіе*: 1. *Воинъ* Витенесовичь, въ православіи *Василій* ([17]), бывшій княземъ полоцкимъ; род. 1296, ум. 1350, г.; 2. *Наримундъ* Гедиминовичь, въ православіи *Глѣбъ* ([18]), князь пинскій;

([12]) Полн. собр. Русс. лѣт., издан. Арх. Ком. т. II. стр. 341.

([13, 14, 15]) Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. I. стр. 286.

([16]) Latop. Litw. i kron. Russ. стр. 148.

([17]) Dz. star. nar. Lit. Narb. T. IV. стр. 485.

([18]) Histor. nar. Pol. Naruszew. изд. 2-ое. T. 9. стр. XI. Dz.

род. 1277, утонулъ 1348 г.; 3. *Ольгердъ* Гедиминовичь, великій князь литовскій, въ православіи *Александръ*, въ схимѣ *Алексій* ([19]), род. 1296, ум. 1377 года; 4. *Любартъ* Гедиминовичь въ православіи *Федоръ* ([20]), князь луцкій; род. 1299, ум. 1386 г.; 5. *Коріатъ* Гедиминовичь, въ православіи *Михаилъ* ([21]), род. 1301, ум. около 1358 г.; 6. *Явнута* или Евнутъ Гедиминовичь, въ православіи *Іоаннъ* ([22]), великій князь литовскій, потомъ — князь заславскій въ минской губерніи ([23]); род. 1306 г.; 7. *Александръ* Наримундовичь (Глѣбовичь) ([24]); 8. *Юрій* Наримундовичь, князь белзскій ([25]); 9. *Вингольтъ* Ольгердовичь, въ православіи *Андрей* ([26]), князь полоцкій; 10. *Димитрій* Ольгердовичь князь трубецкій ([27]); 11. *Коригайло* Ольгердовичь, въ православіи *Константинъ* ([28]), по перекреще-

---

st. nar. Lit. Narb. T. V. стр. 30. пр. 1. Стрыйковскій называетъ его въ православіи Василіемъ. Kron. Pol. 1845 г. ч. II. стр. 74.

([19]) Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II. стр. 14. Ист. Гос. Росс. Кар. т. IV. пр. 267 и т. V стр. 51 и пр. 50.

([20]) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IV. стр. 193. Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II. стр. 41 и 74.

([21]) Hist. nar. Pol. Narusz. изд. 2-ое т. 9. стр. XIII.

([22]) Тамъ-же стр. XII. Latop. Litw. i kron. Russ. ст. 163. Dz. st. nar. Lit. Narb. T. V. стр. 31.

([23]) Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II, стр. 3.

([24]) Latop. Litw. i kron. Russ. стр. 163.

([25]) Имя и владѣніе его показываютъ въ немъ сына православной Церкви. До введенія римскаго католичества въ Литву Ягайлою, никто изъ князей литовскихъ не былъ католикомъ.

([26]) Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II. стр. 57 и 76. Latop. Litw. i kron. Russ. стр. 165 и 167.. Hist. Pol. Długosz. стр. 61. Chronologia Steb. стр. 12. пр. 6. Hist. nar. Pol. Narusz. изд. 2-ое Т. 9. ст. XVII.

([27]) Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II. стр. 58.

([28]) Chronolog. Stebels. ст. 8. Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II, ст. 57. Dz. st. nar. Lit. Narb. T. V. стр. 145.

нiи въ латинскую вѣру, Казиміръ, князь черниговскій и чарторыжскій; убитъ 1390 г.; 12. *Владиміръ* Ольгердовичь ([29]), князь кіевскій, а въ послѣдствіи копыльскій, род. 1316 г.; 13. *Карибутъ* Ольгердовичь, въ православіи *Димитрій* ([30]), князь новгородъ-сѣверскій, въ послѣдствіи брацлавскій; род. 1358, убитъ 1399 г.; 14. *Скиргайло* Ольгердовичь, въ православіи *Іоаннъ* ([31]), по перекрещеніи въ латинскую вѣру, Казиміръ, князь троцкій, въ послѣдствіи великій князь литовскій, наконецъ намѣстникъ кіевскій; род. 1354, отравленъ 1394 г.; 15. *Ягайло* Ольгердовичь въ православіи *Яковъ* ([32]), по перекрещеніи въ латинскую вѣру, Владиславъ, великій князь литовскій и король польскій, родился 1350, ум. 1434 г.; 16. *Борисъ* Ольгердовичь ([33]); 17. *Лингвеній* Ольгердовичь, въ православіи *Семенъ* ([34]). князь мстиславскій; 18. *Свидригайло* Ольгердовичь, въ православіи *Левъ*, по перекрещеніи въ латинскую вѣру, Болеславъ, по возвращеніи въ православіе — по

([29]) Hist. nar. Pol. Narusz. изд. 2-ое т. 10. стр. 217. пр. 2. Krop. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II. стр. 57 и 74.

([30]) Hist. Pol. Długosz. стр. 125. Kr. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II, стр. 58 и 74. Chronol. Steb. стр. 8. Ист. Крит. пов. Галиц. Руси Зубрицк. стр. 187 пр. 79.

([31]) Lat. Litw. i kr. Russ. стр. 47. Hist. Pol. Długosz. стр. 60 и 142. Kr. Pol. Stryjk. 1845. ч. II. стр. 58., chronolog. Stebel. 8 и 15.

([32]) Hist. Pol. Długosz. стр. 60. Kr. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II, стр. 58. Dz. st. nar. Lit. Narb. V. стр. 239. Ист. Крит. повѣсть Галицк. Руси Зубрицкаго стр. 193.

([33]) Hist. nar. Pol. Narusz. T. 9. стр. XIX; во многихъ актахъ онъ называется христіанскимъ именемъ Бориса до женидьбы Ягайлы; слѣд. былъ православнымъ: ибо латинство князья приняли при женидьбѣ Ягайлы.

([34]) Latop. Lit. i kr. Russ. стр. 205. Kr. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II. стр. 57 и 74.

прежнему Левъ ([36]), бывшій великимъ княземъ литовскимъ, род. 1355 г., ум. 1452 г.; 19. *Зодзъвитъ* Ольгердовичь, въ православіи *Иванъ* или *Федоръ* ([36]), ум. 1358 г.; 20. *Мингайло* Ольгердовичь, въ православіи *Василій*, по перекрещеніи въ латинскую вѣру, Вигундъ, или Александръ, князь керновскій, отравленъ 1392 г. Въ литовскомъ лѣтописцѣ въ числѣ сыновей Ольгерда нѣтъ ни Вигунда, ни Александра; послѣднимъ же сыномъ показанъ Мингайло. Вмѣстѣ съ Ягайлою крещенъ въ латинскую вѣру и Вигундъ, *единоутробный* (uterinus) братъ Ягайлы, который писался въ актахъ Александромъ ([37]). Отъ матери Ягайловой Іуліаніи было 7 сыновей; обо всѣхъ ихъ согласны литовскій лѣтописецъ и Парбутъ, кромѣ того, что у перваго Димитрій трубецкій выходитъ сыномъ Маріи, а у послѣдняго сыномъ Іуліаніи. Какъ за тѣмъ остаются *Мингайло* и *Вигундъ-Александръ*, то и слѣдуетъ принять ихъ за одно лицо; иначе у Ольгерда было бы не 12, а 13 сыновей. Въ Краковѣ ему дано имя *Вигунда;* а въ грамотахъ онъ писался *Александромъ;* изъ этого выходитъ, что послѣднее есть имя, данное въ православіи, ибо Іуліанія крестила всѣхъ сыновей въ малолѣтствѣ. У Стрыйковскаго прямо сказано, что Вигундъ въ православіи имѣлъ имя *Василія*, а въ латинствѣ *Александра* ([38]).

([36]) Hist. nar. Pol. Narusz. изд. 2-ое, T. 9. стр. XIX. Chronol. Sieb. стр. 8. Dz. st. nar. Lit. Narb. T. V. стр. 239. Ист. Крит. пов. Галицк. Руси Зубрицкаго стр. 207. Kr. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II. стр. 58.

([36]) Kr. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II. стр. 57.

([37]) Hist. nar. Pol. Narusz. изд. 2-ое, т. 10. стр. 217.

([38]) Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II. стр. 58.

21. *Витовтъ* или Витольдъ Кейстутовичь въ православіи Александръ, по принятіи латынства, прежде Вигандъ, а послѣ Александръ, великій князь литовскій, род. 1344, ум. 1430 г. Весьма многіе первый разъ услышатъ, что литовскій князь — богатырь, составлявшій гордость народа литовскаго, былъ сыномъ православной Церкви. Но это подтверждается словами самаго ученаго и достовѣрнѣйшаго польскаго историка Длугоша ([38]). Но когда и какимъ образомъ Витовтъ могъ принять православіе? Это предметъ, совершенно неизвѣстный въ русской литературѣ, и потому, не ограничиваясь свидѣтельствомъ Длугоша, считаемъ нужнымъ объяснить обстоятельства, къ сему относящіяся: въ 1382 г., по умерщвленіи Ягайлою Кейстута, Витовтъ ушелъ къ прусскимъ рыцарямъ; въ 1383 г. назначенъ былъ съѣздъ Ягайлы съ великимъ магистромъ Цолнеромъ на островѣ р. Дубиссы; оба выѣхали, но не съѣхались: между рыцарями разнесся слухъ, что мать Ягайлы Іуліанія Александровна составила заговоръ захватить магистра и рыцарей, и увезти въ Литву; а Ягайло подозрѣвалъ, что рыцари хотятъ его схватить, или, по-крайней мѣрѣ, насильно окрестить въ римскую вѣру. Обѣ стороны разъѣхались; за тѣмъ объявлена война; Витовтъ предводительствовалъ передавшимися ему Литовцами и Жмудинами. Столица Кейстута — Троки взята, отдана Витовту и все троцкое княжество добровольно ему покорилось; однакожъ въ скоромъ времени Скиргайло отнялъ Троки. Витовтъ опять дол-

([38]) Withoudus Grodnensis dux, magis modesti, magisque vegeti et semper sobrii vir ingenii, et propter *Ruthenorum* assistentiam, *qui illi propter ritus sui identitatem* magnopere afficiebantur. Hist. Pol. Dlug. p. 120.

женъ былъ отправиться къ рыцарямъ; а чтобы болѣе привлечь ихъ къ себѣ, крестился въ Таплявѣ и названъ *Вигандомъ*. По описаніи этихъ произшествій, современный писатель Вигандъ говоритъ о Витовтѣ: «post hoc fecit se Ruthenice baptizare et nominatus est Alexander ([40]), т. е. *послѣ сего крестился въ русскую вѣру, и названъ Александромъ*». За чѣмъ ему было креститься въ это время въ православіе, и какъ могъ онъ это сдѣлать, находясь у рыцарей,—авторъ не объяснилъ, и потому разсказъ его не совсѣмъ полонъ; но сущность дѣла отъ того нисколько не измѣняется: римско-католическій писатель, говоря въ пользу православія, не могъ быть пристрастнымъ. Нарбутъ, повѣривъ соображеніямъ Нарушевича, усомнился въ этомъ имени, и сказалъ, что Витовтъ въ православіи имѣлъ имя *Георгія* ([41]). Этому повѣрилъ и Ярошевичъ ([42]); но открытіе историческихъ памятниковъ совершенно оправдало Длугоша, и Нарбутъ, какъ писатель, всему предпочитающій истину, отказался отъ своего мнѣнія, по слѣдующимъ соображеніямъ: въ 1384 г. Витовтъ съ рыцарями возобновилъ Ковно, дабы въ войнѣ съ Ягайлою имѣть крѣпость на правомъ берегу Немана; но Ягайло и Скиргайло при Вилькишкахъ разбили рагнитскаго командора, Виганда Вальдерсгейма. Великій магистръ взялъ повую запись у Витовта на покорность ордену, и уѣхалъ въ Пруссію. Между тѣмъ Ягайло, опасаясь воинственнаго Витовта, помирился съ нимъ чрезъ посредство матери своей Іуліяніи Александровны.

([40]) Gesch. Preus. Voigt. B. V. p. 424.

([41]) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. V. стр. 338 и 382.

([42]) Obr. Lit. Jarosz. T. II. стр. 171.

Послѣдній въ іюлѣ 1384 г. ушелъ отъ рыцарей, и, чтобы доказать искренность своего примиренія, на дорогѣ взялъ у рыцарей Юрбургъ и Байербургъ. Прибывъ въ Литву, Витовтъ крестился въ православіе (43). Какая могла быть причина—до сихъ поръ оставалось тайною. Она разоблачилась слѣдующимъ образомъ: въ книгахъ троцкаго трибунала 1585 г. открыта выпись граматы, данной Витовтомъ 23 августа 1384 г. (т. е. сей-часъ по прибытіи въ Литву) троцкому православному монастырю на разныя земли. Въ грамотѣ сказано: «Мы велики князь *витовт нареченны во светомъ крещени Александер* дали мы *на прозбу и на жоданье княгни нашое великое Ульяны* къ монастырю нашому троцкому рожеству светое пречистое озера троцкаго лужу ажъ до великое дороги» и проч. (44). Княгиня Ульяна, — о которой здѣсь говорится, есть *великая княгиня*, то-есть тетка Витовта, мать Ягайлы, примирившая ихъ (45). Въ началѣ 1384 г. Витовтъ еще дѣйствовалъ за-одно съ рыцарями, слѣдовательно въ православіе крещенъ быть не могъ; Вигандъ, по описаніи событій, относящихся къ 1384 г., говоритъ, что Витовтъ крестился въ православіе съ именемъ Александра; въ этомъ году, по прибытіи отъ рыцарей, онъ даетъ земли монастырю православному, даетъ *по прозьбѣ и желанію Іуліяніи*, и въ грамотѣ называется православнымъ именемъ *Александра*: *нареченны во светомъ крещени Александер*, т. е. объ этомъ говоритъ, какъ о

---

(43) Puścizna po Ianie Długosza, to iest Kronika Wiganda z Marburga. Poznań. 1842. стр. 304 и 305.

(44) Собр. др. гр. и акт. Вильно, 1843. ч. II. стр. 146.

(45) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. V. стр. 381.

предметѣ новомъ, еще мало извѣстномъ (послѣ онъ писался «Alexander alias Vitoldus», также: «Александръ або Витовтъ)» ([46]). Сообразивъ все это, Нарбутъ весьма правильно заключаетъ, что Витовтъ принялъ крещеніе по убѣжденію тетки, Іуліяніи Александровны, какъ бы въ благодарность за примиреніе съ Ягайлою. Крещеніе должно было совершиться въ троцкомъ монастырѣ, въ память чего онъ и даровалъ ему земли согласно съ волею Іуліяніи. Такимъ образомъ время грамоты т. е. 23 августа 1384 г. указываетъ и на время крещенія Витовта ([47]). Правда, онъ носилъ и имя Александра, данное ему въ латинствѣ, но оно принято имъ чрезъ два года послѣ: въ 1386 г. передъ свадьбою Ягайлы съ Ядвигою въ Краковѣ, вмѣстѣ съ другими князьями литовскими, и Витовтъ крещенъ былъ въ латинскую вѣру (крещеніе у рыцарей считалось уничтоженнымъ чрезъ крещеніе православное, а православныхъ римскіе католики перекрещивали); но остался при имени Александра; имя Виганда онъ не хотѣлъ принять, чтобы оно не напоминало связей его съ врагами отечества — рыцарями ([48]). Въ лѣтописи новгородской Витовтъ также названъ Александромъ въ православіи: «*Былъ князь Витовтъ прежде Христіанинъ, а имя ему Александръ*, и отъвръжеся Христіанства и прія Лядскую вѣру» ([49]).

22. *Михаилъ* Любартовичь ([50]); 23. *Александръ* Любартовичь ([51]); 24. *Ѳедоръ* Любартовичь ([52]), князь луцкій, потомъ—владимірскій; 25. *Иванъ* Любартовичь ([53]);

([46]) Акт. относ. къ ист. Запад. Рос. 1846. т. I. стр. 23.
([47]) Ondyna Druskienickich Żrodeł. 1844. Zesz. 1. стр. 16—20.
([48]) Тамъ-же стр. 19.
([49]) У Карамз. Ист. Гос. Рос. т. V. пр. 182.
([50, 51, 52, 53]) Всѣ они крещены были въ православіе, потому

26. *Юрій* Коріатовичъ ([54]); 27. *Александръ* Коріатовичъ ([55]), князь волынскій; 28. *Федоръ* Каріатовичъ ([56]), князь подольскій; 29. *Константинъ* Каріатовичъ ([57]),— твердость его въ православіи увидимъ ниже; 30. *Федоръ* Патрикеевичъ ([58]), князь волынскій, убитъ 1399 г.; 31. *Александръ* Патрикеевичъ ([59]), князь стародубскій; 32. *Иванъ* Вингольтовичъ (сынъ Виньгольта — Андрея Ольгердовича) ([60]); 33. *Михаилъ* Димитріевичъ ([61]); 34. *Андрей* Димитріевичъ ([62]), (сыны Димитрія Ольгердовича Трубецкаго); 35. *Александръ* или *Олелько* Владимировичъ, князь копыльскій, а потомъ и кіевскій, умеръ 1455 г. ([63]); 36. *Юрій Давготасъ* Лингвеніевичъ (Семеновичъ) ([64]), князь мстиславскій. 37. *Ярославъ-Ѳедоръ* Лингвеніевичъ ([65]), убитъ подъ Вилькоміромъ 1435 г.; 38. *Михаилъ* Олельковичъ ([66]), князь копыльскій и слуцкій, убитъ 1482 г.; 39. *Семенъ* Олелько-

---

что отецъ и мать Агапія или Буча, дочь князя владимірскаго на Волыни, были православные.

([54], [55], [56]) Latop. Litw. i kr. Russ. стр. 50 и 51.

([57]) Kr. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II. стр. 18.

([58]) Latop. Litw. i kr. Russ. стр. 219.

([59]) Тамъ-же стр. 221.

([60]) Тамъ же стр. 210. Этотъ князь у Нарбута пропущенъ.

([61], [62]) Они, безъ сомнѣнія, были православные, потому что отецъ исповѣдывалъ православіе.

([63]) Весь родъ Олельковъ, до пресѣченія его въ лицѣ княгини Софіи, бывшей за княземъ Радзивиломъ, былъ православнымъ, какъ доказываютъ церковныя книги съ собственноручными надписями Олельковичей, пожертвованныя ими въ Слуцкій Троицкій монастырь, которыя хранятся до сихъ поръ, и которыя самъ авторъ видѣлъ. Княгиня Софія почиваетъ въ церкви того-же монастыря.

([64]) Latop. Litw. i kr. Russ. стр. 253. Kr. Pol. Stryik. 1845. ч. II. стр. 74.

([65]) Тамъ-же стр. 233.

([66]) Latop. Litw. i kr. Russ. стр. 263. пр. 380.

вичь (67), князь кіевскій, умеръ 1471 года; 40. *Ѳедоръ* Ивановичь (сынъ Ивана Владиміровича Бѣльскаго) (68).

Нѣтъ сомнѣнія, что еще бо́льшее число князей литовскихъ исповѣдывало православіе, на пр. Иванъ Бѣльскій, сынъ Владиміра Ольгердовича Кіевскаго, иначе сынъ его Ѳедоръ не могъ бы быть православнымъ; но мы не ставили ихъ здѣсь, не имѣя яснаго свидѣтельства лѣтописцевъ, чтобы не подумали, будто мы набираемъ христіанскія имена, которыя равно употребляются и въ восточной, и въ западной церкви.

Стрыйковскій, говоря о призваніи воеводою Гастольдомъ Францискановъ въ Вильну въ 1332 году, пишетъ: «уже чуть не всѣ князья литовскіе Гедиминовичи окрестились въ христіанскую православную вѣру, кромѣ Кейстута (69).» Итакъ въ самое блистательное время Литвы почти всѣ князья исповѣдывали православіе. Въ ряду ихъ недостаетъ только трехъ славныхъ именъ: Гедимина, Кейстута и защитника Москвы Остея (70); по крайней мѣрѣ, почти всѣ сыны Ге-

---

(67) Признается православнымъ, потому, что весь родъ Владиміра Ольгердовича, т. е. всѣ Олельковичи исповѣдывали православіе, какъ сказано выше.

(68) Latop. Litw. i kr. Russ. стр. 263. пр. 380.

(69) Kron. Pol. Stryjk. 1845. ч II. стр. 14. «już mało nie wszystki xiążęta Litewskie Gediminowicy ochrzcili byli w Russkich obrzędów wiarę chrześciańską, okrom kieistuta.» Годъ призванія Гастольдомъ Францискановъ у Стрыйковскаго поставленъ неправильно: вмѣсто 1332, слѣдуетъ поставить 1365. Журн. Мин. Нар. Просв. 1843 г. № 6. ст. П. Елагина: «первые Христ. мученики въ Литвѣ.»

(70) Онъ носилъ христіанское имя Александра, и будучи сыномъ Виигольта — Андрея Ольгердовича, долженъ быть православнымъ; но мы не считаемъ его потому-же, почему и Ивана Бѣльскаго.

димина, великій Ольгердъ и почти всѣ Ольгердовичи были сынами восточной Церкви. До сихъ поръ не были сведены въ этомъ отношеніи сказанія лѣтописцевъ.

Посмотримъ теперь, какимъ путемъ православіе входило въ великокняжескій литовскій домъ. Извѣстно, что христіанская Вѣра у многихъ народовъ введена была посредствомъ женъ. То же случалось и въ Литвѣ. Князья литовскіе вступали въ брачные союзы съ княжнами русскими; узнавъ ближе Вѣру своихъ женъ, часто и сами принимали ее, на пр. Ольгердъ первый разъ принялъ крещеніе, женившись на Маріи, княжнѣ витебской: «Ольгердъ же еще при житіи отца окрестися ради жены» (71); потомъ обратился въ язычество, вѣроятно, изъ политическихъ видовъ,—чтобы пользоваться любовію народа, еще коснѣвшаго въ язычествѣ; даже нѣкоторое время преслѣдовалъ христіанъ; но послѣ покровительствовалъ имъ: подарилъ землю, гдѣ пострадали мученики Іоаннъ, Евстафій и Антоній (72); строилъ церкви, и наконецъ, передъ смертью принялъ православіе и схиму, по убѣжденію супруги своей: «Княгиня же Іуліанія, видя мужа своего Ольгерда, послѣднее дышуща, и зѣло печаловашеся о его спасеніи, и созва сыны своя, и отца сво-

---

(71) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IV. прим. 267; согласно сему и этими-же словами говоритъ и Стрыйковскій. Kr. Pol. 1845 г. ч. II. стр. 14. Въ этомъ крещеніи сомнѣваться нельзя, потому что Ольгердъ построилъ въ Витебскѣ двѣ православныя Церкви—Благовѣщенія и Свято-Духовскую. Chron. Steb. стр. 7. Lat. Lit. i kr. Rus. стр. 27.

(72) Журн. Мин. Нар. Просв. 1843 г. № 6 въ статьѣ И. Еланина: «первые христіанскіе мученики въ Литвѣ».

его духовнаго призва Давида Архимандрита печерскаго, и *увѣща своего мужа*, и Божіимъ поспѣшеніемъ *сподоби его святаго крещенія...* и *святою схимою того украсивше...* и по малѣхъ днехъ преставися, и положиша тѣло его въ церкви Пресвят. Богородицы въ Вильнѣ, *юже самъ созда* (72)». О Любартѣ Гедиминовичѣ также сказано: «Любартъ уже давно окрестился въ Русскую вѣру ради жены, княжны владимірской, за которую и волынское княжество получилъ въ удѣлъ, еще при жизни отца, Гедимина (73)». И другіе князья, женатые на княжнахъ русскихъ, больше или меньше озарялись свѣтомъ православія, и если не всѣ принимали его, то, по крайней мѣрѣ, не питали къ нему такого непріязненнаго чувства, какъ къ римскому католичеству: мы знаемъ одно только гоненіе на православныхъ, когда пострадали Іоаннъ, Евстафій и Антоній; римскіе же монахи не одинъ разъ были преданы жесточайшей смерти.

Перечислимъ князей литовскихъ, женатыхъ на Русинкахъ: 1. *Довмундъ* старый Тимоѳей, бывшій княземъ псковскимъ, имѣлъ въ супружествѣ Марію Дмитріевну, дочь Дмитрія Александровича, великаго князя новгородскаго (74); 2. *Гедиминъ*, великій князь литовскій, во второмъ и третьемъ бракѣ имѣлъ Россіянокъ Ольгу и Евву, но кто именно онѣ были — неизвѣстно (75);

---

(72) Исторія Гос. Рос. Карамз. т. V. пр. 50.

(73) Kr. Pol. Stryik. 1845 г. ч. II. стр. 29. Lubart już Lię był przed tym dawno ochrzcił w Ruskau wiarę gwoli żenie kiężnie Włodimirskiej, po którey i Wołyńskie xięstwo ieszcze za ojca Gedimina wziął w udział.»

(74) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IV. пр. 162.

(75) Собран. древн. грам. и акт. Вильно 1843 г. стр. XI. Obraz

3. *Ольгердъ* Гедиминовичь, великій князь литовскій, имѣлъ первую супругу — Марію Ярославовну, княжну витебскую, а вторую — Іуліанію Александровну, княжну тверскую. Польскіе писатели первую супругу называютъ княжною тверскою, а вторую Маріею; но изъ литовскаго лѣтописца видно, что Ольгердъ первый разъ женатъ былъ на княжнѣ витебской (77). При смерти же Ольгерда супруга его называется Іуліаніею (78). Какъ одна изъ женъ его называется Маріею, а при смерти его (слѣд. вторая) была Іуліанія Александровна тверская; то и принято, что имя Маріи носила первая супруга — княжна витебская, по отчеству—неизвѣстная. Но отчего историки ошиблись въ именахъ женъ великаго князя, и какъ называлась по отчеству первая супруга Ольгерда,— до 1844 г. было рѣшительно неизвѣстно. Теперь это объяснилось совершенно удовлетворительно: въ служебникѣ, написанномъ на бумагѣ XVI вѣка есть выпись изъ помянника пречистенской церкви въ Вильнѣ, построенной Ольгердомъ; тамъ записаны для поминовенія дни кончины князей и княгинь литовскихъ отъ Ольгерда до Елены Іоанновны, супруги правнука его. О первой супругѣ Ольгерда написано: «великая княжна Марія *Ярославовна*, усопше на память преподобнаго Иларіона». О второй

Lit. Iarosz. T. II. стр. 4. Нарбутъ думаетъ, что Ольга была дочь Всеволода, князя псковскаго. Dz. st. nar. Lit. T. V. стр. 11.

(77) Lat. Lit. i kr. Russ. стр. 27. Montiwidu dał otec Karaczew da Stonim, Narimontu Pinesk, *Olhirdu* Korolewu otcu Kiew, da ktomu *Kniaz Witebskyi* śynow nederżat, *priniat ieho kdotce, Witebsk wziati.*

(78) Ист. Гос. Рос. Кар. V. пр. 50. Она безспорно была княжна тверская. Ист. Гос. Рос. Кар. IV. пр. 351.

сказано: «великая княжна Іуліанна, *во святой схимѣ Марія*, усопшая на память святого Апостола Симеова Зилота» ([79]). Это согласно и съ степенною книгой, въ которой говорится: «Въ лѣто 6900 (1392) преставися въ Литвѣ княгини Олгердова Ульяна, *въ мнишескомъ чину Марина*» ([80]). Теперь понятно, что въ церковныхъ поминовеніяхъ Іуліанія называлась Маріею — именемъ, принятымъ въ иночествѣ. Польскіе писатели, зная, что въ церковныхъ поминовеніяхъ ошибки быть не можетъ, и что Ольгердъ имѣлъ двухъ женъ, стали называть Іуліанію Маріею, какъ будто она до иночества и не носила другаго имени; а какъ извѣстно, что одна изъ женъ Ольгерда называлась Іуліаніею, то имя это дали первой женѣ, Маріи Ярославнѣ витебской; Бѣльскій же, не зная какъ выпутаться изъ именъ женъ Ольгерда, рѣшилъ, что у него была одна жена Марія ([81]).

4. *Любартъ* Гедиминовичъ имѣлъ въ супружествѣ дочь князя владимірскаго на Волыни ([82]), по Стрыйковскому, Агапію, а по родословнымъ Яблоновскаго — Бучу; во второмъ же бракѣ — дочь Константина Ростовскаго ([83]); 5) *Евнутъ* Гедиминовичъ, по нашимъ родословнымъ, женатъ былъ на княжнѣ витебской, и тамъ-же сказано, что Ольгердъ женился на княжнѣ полоцкой; но какъ о послѣднемъ изъ литовскаго лѣто-

---

([79]) Ondyna Druskienickich źródeł. 1844 г. Zesz. 1. стр. 14.

([80]) Степ. кн. 1. стр. 512.

([81]) Еще въ 1843 г. нѣкоторые вѣрили, что первая супруга Ольгерда была Іуліанія, а вторая Марія. Wizer i roztrząs. nauk. pocz. now. 2. T. XXIII. стр. 110 и 111.

([82]) De orig. Polon. Cromer. p. 204. Pistor. in Corpor. hist. Polon. III. p. 166.

([83]) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IV. пр. 267 и 351.

писца достовѣрно извѣстно, что онъ женился на княжнѣ витебской, то, вѣроятно, имена въ нашихъ родословныхъ перемѣшаны, и Евнутъ женатъ былъ на княжнѣ полоцкой ([84]); 6) *Карибутъ* Ольгердовичь имѣлъ въ супружествѣ дочь князя рязанскаго Александра ([85]); 7) *Ягайло* Ольгердовичь, великій князь литовскій и король польскій, въ 4-мъ супружествѣ имѣлъ Сонку (Софію) Андреевну, дочь Андрея Ивановича князя Друцкаго ([86]),—по принятіи римскаго исповѣданія, она названа Софіею; 8) *Лингвеній* Ольгердовичь женатъ былъ на Маріи Васильевнѣ, дочери Димитрія Іоанновича Донскаго, великаго князя московскаго ([87]); 9) *Свидригайло* Ольгердовичь имѣлъ въ супружествѣ Ольгу Борисовну, дочь князя тверскаго ([88]); 10) *Витовтъ* Кейстутовичь въ первомъ бракѣ женатъ былъ на Аннѣ Святославовнѣ, дочери князя смоленскаго ([89]), а въ третьемъ бракѣ на Маріи Андреевнѣ, дочери князя лукомльскаго и стародубовскаго ([90]); 11) *Александръ* Коріатовичь имѣлъ въ супружествѣ дочь великаго князя московскаго, Симеона Іоанновича Гордаго ([91]).

([84]) Тамъ-же.

([85]) Hist. nar. Pol. Narusz. T. 9. стр. XVI.

([86]) Hist. Pol. Dług. стр. 446. Bielski стр. 321. Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II. стр. 160. Chronolog. Stebel. стр. 28. Родословная Сонки будетъ подробнѣе объяснена ниже.

([87]) Latop. Litw. i kr. Russ. стр. 210 и 219.

([88]) Hist. Pol. Dług. стр. 11—83 и 610. Chron. Steb. стр. 30. Нѣкоторые называютъ ее Софіею. Акт. отн. къ ист. Зап. Рос. т. I. пр. 50.

([89]) Chronol. Steb. стр. 17.

([90]) Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II. стр. 155. Стебельскій старается доказать, что у Витовта были только двѣ жены. Chron. Steb. стр. 20.

([91]) Dz. St. nar. Lit. Narb. T. V. стр. 76. Отсюда-же видно, что Александръ у Карамзина неправильно названъ Димитріемъ.

Это число князей литовскихъ, женатыхъ на княжнахъ русскихъ, значительно увеличится, если припомнимъ, что многіе изъ нихъ какъ напр. Нелюбъ-Александръ, Владиміръ Ольгердовичъ кіевскій, Димитрій Ольгердовичъ трубецкій и др., въ молодыхъ лѣтахъ переходили на Русь. Само собою разумѣется, что они женились на Русинкахъ; но хроники не сохранили именъ женъ ихъ, и теперь ничего утвердительно сказать нельзя. Если бы эти князья, переселившись на Русь, прекращали всякое сношеніе съ Литвою; то женидьба ихъ на княжнахъ русскихъ нисколько бы не способствовала развитію русскаго элемента въ Литвѣ; но извѣстно, что сношенія ихъ съ Литвою часто возобновлялись: такъ напр. потомки Владиміра Ольгердовича, извѣстные подъ именемъ Олельковичей, князей кіевскихъ, копыльскихъ и слуцкихъ, такъ были близки къ Литовцамъ, что при великокняжескомъ дворѣ пользовались особыми почестями, и даже были избираемы на великокняжескій литовскій престолъ ([92]).

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что 16 браковъ князей литовскихъ съ княжнами русскими не много содѣйствовали введенію православія и русской народности въ родъ князей литовскихъ; но вліяніе ихъ значительно увеличится, если подумаемъ, что отъ этихъ браковъ произходили дѣти, «которыя, воспитываясь подъ надзоромъ матерей—Русскихъ, съ малолѣтства привыкали къ понятіямъ ихъ вѣры, и равнодушно, можетъ быть, и съ презрѣніемъ смотрѣли на обряды языческіе» ([93]). Историкъ Матвей Меховита, каноникъ

([92]) Kron. Pol. Stryjk. 1845. ч. II. стр. 206.

([93]) Obraz Litw. Iarosz. 1844 г. ч. II. стр. 6.

краковскій, о сыновьяхъ Ольгерда пишетъ, что мать ихъ, будучи русскою княжною «ad mores formabat græcos, ritum græcum illis instillans» (94) т. е. «воспитывала ихъ въ правахъ русскихъ, внушая вѣру православную». Знаемъ также, что Ядвига не хотѣла выходить за Ягайлу, считая его язычникомъ. На это послы отвѣчали: «что касается до Вѣры христіанской, то Ягайло вмѣстѣ съ прочими братьями, будучи рожденъ отъ матери Христіанки, еще съ самой нѣжной юности наставленъ въ христіанской Вѣрѣ (разумѣется православной, ибо мать была православная)» (95).

Сношенія Литвы съ Русью не ограничивались тѣмъ, что литовскіе князья женились на русскихъ княжнахъ; они и своихъ дочерей выдавали за князей русскихъ. Правда, литовскія княжны, удаляясь изъ своего отечества, не развивали въ немъ постоянно русскаго элемента; но отцы, выдавъ дочерей на Русь, роднились съ нею, смотрѣли на нее, какъ на страну, близкую ихъ родительскому сердцу. Все это знакомило Литву съ Русью и православіемъ, а когда княгини пріѣзжали въ Литву къ родителямъ, Литовцы знакомились съ Русскими, сопровождавшими своихъ княгинь, и такимъ образомъ постепенно и нечувствительно Литва входила въ родство и единство съ Русью. Хроники любятъ разсказывать о войнахъ, побѣдахъ, пораженіяхъ; но такъ мало занимаются предметами семейными, что иногда, говоря о литовскихъ княж-

---

(94) Chronol. Pol. Mechov. p. 263.

(95) Quod ad religionem Christianam affinet, Iagellonem cum cæteris fratribus Christiana matre natum, jam inde ab ineunte aetate Christiana religione imbutum. Crom. de orig. Pol. p. 239 et 240.

нахъ выданныхъ въ замужество за князей русскихъ, забываютъ даже упомянуть объ имени тѣхъ княженъ. Перечислимъ ихъ, сколько позволяютъ историческіе памятники: 1. *Дочь* князя литовско-завалѣйскаго *Утегеса* или *Дангерута* Свальгатесовича была за доблестнымъ герсикскимъ княземъ Всеволодомъ ([96]); 2. *Дочь Эрдзивила* или *Игумиса* Рингольдовича князя литовско-новогрудскаго, неизвѣстная по имени, была супругою Даніила галицкаго ([97]); 3. *Дочь Миндовга* Рингольдовича, короля литовскаго, не извѣстная по имени, была за Шварномъ Даніиловичемъ Галицкимъ ([98]). Этотъ бракъ доказываетъ, какъ сильно родство княжескихъ домовъ связывало Литву съ Русью: сынъ Миндовга Войшелгъ уступилъ литовскій престолъ Шварну, потому что за послѣднимъ была сестра его. 4. *Дочь Геманта* или *Ямонта* Гурдовича, намѣстника смоленскаго, неизвѣстная по имени, была въ замужествѣ за Андреяномъ Титовичемъ, княземъ звенигородскимъ ([99]); 5. *Дочь Гедимина*, великаго князя литовскаго, неизвѣстная по имени, была супругою тверскаго князя Дмитрія Михайловича Грозныя очи ([100]): 6. *Дочь Гедимина* Августа *Анастасія* была за Симеономъ Ивановичемъ, сыномъ Ивана Даніиловича Калиты ([101]); 7. *Дочь Гедимина* же, неизвѣстная по имени, была въ замужествѣ за Юріемъ Андреевичемъ, княземъ галиц-

([96]) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. III. стр. 460.

([97]) Полн. соб. Рус. лѣт., изд. Археогр. Ком. т. II. стр. 187.

([98]) Тамъ-же стр. 341.

([99]) Ист. Гос. Рос. Кар. V. пр. 137. Lat. Lit. i Kr. Rus. стр. 213.

([100]) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IV. стр. 201. Собр. древн. грам. и акт. Вильно 1843 г. стр. XI.

([101]) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IV. стр. 222. Собр. древн. грам. и акт. Вильно 1843 г. стр. XI.

кимъ ([102]); 8. *Дочь Ольгерда* Гедиминовича, великаго князя литовскаго, *Агрипина* была супругою Бориса Константиновича, князя суздальскаго ([103]); 9. *Дочь Ольгерда* же *Марія* была за княземъ русскимъ Давидомъ, но которымъ именно—неизвѣстно ([104]); 10. *Дочь Ольгерда* же *Елена* была въ замужествѣ за Владиміромъ Андреевичемъ храбрымъ ([105]); 11. *Дочь Ольгерда* же *Ѳеодора* была за Святославомъ Титовичемъ, княземъ звенигородскимъ ([106]); 12. *Дочь Кейстута* Гедиминовича *Марія* была за Иваномъ Михайловичемъ, сыномъ великаго князя тверскаго Михаила Александровича ([107]); 13. *Дочь Владиміра* Ольгердовича кіевскаго, неизвѣстная по имени, была супругою Василія Михайловича, сына великаго князя тверскаго Михаила Александровича ([108]); 14. *Дочь Витовта* Кейстутовича великаго князя литовскаго — *Анастасія Софія* была за великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ ([109]); 15. *Дочь Александра* Патрикеевича стародубскаго *Аграфена* была въ замужествѣ за Андреемъ Дми-

---

([102]) Тамъ-же и Dz. st. nar. Lit. Narb. T. III. Tabl. III.

([103]) Latop. Litw. i kr. Russ. стр. 175. Dz. st. nar. Lit. Narb. T. III. Tabl. III.

([104]) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX. пр. 414. Собр. др. грам. и акт. Вильно 1843 г. стр. XI.

([105]) Latop. Litw. i kr. Russ. стр. 182 и 183. Ист. Гос. Рос. Кар. т. V. стр. 24.

([106]) Ист. Гос. Рос. Кар. т. V. пр. 137. Собр. др. грам. и акт. Вильно. 1843. стр. XI.

([107]) Latop. Litw. i kr. Russ. стр. 216. Ист. Гос. Рос. Кар. т. V. пр. 137. Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VI. стр. 13.

([108]) Ист. Гос. Рос. Кар. т. V. пр. 137.

([109]) Lat. Litw. i kr. Russ. стр. 45. Chronolog. Steb. стр. 18. Dz. st. nar. Lit. Narb. T. V. стр. 462.

тріевичемъ, братомъ великаго князя московскаго Василія Дмитріевича ([110]).

Почти всѣ эти браки ясно показываютъ цѣль политическую: малозначительные князья литовскіе не входили въ родство съ Русскими; а князья великіе, политики дальновидные, роднились съ Русскими, имѣя въ виду, что зятья не такъ легко поднимутъ оружіе на тестя, какъ если бы не были связаны родствомъ ([111]). Какъ бы то ни было, но всѣ славные князья литовскіе: Утенесъ—гроза Нѣмцевъ, воинственный Эрдзивилъ, Миндовгъ—первый побѣдитель Татаръ и глубокій политикъ своего времени, умѣвшій получить отъ папы королевскій вѣнецъ,—великій Гедиминъ, создавшій великое княжество литовское,—Ольгердъ—удивленіе современниковъ,—Кейстутъ, прославившійся въ битвахъ,—Витовтъ, князь-богатырь, гордость Литовцевъ, — всѣ эти виновники славы народа литовскаго, породнились съ князьями русскими. Слѣдовательно въ самое блистательное время Литвы, она видѣла въ Руси свою сестру, которой ввѣряла счастіе своихъ княженъ.

Сводя все вышесказанное подъ одинъ взглядъ, находимъ, что 56 литовскихъ князей исповѣдывали православную вѣру, 16 русскихъ княженъ были въ замужествѣ за князьями литовскими, и 15 литовскихъ княженъ были выданы за князей русскихъ. Князья, происходя большею частію отъ русскихъ матерей, были преданы православной вѣрѣ и русской народ-

---

([110]) Lat. Litw. i kr. Russ. стр. 222. пр. 290. Врем. Соф. I. стр. 426.

([111]) Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. I. стр. 382.

пости. Въ 1386 году, вмѣстѣ съ Ягайлою, нѣкоторые князья приняли латинство, но это сдѣлали изъ видовъ политическихъ, а въ душѣ не переставали быть тѣмъ, чѣмъ были прежде. Такъ Скиргайло перекрестился, и православное имя Іоанна перемѣнилъ на римско-католическое Казиміра; но когда сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ, то «больше былъ расположенъ къ распространенію Вѣры православной, нежели римской, потому что съ малолѣтства былъ воспитанъ между Русью» ([112]). Свидригайло также крестился въ римскую вѣру, и вмѣсто имени Льва, принялъ имя Болеслава; но и объ немъ историкъ польскій, слѣдовательно готовый молвить доброе словцо въ пользу латинства, пишетъ: «былъ расположеннѣе къ русской Вѣрѣ, хотя и окрещенъ въ римскую ([113])». Нарбутъ также говоритъ объ немъ: «оказывалъ болѣе ревности къ русскому исповѣданію, нежели римскому» ([114]).

Блистательный примѣръ привязанности къ православію, достойный вѣчной памяти и славы, видимъ въ лицѣ внука Гедиминова, польскаго князя Константина Коріатовича: польскій король Казиміръ великій, не имѣя сына, въ 1339 г. собралъ въ Краковѣ сеймъ для назначенія преемника престола; охотниковъ на престолъ Пястовъ было много, но, по свидѣтельству

([112]) Więcey był przychylny do rozmnożeniamodł Russkich zakonu Greckiego, niż do szczepienia i ugruntowania powszechney wiary chrześciańskiey Kościola Rżymskiego. bo się między Rusią z mlodu uchował. Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II стр. 83.

([113]) Był Ruskiej religiej przychylniejszy, aczkolwiek był w Rżymską ochrzczony. Kron. Pol. Stryjk 1845 г. ч. II. стр. 177.

([114]) Gorliwiey sprzyiał Ruskiemu wyznaniu, niżeli Rżymskiemu. Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VII. стр. 179.

русскихъ и литовскихъ *лѣтописцевъ*, король и паны коронные желали и хотѣли избрать Константина Коріатовича, внука Гедиминова, племянника Ольгердова, бывшаго въ то время литовскимъ княземъ въ земляхъ подольскихъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Краковъ, король Казиміръ уговаривалъ его окреститься изъ русской Вѣры въ *римскую*, если хочетъ быть преемникомъ его на польскомъ королевствѣ. Князь Константинъ Коріатовичъ, не соглашаясь перемѣнить вѣру, «*презрѣлъ* (говорятъ лѣтописцы) наслѣдство на польское королевство» (115). Каждый сынъ православной Церкви долженъ съ умиленіемъ остановиться надъ этимъ событіемъ. Кто усомнится въ достовѣрности его, для того замѣтимъ, что это пишетъ не только полякъ, но и каноникъ римско-католической церкви; по этому слѣдуетъ заключить, что перомъ автора водила святая истина; безъ нея не могло бы быть согласнаго сказанія лѣтописцевъ не только многихъ, но еще и разнонародныхъ — русскихъ и литовскихъ; если не упомянули объ этомъ лѣтописцы польскіе прежде Стрыйковскаго, то причина молчанія ихъ весьма понятна — не хотѣли писать, что православному предлагали Пястову корону, но онъ отвергъ ее (116).

---

(115) Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II стр. 18.

(116) Вотъ и фактъ, что Стрыйковскій сказаніе свое основалъ дѣйствительно на лѣтописцахъ. Въ литовскомъ лѣтописцѣ, изданномъ Даниловичемъ, сказано: «Polsky korol Kazimir hokotkowicz (пропущено: *узналъ* или *услышалъ*), szto ich tri braty Koriatowiczi na podelskoj zemli, a liudimużngi I on prisłał k kniaziu Kostentinu khlejtownyi listy, so welikuju twerdostiu, i prosia jeho sztoby k niemu prijechał. A umysliw toje sobie swoimi pany, szto w neho sina ne było, tolko była odna doczka,

Теперь спрашивается, какую вѣру исповѣдывали дочери князей литовскихъ, рожденныя отъ матерей русскихъ? Польскій писатель и католикъ говоритъ: «не всѣ изъ семи сыновей Гедимина оставили вѣру своихъ предковъ, за то большое потомство Ольгерда, равно какъ и сыновья Кейстута, ревностнѣйшаго послѣдователя язычества, и не малое число племянниковъ, дѣтей другихъ братьевъ, *исповѣдывали православіе*, короче — *всѣ потомки Ольгерда и Кейстута легко переходили на лоно восточной Церкви.* Что же касается до *дочерей*, — кто знаетъ не сейчасъ ли по рожденіи онѣ *были крещены въ вѣру греческую;* по крайней мѣрѣ, ихъ выдавали за мужъ, преимущественно за князей русскихъ, уже съ готовыми именами христіанскими; а лѣтописцы не преминули бы сказать о крещеніи ихъ, если бы это таинство было совершено предъ самымъ замужествомъ княженъ; тѣ только, которыхъ выдавали за мужъ въ Польшу и Мазовію, принимали крещеніе по обряду римскому» (117). И объ этомъ крещеніи всѣ лѣтописцы упоминаютъ, потому что православныхъ въ Польшѣ перекрещивали; такъ мы знаемъ, что четвертая супруга Ягайлы Сонка или Софія, дочь Андрея Ивановича, князя друцкаго, происходившаго отъ князей кіевскихъ (118), была перекре-

---

zachoteł za neho doczku dati. I kniaż Kostentin na klehijtownych listech k Polskomu korolu iezdii, i tam kaksia jemu posmotrieło, nepochoteł k toj wlere pristupiti, i opiat' na tychże listiech otjechał do Podolskoj zemli Lat. Lit. i kr. Russ стр. 50 и 51.

(117) Obr. Litw. Iarosz. 1844 г. ч. II, стр. 6.

(118) Кто была Сонка—весьма многіе недоумѣваютъ. Зубрицкій, писатель трудолюбивый и добросовѣстный, въ Крит. истор. повѣсти о Галиц. Руси на стр. 257, основываясь на словахъ Длугоша,

щена по обряду римскому; а тѣ княжны литовскія, которыя выходили за русскихъ, называются именами

что Сонка была filia Andreæ Ioannidis ducis Kijoviensis, отвергаетъ даже и то, что Гедиминъ взялъ Кіевъ. и посадилъ тамъ своего намѣстника. Тутъ двѣ ошибки: 1) о Кіевѣ и 2) о Сонкѣ. Изъ сочиненія Зубрицкаго видно, что ему неизвѣстенъ такъ называемый у насъ лѣтописецъ Даниловича Latopisiec Litwy i kronika Russka. Wilno 1827. Изъ этой книги видно, что авторъ лѣтописца былъ самъ Кіевлянинъ и современникъ Ягайлы; при немъ въ Кіевѣ намѣстникомъ былъ Скиргайло; разсказывая, что намѣстникъ митрополита, чернецъ Ѳома, позвалъ Скиргайлу на пиръ и отравилъ, онъ пишетъ: «az że toho ne swiem, zańże biech tohdy mład, no necej hłaholiut iżeby tot Foma dał kniaziu Skirhaiły zelije trawnoie piti.. i położen byśt podle hroba Feodosia Peczerskoho стр. 47 Итакъ, по свидѣтельству Кіевлянина и современника Ягайлова, намѣстники литовскіе въ Кіевѣ дѣйствительно были. Какъ-же Сонка могла быть дочерью князя кіевскаго? Вопросъ этотъ рѣшенъ еще Стрыйковскимъ. Онъ три раза принимался изслѣдовать, кто была Сонка, и наконецъ дознался, что она была дочь Андрея Ивановича, происходившаго изъ князей кіевскихъ, по занятіи Кіева Литвою, *имѣвшаго маленькій удѣлъ въ Друцкѣ*. По происхожденію, его называютъ кіевскимъ. Свадьба Сонки съ Ягайлою устроилась потому, что Сонка была родственница Витовту по женѣ его. (Kron. Pol. Stryik. 1845 г. ч. II. стр. 155. 159 и 261). Нарбутъ утверждаетъ, что Сонка была дочь Андрея Алгимундовича Ольшанскаго, и обвиняетъ Стрыйковскаго за то, что онъ, слѣдуя Меховитѣ, производитъ ее отъ князей русскихъ; но Меховита, жившій въ XVI вѣкѣ, лучше другихъ могъ знать, изъ какого роду происходила королева, жившая назадъ тому менѣе одного вѣка. Обвиненіе состоитъ въ томъ, что Стрыйковскій изъ одного рода выводитъ Сонку и князей Острожскихъ, а по Стебельскому—это особые роды. Кто повѣрялъ третью часть Стебельскаго, гдѣ изложена генеологія Острожскихъ, тотъ не усомнится, что тамъ ошибокъ и путаницы весьма довольно; да если-бы Сонка и происходила изъ одного рода съ Острожскими, то отсюда еще не слѣдуетъ, что она была изъ рода Алгимундовичей. Послѣ Нарбутъ по Стрыйковскому же объясняетъ родство Сонки съ женою Витовта, но какъ оно не согласно съ родословіемъ Алгимундовичей, то онъ рѣшаетъ дѣло только словами: *можетъ быть* Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VI. стр. 425.

христіанскими, и о крещеніи ихъ лѣтописцы не говорятъ. О дочери Ольгерда Агрипинѣ, вышедшей въ 1354 г. за Бориса Константиновича суздальскаго, сказано: «ożeni sia Kniaź -Boris *z Olhirdownoju Ohrifinoju* (119)». Другая дочь Ольгерда, вышедшая въ 1372 г. за Владиміра Андреевича храбраго, за годъ передъ бракомъ называется Еленою: «Tohoż lieta (1371) ohriuczi za kniazia Wolodimery и *Olhirda dszczer ioho Oleni* (120)». Очевидно— эта княжна названа тѣмъ именемъ, какое носила въ Литвѣ; ибо такъ называется по случаю обрученія, за годъ до свадьбы.

Но вотъ еще яснѣе дѣло: Кояловичъ, описывая, какъ Кейстутъ завладѣлъ Вильномъ, и взялъ Ягайлу въ плѣнъ въ 1377 г., говоритъ «Jagelo cum parente Uliana et sorore sua *Maria* in potestatem redigitur» (121) т. е. «Ягайло съ матерью Іуліаніею и сестрою *Маріею* захвачены Кейстутомъ». Эта Марія была за княземъ русскимъ Давидомъ, а послѣ за Войдилой; но въ 1347 г. о сватовствѣ еще и толку не было, слѣдовательно княжна носила имя Маріи безъ всякаго отношенія къ супружеству.

Какія же это были имена Агрипина, Елена, Марія? Православныя или римско-католическія? Безспорно, православныя: ибо до женидьбы Ягайлы въ 1386 г. изъ литовскихъ князей ни одинъ не былъ римско-католикомъ. Если припомнимъ, что жены Ольгерда воспитывали сыновей еще съ дѣтства въ православіи; то тѣмъ болѣе дочери были крещены въ православную Вѣру. Сыновей Ольгердъ могъ еще не позволить крестить изъ угожденія жрецамъ, имѣвшимъ вліяніе

(119) Latop. Lit. i kr. Russ. стр. 175.
(120) Тамъ-же стр. 182. (121) Hist. Lithw. Kojal. P. 1. p. 554.

па народъ; но мѣшать женамъ крестить дочерей во свою Вѣру не было рѣшительно никакого повода, тѣмъ болѣе, что Ольгердъ и самъ, передъ первою женидьбою, принялъ крещеніе.

Какъ отъ Ольгерда произошло много княжескихъ родовъ; то всѣ они, наслѣдуя Вѣру своихъ предковъ, были сынами Церкви православной, и многія изъ княжескихъ фамилій, исповѣдывающихъ нынѣ римскую вѣру, прежде были православными, именно, въ началѣ XVII вѣка, по свидѣтельству самихъ иновѣрцевъ, православіе исповѣдывали князья: заславскіе, вишневецкіе, чарторижскіе, збаражскіе, сангушки, острожскіе, друцкіе, коширскіе, соломерецкіе, пропскіе, порицкіе, пестрецкіе, путятскіе, четвертинскіе, воронецкіе, роумнскіе, горскіе ([122]) и блинскіе ([123]). Знаменитый въ Литвѣ и въ польской исторіи родъ князей Сапѣгъ также былъ православнымъ; гробы ихъ до сихъ поръ находятся въ православной Церкви въ г. Трокахъ ([124]). Базиліанинъ Стебельскій, любящій всѣхъ дѣлать уніятами даже въ то время, когда унія еще не существовала, сознается, что при Сигизмундѣ 1, гетманъ и канцлеръ великаго княжества литовскаго *князь Иванъ Сапѣга былъ православнымъ*, и отпалъ отъ своей вѣры, находясь посланникомъ въ Римѣ ([125]). Гробы Тышкевичей (нынѣ графы) находятся въ православномъ троицкомъ монастырѣ въ Вильнѣ, и поставлены прежде уніи ([126]), слѣдовательно похороненные въ нихъ

([122]) Kronica Sarmacyi Evrop. Gvagnin стр. 323. Chronolog. Stebel. стр. 93. Wilno Kraszew. T. III. стр. 50. Журн. Мин. Нар. Просв. 1846. № 1. Отд. VI. стр. 27.

([123]) Акт. отн. къ ист. запад. Росс. т. I. прим. 123.

([124]) Собр. древн. грам. и акт. Вильно. 1843 г. ч. 1. стр. XLVII.

([125]) Chronolog. Stebel. стр. 234 въ примѣч.

([126]) Собран. древн. грам. и акт. Вильно. 1843 г. ч. 1. стр. XLVIII.

были православными. Хрептовичи, огинскіе, воловичи, бѣлявичи, долматы дарили свои имѣнія православнымъ церквамъ и монастырямъ ([127]). Еще въ 1500 г. въ отказѣ нашему послу Телешову къ великому князю литовскому Александру сказано: «*много на его милости* (Александра) *дворъ княжатъ и панятъ грецкого закона* ([128])». Во время распространенія уніи, православные въ 1599 г. заключили въ Вильнѣ актъ съ протестантами для взаимнаго пособія противъ римскаго духовенства; актъ сей подписанъ 168 литовскими дворянами и въ томъ числѣ 17 православными сенаторами ([129]).

Когда же знатныя литовскія фамиліи сдѣлались православными? Въ древнее время, и всего вѣроятнѣе, до 1413 г. т. е. до соединенія Литвы съ Польшею на городельскомъ сеймѣ, по слѣдующимъ причинамъ:

1) Литовцы всегда были преданы своимъ великимъ князьямъ; воля послѣднихъ была закономъ для первыхъ. При Гедиминѣ, а особенно при Ольгердѣ и Ягайлѣ, до брака его съ Ядвигою, почти всѣ князья и княгини были православными. Естественно ли было, чтобы знатнѣйшіе литовскіе сановники и жены ихъ оставались чуждыми Христіанства? Не естественно. Одни принимали его изъ подражанія великокняжескому дому, а другіе — что гораздо правдоподобнѣе, по убѣжденію. Во время Гедимина, Ольгерда и Ягайлы Литовцы имѣли много сношеній съ иностранцами, заимствовали отъ нихъ много понятій; между Литовцами мы уже видимъ доблестныхъ воиновъ и глубокихъ политиковъ: можно ли же повѣрить, чтобы эти люди, хотя сколько нибудь знакомые съ истинами новой Вѣры

([127]) Тамъ-же стр. XLIX. ([128]) Сборн. Мухан. стр. 106.
([129]) Собр. древн. грам. и актовъ. Вильно 1843 г. ч. 1. стр. XLVII.

своихъ князей, не предпочли ея своему язычеству? Можно ли повѣрить, чтобы люди, умѣвшіе мудро управлять цѣлыми областями, угадывавшіе стратегическія соображенія князей и вождей русскихъ и польскихъ, рыцарей литовскихъ и прусскихъ, считали еще необходимостію для спасенія своей души чтить пылающій дубъ или гадовъ, благоговѣть передъ рощею, повергаться въ прахъ передъ деревянными истуканами, или принимать волю боговъ отъ жрецовъ, не имѣвшихъ рѣшительно ни какой образованности? Съ этимъ не согласится ни одинъ здравомыслящій безпристрастный человѣкъ; каждому понятно, что придворные великихъ князей литовскихъ, по необходимости, образованные болѣе или менѣе, узнавъ сущность Вѣры своихъ государей, такъ поражающей здравый умъ возвышенностію своихъ истинъ, такъ отрадно понятной не испорченному сердцу, должны были спѣшить на лоно православной Церкви. На это есть и фактъ: духовникъ великой княгини литовской, первой супруги Ольгердовой, Маріи, монахъ Несторъ обращалъ придворныхъ въ православную Вѣру; три изъ нихъ: Круглецъ, Кумецъ и Нежило твердость свою запечатлѣли мученическою смертію, и теперь нетлѣнныя мощи ихъ почиваютъ въ виленскомъ Святодуховскомъ монастырѣ ([130]). Вотъ и еще событіе, отрадное для сыновъ православной Церкви: лѣтописецъ, сказавши, что Ягайло, женившись въ 1386 г. на Ядвигѣ, возвратился въ Вильну, продолжаетъ: «и окрести Литву въ нѣмецкую же Вѣру, половину своего города Вильны. И *два Лит-*

([130]) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. V. Dodat. X. Журн. Мин. Нар. Просв. 1843 г. № 6. статья П. Елагина: «первые Христ. мученики въ Литвѣ».

вина у него большки его, а тие *крестишася въ христіянскую* (т. е. православную) *Вѣру*, онъ же хотѣ ихъ крестити въ свою же вѣру латинскую, они же не послушаша; король же Ягайло казьни ихъ многими муками и смерти повелѣ предати ([131])». Изъ этого нужно заключить, что вельможи литовскіе не равнодушно смотрѣли на вѣру, исповѣдываемую великокняжескимъ родомъ, *изучали ее*, понимали высоту и святость ея, и принимали въ сердца свои сѣмена благодати такъ живо и дѣйственно, что когда великій князь измѣнилъ православію, они не послѣдовали примѣру его, и животъ свой полагали за чистоту вѣры.

2) Распространеніе православія въ высшемъ кругу литовскаго народа должно было послѣдовать до брака Ягайлы съ Ядвигою, и особенно до городельскаго сейма въ 1413 г. Передъ бракомъ Ягайло и нѣсколько изъ его братьевъ перекрестились въ римскую вѣру; слѣдовательно вельможи литовскіе уже не имѣли такого побужденія принимать православіе, какъ прежде, когда почти весь княжескій родъ былъ православной вѣры: а на городельскомъ сеймѣ римскіе католики получили первенство передъ православными: имѣнія постановлено раздавать только первымъ. Эта хитрая мѣра распространять латинство не могла располагать вельможъ къ православію, удаляя ихъ отъ политическаго вліянія, и тѣмъ поражая самую сильную пружину ихъ дѣятельности—честолюбіе. При всемъ томъ были исключенія: уже по распространеніи въ Литвѣ римской вѣры, часть вельможъ присоединилась къ восточной Церкви ([132]).

([131]) Врем. Соф. ч. 1. стр. 381.
([132]) Wiadom. o stat. Lit. Linde. стр. 21. O Lit. i Pol. Praw. czack. T. 1. стр. 48.

Въ Литвѣ даже и въ простомъ народѣ было довольно христіанъ православныхъ до введенія латинства. Литовецъ, очень хорошо знающій свое отечество, и притомъ римско-католикъ, слѣдовательно свидѣтель въ настоящемъ дѣлѣ безпристрастный въ пользу православія, говоритъ:

«*Воишелгъ, принявши русское крещеніе* въ половинѣ XIII вѣка, и будучи монахомъ, когда принялъ бразды правленія (по смерти отца своего, короля литовскаго Миндовга), *возъимѣлъ желаніе сдѣлать общею въ Литвѣ ту вѣру, которую исповѣдывалъ самъ*. Съ этою цѣлію, по свидѣтельству лѣтописцевъ, даже входилъ въ 1265 году въ сношеніе съ новгородскимъ княземъ Святославомъ Ярославичемъ, который обѣщалъ прислать въ Литву священниковъ изъ Пскова, такъ какъ они болѣе другихъ были знакомы съ языкомъ и обычаями Литовцевъ (Dz. st. nar. hit. Narb. T. IV. стр. 230). Но и безъ этихъ миссіонеровъ, въ то время уже не одинъ духовный Русскій могъ зайти въ Литву, и подъ покровительствомъ князя, преданнаго православію, проповѣдывать слово Божіе. Этихъ проповѣдниковъ могла доставлять Русь не только литовская (т. е. русскія княжества, вошедшія въ составъ великаго княжества литовскаго), но и отдаленнѣйшая, изъ которой татарскій погромъ вытѣснялъ народъ и духовенство. Самое преслѣдованіе Воишелгомъ партіи, обвиненной въ умерщвленіи отца его, могло значительно увеличить число христіанъ въ Литвѣ: по этому поводу въ 1265 году 30 Литовцевъ съ женами и дѣтьми, ища спасенія во Псковѣ, отреклись отъ прежняго язычества, и торжественно приняли Христіанство: «вбѣгоша въ Псковъ Литва *с триста мужъ*, *и с женами и с дѣтьми*, *и*

крести я князь Святославъ съ попы пльсковскими» ([135]). Въ слѣдъ за тѣмъ въ 1266 году также принялъ православіе князь Довмондъ съ супругою и со всѣмъ своимъ семействомъ: «въ лѣто 6774 (1266) блаженный же князь Домонтъ *съ дружиною своею* и со всѣмъ домомъ своимъ, оставивши отечество свое, землю литовскую, и пріѣха въ Псковъ, и *крестися*. Сій князь Домонтъ отъ рода литовскаго бысть, первѣе имѣя къ идоломъ служеніе по отчи преданію; егда же Богъ всхотѣ избрати собѣ люди новы, и вдохну вонь благодать св. Духа, и взъбну, яко отъ спа, отъ идольскаго служенія, и *крещенъ бысть въ церкви св. Троицы*, и наречено бысть имя ему Тимоѳей, и *бысть радость велика въ Псковѣ*» ([136]). Мы не принимаемъ этого за доказательство легкаго обращенія Литовцевъ, потому что оно произошло за границею Литвы, и можетъ быть болѣе по нуждѣ, нежели по убѣжденію; но весьма правдоподобно, что не одинъ изъ этихъ выходцевъ, по кончинѣ Воишелга возвратившись въ Литву, до смерти сохранилъ вѣру, принятую на Руси, и своимъ примѣромъ имѣлъ вліяніе на другихъ... Вторая и третья жены Гедимина—Ольга и Евна или Евва были Русинки; Ольгерда обѣ жены были также Русинки. Нѣтъ сомнѣнія, что родственныя связи литовскихъ князей съ русскими весьма много способствовали увеличенію въ Литвѣ христіанъ православнаго исповѣданія; ибо богослуженіе для великихъ княгинь не могло совершаться безъ духовенства разныхъ степеней, которое при самомъ великокняжескомъ дворѣ составляло родъ мис-

([135]) Врем. Соф. ч. 1. стр. 275.

([136]) Тамъ-же стр. 275 и 276.

сіи . . . ; могло существовать и запрещеніе тревожить вѣру народную, но за всѣмъ тѣмъ *православное духовенство имѣло послѣдователей изъ Литовцевъ*, какъ доказываетъ мученичество Круглеца, Кумеца и Нежилы (въ христіанствѣ Іоанна, Антонія и Евстафія), людей знатнаго роду, или, по крайней мѣрѣ, сановниковъ при дворѣ Ольгерда, которые, еслибъ были людьми частными и не въ глазахъ самаго князя приняли новую вѣру, вѣрно бы не подверглись мученической смерти; ибо общаго и періодическаго преслѣдованія христіанъ въ Литвѣ никогда не было. Напротивъ того великіе князья, имѣя большую часть подданныхъ въ народѣ русскомъ, уважали его вѣру, и высоко цѣнили вліяніе его духовенства... Если, съ одной стороны, примемъ во вниманіе, что власть великихъ князей была не ограниченная, и потому значеніе и вліяніе языческаго духовенства подъ конецъ XIV вѣка должны были со дня на день упадать, а съ другой, представимъ себѣ равнодушіе къ прежней народной вѣрѣ въ особахъ литовскихъ государей; то не трудно будетъ понять, почему вѣра православная, имѣя не только убѣжище, но и покровительство при дворѣ великихъ князей, дѣйствительно могла удобно распространяться по литовской землѣ, и значительное число послѣдователей имѣть въ многолюднѣйшихъ литовскихъ городахъ; это доказываетъ примѣръ Вильна: во время обращенія Ягайлою Литовцевъ въ римское католичество, *цѣлую половину жителей столицы составляли православные*» ([137]).

Историкъ литовскаго народа Нарбутъ пишетъ: «отъ самаго начала власти великихъ князей литовскихъ надъ

([137]) Obr. Litw. Iarosz. T. II, стр. 3. 4. 5 и 7.

землями русскими, не смотря на большую разность вѣры, никогда не было нетерпимости христіанства; напротивъ, князья, уважая права, языкъ и обычаи покоренныхъ народовъ, сами заимствовали у нихъ, что признавали мудрымъ; поэтому *православная вѣра путемъ кроткаго убѣжденія въ святыхъ истинахъ распространилась по Литвѣ* прежде, нежели правительство думало принимать къ тому мѣры... Православные Русины и язычники Литовцы, имѣя одно общее отечество и одного государя, засѣдали на одной скамьѣ и вмѣстѣ рядили о общей пользѣ; вмѣстѣ шли въ бой, и кости свои слагали въ одну могилу» ([138]). Къ этому нужно прибавить, что домы литовскихъ вельможъ исповѣдывали православіе, какъ выше доказано. Весьма естественно, что они старались слугъ и крестьянъ обратить въ свою вѣру, и такимъ образомъ православіе распространилось въ народѣ. Все это представляетъ только вѣроятность и доказываетъ возможность распространенія православія въ литовскомъ народѣ. Посмотримъ же, оправдалась ли возможность дѣйствительностію.

Въ древности статистическихъ таблицъ и списковъ никто не составлялъ; если духовенство и имѣло нѣчто въ родѣ исповѣдныхъ росписей, то онѣ или изчезли отъ времени, или тлѣютъ гдѣ нибудь въ массѣ стараго хламу. По крайней мѣрѣ, воспользуемся тѣмъ, что можно извлечь изъ историческихъ памятниковъ.

Въ 1347 г., когда Круглецъ и Кумецъ за исповѣданіе православія были заключены въ темницу, народъ стекался къ ней слушать безбоязненныхъ исповѣдниковъ имени Христова. Многіе, изумленные силою

([138]) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VI. стр. 339 и 340.

проповѣди ихъ и ангельскимъ спокойствіемъ въ заключеніи, приняли святое крещеніе (139).

Въ 1381 г., когда Кейстутъ былъ задушенъ, при немъ находился въ тюрьмѣ вѣрный слуга *Григорій Омулич* (140). Это обстоятельство весьма важно: *Омулич* былъ происхожденія чисто литовскаго, родомъ изъ подъ Трокъ (141), а имя *Григорій* есть *христіанское*. Кейстутъ жилъ въ Трокахъ; тамъ, какъ увидимъ ниже, не только былъ православный монастырь, но и приходскія церкви; но чтобы были паписты — нѣтъ рѣшительно никакихъ даже поводовъ къ догадкамъ. Жена Омулича носила также православное имя *Елены* (142). Какъ могло случиться, что Литвинъ, ближній слуга князя Троцкаго, который, кажется, одинъ изъ сыновей Гедимина оставался при вѣрѣ отцевъ своихъ, могъ быть христіаниномъ? Князю этимъ угодить не могъ, самъ не былъ пришлецомъ, и семейство его было православное; слѣдовательно необходимо допустить, что при Кейстутѣ въ народѣ много было христіанъ православныхъ; вѣра ихъ считалась дѣломъ обыкновеннымъ, наравнѣ съ вѣрою туземною; иначе и Омуличь не могъ бы исповѣдывать православія, и Кейстутъ не держалъ бы его при себѣ.

Во время обращенія Ягайлою Литовцевъ въ римское католичество «*крести* Литву въ нѣмецкую же вѣру, *половину своего города Вильны*» (145). Другая по-

---

(139) Miscel. Kojał. p. 8 et 9. Hierar. Dubow. xię. IV. Rozd. 2.

(140) Dz. st. nar. Lit. Narb. V. стр. 294.

(141) Тамъ-же стр. 306.

(142) Тамъ-же.

(145) Latop. Lit. i kr. Russ. стр. 204. Врем. Соф. ч. I. стр. 381.

ловина уже крестилась крещеніемъ православной Церкви ([144]). Внѣ столицы, онъ занимался крещеніемъ преимущественно Жмуди, остававшейся въ вѣрѣ отцевъ своихъ. Отчего же лѣтописцы, говоря о крещеніи Жмуди, мало занимаются прочими частями Литвы? Очевидно, потому, что немногихъ можно было крестить: окрестныя мѣста Вильны, будучи ближе къ центру православія—столицѣ, прежде Жмуди просвѣтились свѣтомъ Евангелія отъ проповѣдниковъ православныхъ. Жмудь была самая отдаленная часть земли, населенной коренными Литовцами, долѣе прочихъ хранила прежнюю вѣру свою, обращена въ Христіанство Ягайлою и Витовтомъ, — и вотъ историки говорятъ преимущественно объ ней. Длугошъ, Меховита, Краверъ и Стрыйковскій—римско-католическіе каноники, и потому говорятъ о томъ, что служитъ къ распространенію и славѣ ихъ церкви. Однакоже извѣстно, что еще въ 1405 г. *Туровскій епископъ Антоній въ Литвѣ обращалъ и крестилъ народъ въ православную вѣру*, съ вѣдома и согласія великаго князя литовскаго Витовта ([145]). Но разскажемъ о распространеніи латинской вѣры Ягайлою: онъ два раза принималъ на себя апостольскіе труды: одинъ разъ въ 1387, а другой въ 1413 г. Въ 1387 г. крещена вся Литва вообще, а въ 1413 г. — Жмудь. Въ 1387 г. Ягайло съ князьями, епископами, боярами, панами и множествомъ народа

([144]) Obr. Lit. Iarosz. T. II. стр. 7. Dz. st. nar. Lit. Narb. V. стр. 403 и 408.

([145]) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VI. стр. 87. У Нарбута годъ 1404 поставленъ неправильно; въ источникѣ, который у него указанъ, стоитъ 1405 годъ.

литовскаго и жмудскаго держалъ въ Вильнѣ сеймъ объ утвержденіи Христіанства «и тамъ же въ Вильнѣ окрещены всѣ язычники, сколько ихъ на сеймѣ ни было. Потомъ король ѣздилъ изъ земли въ землю, изъ уѣзда въ уѣздъ, приказывалъ простому народу сходиться къ св. крещенію въ главнѣйшіе города, а чтобы лучше пріохотить народъ, купилъ въ Польшѣ большое множество бѣлаго сукна; на новокрещенныхъ надѣвали платье изъ него, въ подарокъ отъ короля. Слыша о такой щедрости, язычники со всѣхъ сторонъ приходили креститься; иной шелъ не ради крещенія, а ради платья, потому что до того времени ходили только въ рубахахъ и въ звѣриныхъ шкурахъ» ([146]). Итакъ Литовцы охотно шли на крещеніе; сколько же было этого народа, съ которымъ дѣдъ и отецъ Ягайлы и онъ самъ завладѣли всѣми сосѣдями и вели безпрестанныя войны? «Окрещено Литовцевъ въ разныхъ мѣстахъ *около тридцати тысячь*, кромѣ тѣхъ, которые уже крещены были въ Вильнѣ и Краковѣ, и кромѣ дворянъ и бояръ» ([147]). Въ 1413 г. было совершено окончательное обращеніе Жмуди, которая еще держалась язычества, и затѣмъ язычество въ Литвѣ истреблено. Итакъ, кромѣ части Жмуди, обращенной въ 1413 году, литовскаго народа обращено въ римскую вѣру *около тридцати тысячь*,—разумѣется, *менѣе тридцати тысячь*; ибо если бы было болѣе, то римскій каноникъ, во славу своей церкви, не преминулъ бы сказать: *болѣе тридцати тысячь*. Каждому, сколько либо знакомому съ исторіей и статистикой, извѣстно, что жен-

---

([146]) Кгоп. Pol. Stryik. 1845. ч. II. стр. 78 и 79.

([147]) Тамъ-же стр. 79.

щинъ и дѣтей вездѣ болѣе, нежели взрослыхъ мущинъ, способныхъ владѣть оружіемъ; если положимъ, что въ числѣ крещеныхъ Литовцевъ послѣднихъ было на половину т. е. 15,000 человѣкъ способныхъ къ войнѣ, а на Жмуди, обращенной въ 1413 г. примемъ такое же число, какъ и во всей остальной Литвѣ, т. е. 15,000 человѣкъ; то во время Ягайлы окажется людей, способныхъ владѣть оружіемъ, всего только 30,000 человѣкъ. Далѣе—если припомнимъ истребительныя войны съ сосѣдями и междоусобія временъ Ягайлы, въ которыхъ безпрестанно предводительствовали Ольгердъ, Кейстутъ и Витовтъ: то не можемъ не сознаться, что 30,000 человѣкъ весьма мало; удержать въ повиновеніи русскія княжества, громить Татаръ, безпрестанно воевать съ рыцарями и съ Польшею при столь незначительныхъ средствахъ было бы рѣшительно невозможно. По всѣмъ симъ соображеніямъ, каждый здравомыслящій согласится, что дѣйствительная численность Литовцевъ была безъ всякаго сравненія гораздо больше. Какую же они исповѣдывали вѣру? Кромѣ языческой и русской, или православной, въ то время въ Литвѣ другой вѣры не было; слѣдовательно, *кромѣ 30,000 человѣкъ, все народонаселеніе* Литвы *состояло изъ сыновъ православія* и язычниковъ, и потому православныхъ Литовцевъ во время Ягайлы было, если не болѣе половины народонаселенія, то по крайней мѣрѣ, половина.

Послѣ брака Ягайлы съ Ядвигой, верховный владыка Литвы былъ римскій католикъ, великіе князья: Скиргайло, Витовтъ, Свидригайло и Сигизмундъ Кейстутовичь были также римско-католики; за тѣмъ на великокняжескомъ престолѣ сидѣли дѣти королей поль-

скихъ—римско-католики; поэтому благопріятное время для распространенія православія въ Литвѣ миновало. Постановленіемъ городельскаго сейма папистамъ запрещено было даже вступать въ браки съ православными, и имѣнія раздавались только папистамъ; слѣдовательно православіе могло сохраняться только въ тѣхъ родахъ, которые исповѣдывали его до городельскаго сейма въ 1413 г., а новыхъ послѣдователей пріобрѣтать не могло. По симъ причинамъ все, что увидимъ православнаго въ послѣдующіе вѣки, началомъ своимъ одолжено временамъ, предшествовавшимъ браку Ягайлы съ польскою королевою. Посмотримъ-же, въ какой мѣрѣ является православіе въ Литвѣ въ послѣдующіе вѣки, болѣе извѣстные исторіи.

Въ 1544 г. на брестскомъ сеймѣ, по просьбѣ князей, пановъ и всего дворянства, король Сигизмундъ 1-й или Старый повелѣлъ для исправленія статута великаго княжества литовскаго, избрать десять человѣкъ, искусныхъ въ законовѣдѣніи, въ томъ числѣ *пять* римско-католиковъ, и *пять русской вѣры* (148). Въ 1547 г. на сеймѣ вилепскомъ, для исправленія статута, также назначено было десять человѣкъ, — половина римско-католиковъ и *половина православныхъ* (149) Тоже самое сдѣлано и на сеймѣ вилепскомъ въ 1551-мъ году (150). Сигизмундъ не былъ природный Литовецъ, подобно Ягайлѣ; родился и жилъ въ Краковѣ, посѣщая Литву только во время сеймовъ; у Сигизмунда не болѣло

---

(148) Zbiór. praw. Lit. Hr. Działyńsk. стр. 397 и 413. Obr. Lit. Iarosz. 1844. T. II. стр. 136.

(149) Zbiór. Hr. Działyn. стр. 418 и 435.

(150) Тамъ-же стр. 449, 450 и 470.

сердце за Литву православную; ее тѣснили Поляки. Какъ же случилось, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ исправленіе законовъ, православные Литовцы имѣли равное участіе съ римскими католиками? Для исправленія законовъ нужно было внести въ нихъ всѣ привиллегіи, дарованныя послѣ изданія 1-го статута; для опредѣленія самаго хода судопроизводства, о которомъ преимущественно толковали на означенныхъ сеймахъ, нужно было знать права и потребности народа; народъ состоялъ изъ папистовъ и православныхъ,—и вотъ избираются народные депутаты, и избираются въ равномъ числѣ съ обѣихъ сторонъ. Что изъ сего нужно заключить? Еслибъ православныхъ было менѣе—не говорю уже не болѣе—папистовъ; то послѣдніе никакъ не допустили бы первыхъ имѣть ровное съ ними участіе.

Стебельскій, усерднѣйшій уніятъ и врагъ православія, говоритъ, что въ XVI вѣкѣ долгое время существовалъ въ Вильнѣ монастырь Базиліянокъ при церкви св. Троицы, «но послѣ опустѣлъ, униженный и заброшенный, потому что *Вильна стала столицею и гнѣздомъ* ереси, принесенной изъ Греціи ([161])». Здѣсь греческою ересью по своему онъ называетъ православіе.

Мы уже видѣли, что вѣра православная гораздо прежде латинской введена въ Литву. Въ хроникѣ Быховца, одной изъ древнѣйшихъ хроникъ литовскихъ (Нарбутъ начало ея относитъ ко временамъ Миндовга) ([162]), по случаю вызова виленскимъ воеводою Гаштольдомъ францисканцевъ въ Вильну около 1364 г., ясно ска-

([161]) Chronol. Steb. стр. 235 въ примѣч.

([162]) Въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1838 г. № VII, переводъ статьи Нарбута «о Русс. Лѣтоп. въ Литвѣ».

зано: «и тотъ Петръ Гаштольдъ найпервѣй принялъ вiру римскую и до Литвы принесъ... *А римское виры въ Литве не было, только русская замышалася* ([153]).» Базиліянки—орденъ уніятскій, могъ существовать только по введеніи уніи; уніяты могли быть только тамъ, гдѣ прежде были православные, ибо они не паписты, а православные, соединившіеся съ римскою церковью. Виленскій Троицкій монастырь отъ основанія своего былъ православный; когда же архимандритъ его Самуилъ Сенчило ([154]) отвергнулъ унію, а іеромонахъ Веніаминъ Іосифъ Рутскій передался на сторону распространителей ея; то силою пропаганды и властію короля Сигизмунда III-го, — Сенчило изъ монастыря изгнанъ, а Рутскій сдѣланъ архимандритомъ. Съ этого только времени Троицкій монастырь обращенъ въ уніятскій, и послѣ того при немъ поселились базиліянки. Слѣдовательно въ послѣдствіи монастырь Базиліянокъ не потому опустѣлъ, что православіе было принесено въ Литву изъ Греціи, по словамъ Стебельскаго, какъ будто православіе явилось въ Вильнѣ послѣ уніи, а потому, что, не смотря на всѣ притѣсненія уніятовъ и Сигизмунда III-го, оно по временамъ усиливалось, и превозмогало враговъ своихъ. Несмотря на всю враждебность свидѣтельства Стебельскаго, оно драгоцѣнно

([153]) Хрон. Быховца подъ 1364 г.

([154]) Если памятники поборниковъ православія заслуживаютъ вниманія потомства; то замѣтимъ, что въ библіотекѣ Супрасльскаго монастыря мы видѣли рукопись подъ заглавіемъ: «*сума науки Хрестіянское*» т. е. катихизисъ. Въ концѣ тою же рукою, которою написана вся рукопись, приписано: «*Самоилъ Сенчыло еромонахъ монастыра Супраскою власною рукою.*» Рукопись по каталогу стоитъ подъ № 1098.

для насъ: онъ сознался, что литовская столица въ XVI вѣкѣ была *столицею и гнѣздомъ православія*, и православные превозмогали враговъ своихъ, не смотря на покровительство королей послѣднимъ. Затѣмъ предоставляется каждому судить, сколько же въ то время могло быть православнаго народонаселенія въ Вильнѣ! Еслибъ было менѣе, нежели римскихъ католиковъ и уніятовъ, вмѣстѣ взятыхъ, то ужели бы православные успѣли торжествовать надъ врагами, которыхъ подкрѣпляла власть короля?

Послушаемъ, что говорятъ другіе писатели паписты, естественно расположенные къ сторонѣ противной:

Въ хроникѣ европейской Сарматіи, написанной Стрыйковскимъ въ XVI вѣкѣ, и неправильно извѣстной подъ именемъ хроники Гваньини, сказано: «жители виленскіе исповѣдуютъ вѣру римскую; но *на половину между ними есть Руси*, и потому въ Вильнѣ столь же много церквей русскихъ, какъ и католическихъ ([185]).» Русью здѣсь называются православные, какъ ведется въ Литвѣ и до сихъ поръ.

Одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ польскихъ писателей, долгое время занимавшійся исторіею Вильна, утвердительно говоритъ, что при Сигизмундѣ Августѣ т. е. съ 1548 по 1573 г. *Русскихъ въ Вильнѣ было половина населенія* ([186]).

Въ грамотѣ, данной 9 Сентября 1536 г. Сигизмундомъ I и подтвержденной Сигизмундомъ III-мъ, 9-го Іюля 1607 г., о порядкѣ магистрата и выборѣ

([185]) Kron. Sarmac. Ewrop. стр. 323.

([186]) Wilno I. Kraszew. T. 1. стр. 224.

членовъ сказано: «рада виленьская, радцы и бурмистры, которые стародавна сами собе маютъ обиране и ставене рады бурмистров и присяжников, мают быть втой личбе *яко давно было* тоест двадчат и чотыре радецъ, а двадцат бурмистров, половина тое роды бурмистров закону рымского, *а половина закону грецкого* (157).» Итакъ о половинномъ участіи православныхъ въ управленіи Вильны въ 1535 г. говорится, какъ *о стародавнемъ*. Это подтверждаетъ вышеприведенныя слова литовскаго лѣтописца, что при крещеніи Ягайлою жителей Вильны въ латинство, половина не крещена потому, что были православными. И въ 1536 г. они имѣютъ половинное участіе въ дѣлахъ города, при чемъ сказано, что это дѣлается изъ *стародавна*. Кто приметъ во вниманіе, что это говоритъ король польскій, сынъ и покровитель римской церкви, а подтверждаетъ другой король врагъ православія; тотъ не усомнится, что *изъ стародавна до начала* XVII *вѣка* литовская столица въ числѣ коренныхъ своихъ жителей имѣла половину православныхъ. Лучшихъ свидѣтелей и лучшаго доказательства и желать нельзя. До нашихъ временъ сохранились подлинные акты XVII вѣка, изъ которыхъ видно, что въ Вильнѣ съ 1458 г. при церкви св. Троицы, а по завладѣніи ею уніятами — при Святодуховомъ монастырѣ было 5 свѣтскихъ братствъ: панское, купецкое, кожемяцкое, кушперское и росское. Эти братства имѣли свои госпитали, богадѣльни, училища и типографію (158). Слѣдовательно въ Вильнѣ были православные паны т. е.

---

(157) Собр. древн. грам. и акт. Вильно 1843 г. ч. I стр. 53.

(158) Собр. древн. грам. и акт. Вильно 1843 г. ч. II №№ 2, 3, 4 и 17.

дворяне, купцы и ремесленники, люди, одушевленные духомъ любви Христовой, лечившіе бѣдныхъ въ госпиталяхъ, призиравшіе безпомощныхъ въ богадѣльняхъ, и стоявшіе на такой степени просвѣщенія, что чувствовали нужду не только въ училищахъ, но и въ распространеніи познаній посредствомъ книгопечатанія. Нужно ли говорить, что ограниченное число жителей не можетъ ни соединяться въ общества, учреждаемыя съ столь разнообразными цѣлями, ни достигать ихъ?

Планъ города Вильны, составленный въ 1562 г., доказываетъ, что большая часть города, преимущественно по лѣвому берегу Виленки, т. е. лучшая часть ([159]) была заселена жителями православными ([160]). Унія, захватившая себѣ множество православныхъ храмовъ, и истреблявшая все, что доказывало прежнее православіе, уничтожила драгоцѣнные памятники, по которымъ можно было бы указать, гдѣ именно были православныя церкви въ Литвѣ, и опредѣлить самое распространеніе православія между Литовцами. Воспользуемся, по крайней мѣрѣ тѣми свѣдѣніями о церквахъ, которыя дошли до насъ. Каждому понятно: гдѣ нѣтъ прихожанъ, тамъ не кому и не для кого строить храмы; а гдѣ есть храмы, тамъ были и люди, исповѣдывавшіе вѣру, которой воздвигнуты храмы.

Въ рукописи венденскаго каноника Даніила Лодзяты ([161]) сказано, что въ Вильнѣ на мѣстѣ капища

([159]) Часть города, лежащая на правомъ берегу, и извѣстная подъ именемъ *Зарѣчья*, гораздо хуже лѣвой стороны, гдѣ находятся главныя улицы и лучшіе домы.

([160]) Планъ этотъ приложенъ къ собр. древн. грам. и акт. Вильно. 1843 г.

([161]) Написана между 1649 и 1669 г. и находится у извѣстнаго историка Нарбута. Dz. st. nar. Lit. Narb. 1. стр. 231.

языческаго бога Рагутиса построена православная церковь пятницкая. «Капище уничтожено около 1331 г., по повелѣнію супруги великаго князя литовскаго и русскаго Ольгерда Ульяны (Маріи). Эта благовѣрная княгиня, защита христіанъ русской вѣры ([162]), на мѣстѣ капища воздвигла церковь и назначила къ ней приходскаго священника (parocha). Церковь и теперь въ простонародіи называется *петіонкою*, отъ давняго урочища, которое происходитъ отъ имени жрецовъ Рагутиса *петиники*, иначе *потиникай*. Храмъ сей есть достославный памятникъ въ столичномъ городѣ Вильнѣ, и первый каменный храмъ, воздвигнутый Предвѣчному Богу въ литовской столицѣ и на литовской землѣ. Для просвѣщенныхъ любителей народности онъ есть вѣчный памятникъ добродѣтельной княгини. Находящійся тамъ гробъ ея составляетъ предметъ благоговѣйнаго чествованія для простаго народа и для Русина московскаго, который, столько разъ раззоряя Вильно, не коснулся церкви, хотя она была уже упіятскою ([163]). Церковь эта, извѣстная подъ именемъ пятницкой или церкви св. Парасковіи, нѣсколько разъ горѣла, переходила отъ православныхъ къ уніятамъ и отъ послѣднихъ къ первымъ, наконецъ обветшала, и богослуженіе прекратилось въ ней около 1796 г. ([164]).

Вышеприведенныя слова римско-католическаго капоника весьма важны. Изъ нихъ открывается:

1) что первая супруга Ольгерда, великая княгиня

([162]) Въ Собр. древ. грам. и акт. Вильно 1843 г. на стр. LXI, это мѣсто изъ рукописи Лодзяты переведено неправильно, и смыслъ выходитъ совсѣмъ не тотъ, какой въ подлинникѣ.

([163]) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. 1. стр. 231 и 232.

([164]) Собр. древ. грам. и акт. Вильно. 1843 г. LXII—LXVI.

литовская была покровительницею *христіанъ русской вѣры*. Слѣдовательно въ ея время были православные Литовцы.

2) что пятницкая церковь была не придворною только для одной княгини, а *приходскою*; слѣдовательно въ Вильнѣ были и прихожане православные.

3) что гробъ православной княгини былъ чествуемъ простымъ народомъ литовскимъ; слѣдовательно народъ былъ или православный, или такъ близокъ къ православію, что чествовалъ даже гробъ православной княгини.

Въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка близъ Новогрудка существовалъ православный Лавришевскій монастырь (165). Князь Ромундъ или Римундъ въ православіи Лавръ или Лаврентій Тройденовичь, принялъ иноческій санъ, поселился въ немъ и построилъ новую церковь Воскресенія Господня (166). Это доказываетъ большое распространеніе православія въ Литвѣ: новую вѣру въ извѣстномъ народѣ можно принять и нѣсколькимъ лицамъ; но для того, чтобы построить монастырь и имѣть въ немъ иноковъ, необходимо, чтобы вѣра уже имѣла значительное число послѣдователей, и глубоко проникла въ сердца людей, обрекающихъ себя на трудную жизнь отшельниковъ.

При Ольгердѣ въ Вильнѣ существовали церкви св. Троицы и св. Николая, у которой погребены мученики Іоаннъ, Антоній и Евстафій (167). По всей вѣ-

---

(165) Dz. st nar. Lit. Narb. IV, стр. 297.

(166) Тамъ же.

(167) Miscell. Koiał. p. 8. Врем. Соф. ч. 1. стр. 334. Lat. Lit. kr. Russ. стр. 170.

ролтности, она называлась въ послѣдствіи церковью *св. Николая перенесенія мощей* ([168]), ибо мощи мучениковъ были перенесены въ Троицкую церковь.

Самъ Ольгердъ воздвигъ въ Вильнѣ пречистенскую церковь, въ которой и погребенъ ([169]).

Въ 1393 г. легатъ папскій, мессинскій епископъ Іоаннъ осматривалъ *много русскихъ церквей въ Вильнѣ* ([170]).

Въ 1397 г. великій магистръ Конрадъ Юнгингенъ передъ всѣми европейскими дворами свидѣтельствовалъ, что въ Литвѣ незамѣтно ни какихъ успѣховъ латинства, потому что *Литовцы больше обращаются въ русскую впру* ([171]).

Въ Трокахъ съ XIV вѣка были православныя церкви. Въ 1384 г. великій князь Витовтъ подарилъ троцкому монастырю Рождества пресвятыя Богоматери разныя земли, какъ видно изъ вышеприведенной граматы ([172]). Еслибъ не было граматы, то вѣрно никто не повѣрилъ-бы, что въ XIV вѣкѣ въ Трокахъ—столицѣ Кейстутовой и Витовтовой, существовалъ православный монастырь. Еслиже православіе въ XIV вѣкѣ распространилось въ Литвѣ до такой степени, что даже въ столицѣ Кейстута былъ монастырь; то что сказать о прочихъ частяхъ Литвы?

Въ 1500 г., когда Іоаннъ III-й Васильевичь отъ зятя своего, великаго князя литовскаго Александра, требовалъ, чтобы онъ для супруги своей Елены Іоанновны

([168]) См. планъ Вильны, прилож. къ собр. древн. грам. и акт. Вильно 1843 г. подъ буквою О.

([169]) Ист. Гос. Рос. Кар. V, стр. 417. прим. 50.

([170]) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. V. стр. 507.

([171]) Тамъ же стр. 591.

([172]) Собр. древ. грам. и акт. Вильно 1843 г. ч. II стр. 146.

устроилъ придворную православную церковь, Александръ между прочимъ отвѣчалъ: «въ отчинѣ нашей въ великомъ княжествѣ литовскомъ, *по всимъ городомъ нашимъ церкви закону греческого вездѣ близко подлѣ нашихъ дворовъ*» (173).

Изъ граматы Сигизмунда II-го, данной 1514 г. князю Константину Острожскому, видно, что въ Вильнѣ были старыя деревянныя православныя церкви—Троицкая и св. Николая, названная *великою:* Sancti Nicolai, quem magnum appellant (174). Этимъ названіемъ отличается она отъ церкви *св. Николая перенесенія мощей.* На мѣстѣ ихъ княземъ Острожскимъ воздвигнуты храмы каменные, въ память побѣды подъ Оршею.

Изъ акта 1585 г. видно, что въ Трокахъ, кромѣ монастыря, существовали церкви св. Николая и Воскресенія Господня (175). Слѣдовательно православныхъ было столько, что потребовалось учредить двѣ приходскія церкви. Въ началѣ XVII вѣка въ Вильнѣ было около 20 церквей православныхъ (176). На планѣ г. Вильна, составленномъ въ 1672 г., ихъ показано 15. Преобладавшая унія захватила остальныя себѣ.

Православные монастыри, кромѣ троцкаго, были: 1) Святодуховъ въ Вильнѣ, 2) евейскій, извѣстный своею типографіею, на дорогѣ между Вильномъ и Ковномъ, 3) кронскій—на границѣ виленскаго и ковенскаго уѣздовъ, 4) сурдецкій между ковенскимъ и вилькомірскимъ уѣздами, 5) маіорскій въ браславскомъ, нынѣшнемъ ново-

---

(173) Сборн. Мухан. стр. 75.

(174) Собр. древ. грам. и акт. Вильно. 1843 г. ч. II № 6. стр. 14.

(175) Тамъ-же стр. 147.

(176) Wilno. Kraszew. T. III. стр. 62.

александровскомъ уѣздѣ ([177]) и 6) цеперскій—въ уѣздѣ новогрудскомъ ([178]). Всѣ они находились (Святодуховъ и сурдецкій и теперь существуютъ) въ коренной Литвѣ. Еслибы тамъ не было значительнаго числа православныхъ; то какъ могли бы монастыри возникнуть, изъ какихъ капиталовъ устроились бы, чѣмъ содержались бы, и какъ могли бы защититься отъ уніи, которая не хотѣла знать другаго права, кромѣ права сильнѣйшаго?

Посѣтивъ въ 1843 г. сурдецкій монастырь, авторъ былъ изумленъ, какъ могла эта обитель въ центрѣ коренной Литвы, между Жмудью и Ливоніею, окруженная врагами, уцѣлѣть въ православіи до нашего времени? Безъ преувеличенія—это скала, окруженная разъяренными волнами. Богу угодно было сохранить ее во славу пресвятаго имени своего, да видятъ всѣ, что оно православно чествовалось на литовской землѣ,—и усилія враговъ не одолѣли бѣдной иноческой обители.

Подлинные акты временъ давнихъ показываютъ, что всѣ означенные монастыри цвѣли среди народа православнаго; въ числѣ сыновъ своихъ считали Воловичей, Огинскихъ, Хребтовичей и другихъ вельможъ литовскихъ ([179]).

II.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ ВЪ ЛИТВѢ.

Языкъ всего лучше обнаруживаетъ народность; посему изслѣдуемъ, былъ ли русскій языкъ чуждымъ

([177]) Собр. древ. грам. и акт. Вильно. 1843 г. стр. XIV.

([178]) Тамъ-же ч. II. № 40. О монастыряхъ въ Литвѣ можно видѣть въ Истор. Росс. іерархіи т. III. стр. 456, 478 и 538 Т. IV. стр. 37, 57, 66, 77, 78, 120 и 876.

([179]) Собр. древн. грам. и акт. Вильно. 1843 г. ч. II.

Литвѣ, или, имѣя въ ней права гражданства, доказываетъ ближайшее сношеніе литовскаго народа съ русскимъ. Каждый согласится, что усвоить себѣ языкъ другаго народа можно не иначе, какъ отъ ближайшаго обращенія; а вмѣстѣ съ звуками принимаются и понятія, скрытыя въ разныхъ выраженіяхъ и поговоркахъ.

Какое же значеніе имѣлъ русскій языкъ въ Литвѣ?

«*Еще во времена язычества*, пишетъ одинъ ученый, *въ Литвѣ говорили по-русски* въ дворцахъ и хижинахъ» (180).

Какимъ образомъ русскій языкъ водворился при великокняжескомъ литовскомъ дворѣ—понять не трудно. Князья женились на княжнахъ русскихъ; на какомъ же языкѣ супруги объяснялись между собою? Нѣтъ сомнѣнія, что жены сколько нибудь навыкали языку своихъ мужей; но и мужья также не могли не заимствовать языка своихъ женъ. Который же языкъ долженъ былъ взять перевѣсъ? Рѣшительно русскій, по слѣдующимъ причинамъ:

Русскія княжны, выходившія за князей литовскихъ, до замужества не слыхали звуковъ литовскихъ; по сему выучиться языку литовскому для нихъ было очень трудно. Напротивъ того, князья болѣе или менѣе знали языкъ русскій, потому что онъ, какъ увидимъ ниже, употреблялся въ народѣ, и слѣдовательно князья, хотя не много, знали по-русски. Обращеніе съ женами—русинками ближе познакомило ихъ съ русскою рѣчью. Сверхъ того, князья литовскіе, какъ видѣли мы выше, принимали вѣру женъ своихъ; поэтому

(180) Pam. o dziej., pism. i praw. Słow Maciejow. 1839. T. 1. стр 344.

должны были имѣть сношенія съ духовенствомъ русскимъ. Очевидно, что князьямъ легче было объясняться съ нимъ по-русски, нежели духовенству по-литовски, потому что духовенство, прибывъ изъ Руси, не могло знать языка литовскаго. Когда отъ браковъ князей литовскихъ съ княжнами русскими происходили дѣти, то языкъ матерей со дня на день болѣе и болѣе распространялся при дворѣ: извѣстно, что дѣти, безпрестанно находясь передъ глазами матерей, скорѣе выучиваются языку ихъ, нежели языку отцовъ, которые не могутъ всегда оставаться въ своихъ семействахъ. Какъ же и княгини и княжескія дѣти говорили по-русски; то и придворные, по необходимости, должны были выучиваться этому языку; иначе не могли бы объясняться съ тѣми, которымъ каждодневно служили и отъ кого ожидали себѣ милостей.

По такому положенію дѣлъ, въ семействахъ Гедимина, Ольгерда, Евнута, Ягайлы и Витовта, говорили по русски. Родъ Гедимина и Ольгерда развѣтвился очень пространно, такъ что въ трехъ исходящихъ степеняхъ перваго и послѣдняго составляетъ болѣе 80 человѣкъ. Князья, достигнувъ юношескихъ лѣтъ, получали удѣлы, жили особыми домами, и многіе изъ нихъ женъ имѣли также русскихъ. Придворные ихъ, само собою разумѣется, должны были говорить на томъ языкѣ, къ которому князья привыкли съ малолѣтства, и на которомъ княгини говорили исключительно. Придворная прислуга, бывшая при князьяхъ съ ихъ малолѣтства, также говорила по-русски. Дружины, безпрестанно предводимыя князьями на войну, и народъ, каждодневно имѣвшій надобность къ своимъ князьямъ, — должны были часто говорить на такомъ

языкѣ, на которомъ объясняться князьямъ легче и пріятнѣе т. е. на русскомъ, такъ какъ онъ былъ языкомъ ихъ отроческихъ лѣтъ, подъ крыломъ заботливыхъ матерей. Если примемъ все это во вниманіе, то легко поймемъ, почему со временъ Гедимина и Ольгерда вся Литва, кромѣ Жмуди, которая и до сихъ поръ отличается привязанностію къ своей народности, болѣе говорила по-русски, нежели по-литовски, какъ увидимъ при изслѣдованіи языка судебнаго. Обращаясь къ князьямъ, замѣтимъ, что лѣтописцамъ не было никакого повода подробно записывать, кто именно говорилъ по-русски, ибо по-русски говорили всѣ—при дворѣ, въ народѣ и въ судахъ; однакожь и объ этомъ есть ясныя свидѣтельства: *Ольгердъ*, имѣя обѣихъ женъ русскихъ, до такой степени сроднился съ ихъ языкомъ, что даже *на печати* великокняжеской *имѣлъ надпись русскую*. Эта печать приложена къ транзакціи, заключенной въ 1366 г. Ольгердомъ и Кейстутомъ съ королемъ польскимъ Казиміромъ великимъ ([181]). *Ягайло обыкновенно говорилъ по-русски* ([182]); а сдѣлавшись королемъ польскимъ, изъ угожденія Полякамъ, пересталъ употреблять языкъ русскій; но какъ не умѣлъ ни по-латыни, ни по-польски, то началъ говорить по чешски ([183]), т. е. на такомъ языкѣ, который ближе всѣхъ къ русскому. *Витовтъ обыкновенно писалъ по русски* ([184]). Въ 1399 г. передъ несчастною для Литовцевъ битвою съ Татарами при Ворсклѣ, въ станѣ Витовта явился не-

([181]) O Lit. i Pol. praw. Czack. T. I. стр. 47. прим. 262 и стр. 73.
([182]) Obr. Lit. Iarosz. T. II. стр. 122.
([183]) Pam. o dz., piśm. i praw. Słow. Maciej. T. 1. стр. 349.
([184]) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VI. стр. 557.

вѣдомый старецъ, говорившій на всѣхъ языкахъ, знавшій всѣхъ, и предсказавшій пораженіе Литовцевъ. Древняя рукопись говоритъ объ немъ, что когда Витовтъ осматривалъ и училъ свои войска, а послѣ возвращался въ свой наметъ съ князьями, панами и воеводами литовскими, старецъ поздравлялъ каждаго *по-русски* и называлъ, *по русскому обычаю*, по имени и отечеству, и *только иногда* говорилъ по-польски, по-латыни и по-нѣмецки, если кто не понималъ языка русскаго. Когда Витовтъ пригласилъ невѣдомаго старца къ себѣ, желая удовлетворить своему любопытству,— разговоръ веденъ былъ *по-русски*. По наряду, крестамъ и святынямъ, которыя старецъ носилъ на груди, въ немъ признавали римскаго католика, и самъ онъ назвалъ себя Яномъ изъ Покрживна ([168]), слѣдовательно былъ Полякъ. Отъ чего же онъ съ великимъ княземъ, панами и воеводами литовскими говорилъ по-русски и называлъ ихъ по именамъ и отечествамъ, если не потому, что Витовтъ и всѣ важнѣйшіе сановники литовскіе обыкновенно говорили *по-русски* и *имѣли русскій обычай называться по именамъ и отечествамъ?* Кто усумнится въ послѣднемъ, того можетъ убѣдить хроника Стрыйковскаго. У него всѣ князья называются по отечеству русскимъ обычаемъ—на *вичь*, *Gedyminowic*, *Olherdowic*, и проч., а о Полякахъ послѣ имени говорится *сынъ* такого-то, какъ обыкновенно употребляется въ польскомъ языкѣ.

О *Свидригайлѣ* извѣстно, что его народъ любилъ особенно за *привязанность къ народности русской* ([166]).

([165]) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. V. стр. 612—615.

([166]) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VII, стр. 4.

Враги часто бываютъ самыми безпристрастными свидѣтелями; въ 1432 г., когда Поляки успѣли лишить Свидригайлу великаго княжества Литовскаго, рыцарскій шпіонъ Рейбеницъ вотъ что писалъ къ великому магистру: «Свидригайло нѣкоторымъ образомъ самъ это заслужилъ, потому, что *по любви* къ женѣ (русской княжнѣ) и *къ Русинамъ*, унижалъ вѣру римско-католическую, и *началъ оказывать больше расположенія къ вѣрѣ русской;* обдирая Литовцевъ, *обогащалъ Русиновъ*» (187). *Говорилъ онъ и писалъ исключительно по-русски*, такъ что даже съ рыцарями велъ переписку на русскомъ языкѣ: въ тайномъ кенигсбергскомъ архивѣ сохранилось письмо его къ великому магистру Павлу Русдорфу 3 Мая 1433 г., написанное по-русски (188). *Казиміръ* Ягайловичь, сдѣлавшись великимъ княземъ литовскимъ, *учился языку русскому* (189). Историкъ литовскаго народа Нарбутъ замѣчаетъ, что при немъ *русскій языкъ и русская письменность имѣли значительный успѣхъ* (190).

Выше уже показано, какимъ образомъ языкъ русскій отъ князей перешелъ къ народу. Но былъ еще и другой путь, которымъ онъ распространился въ Литвѣ. Ярославъ великій въ 1044 г. покорилъ землю Ятвяговъ, двѣ области коренной Литвы Нерому и Пелузію, и даже Керновъ, гдѣ послѣ была литовская столица. Для удержанія покоренной страны, было оставлено въ разныхъ мѣстахъ войско, а великокня-

(187) Switrigail. Kotzebue p. 84.

(188) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VII. на стр. 132—134 напечатано вполнѣ.

(189) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VIII. стр. 23.

(190) Тамъ-же стр. 254.

жескій намѣстникъ жилъ въ старыхъ Трокахъ ([191]). Это владычество Русскихъ въ Литвѣ продолжалось около 150 лѣтъ. Обстоятельства требовали часть русскаго народа изъ близкихъ мѣстъ, напр. изъ княжества гродненскаго или пинскаго, переселить въ Литву, дабы гарнизонъ былъ безопаснѣе отъ туземцевъ. Семейства людей, принадлежавшихъ къ гарнизону, также поселялись въ Литвѣ. Обыкновенно покоренные скорѣе выучиваются языку своихъ побѣдителей, нежели послѣдніе языку первыхъ. Поэтому на лѣвомъ берегу Виліи русскій народъ смѣшался съ Литовцами, передалъ имъ свой языкъ и свои обычаи, и когда Литовцы, вытѣснивъ Русскихъ, проникли на лѣвый берегъ Виліи, то нашли тамъ, вмѣсто Литвы, почти чистую Русь. Мы уже видѣли, что въ 1384 г. въ Трокахъ былъ православный монастырь и приходскія церкви. Начало православія тамъ нужно отнести ко времени пребыванія въ Трокахъ намѣстника великаго князя кіевскаго; иначе нельзя понять, какимъ образомъ въ столицѣ Кейстутовой явилась православная обитель. Сверхъ того Литовцы, будучи окружены княжествами русскими, вели съ ними торговлю ([192]), и, какъ доказано выше, больше зная русскій языкъ, нежели Русскіе языкъ литовскій, говорили съ ними по-русски; отъ дальнѣйшихъ сношеній болѣе и болѣе перенимали русскую рѣчь, и наконецъ совершенно усвоили ее себѣ. Вѣра, распространившаяся по Литвѣ (что доказано выше), также не мало содѣйствовала развитію русскаго языка: народъ молился Богу, слушалъ литургію и от-

([191]) Hist. Pol. Dług. p. 599. Dz. st. nar. Lit. Narb. T. III стр. 224.
([192]) O Lit. i Pol. praw. Czack. T. 1 стр. 48.

правленіе церковныхъ обрядовъ на языкѣ славянскомъ. Такимъ образомъ языкъ русскій отъ великокняжескаго дворца до хижины земледѣльца вошелъ во всеобщее употребленіе ([193]).

Посмотримъ еще на литовскую дипломацію и судопроизводство, чтобы видѣть языкъ дипломатическій при дворѣ, и языкъ судебный въ народѣ.

Самый древній изъ извѣстныхъ дипломатическихъ актовъ литовскихъ написанъ по-русски, и что всего удивительнѣе, не для русскихъ; слѣдовательно не для того, чтобы языкъ былъ понятнѣе, а потому, что *дипломатическимъ языкомъ въ Литвѣ былъ языкъ русскій*. Около 1839 г. въ главномъ Архивѣ королевства польскаго открытъ подлинный договоръ князей литовскихъ при Ольгердѣ съ королемъ польскимъ и князьями мазовецкими, *писанный* 1350 *г.* на пергаминѣ *по-русски*, и для означенія сроковъ мира употреблены названія праздниковъ православныхъ: «вѣдан то каждыи челъвикъ кто на тои листъ посмотритъ. Оже я князъ еоунутии (Евнутій) и кистутии и любартъ юръии (Юрій) Наримонътовичь юръии Коръятовичь чинимъ миръ твердыи съ королемъ Казимиромъ польскъмъ и сомовитомъ (Земовитомъ) и с его братомъ Казимиромъ Мазовскимъ....а за великого князя Олькѣрта и за корьята и за патрикия и за ихъ сыны мы слюбуемъ тотъ миръ держати вѣлми твердо... а миръ от *Покрова* бцѣ до *Иваня* дне *до купалъ* ([194])» и прочее. Сверхъ того *по-русски написаны* нѣсколько договоровъ Ольгерда съ

([193]) O Lit. i Pol. praw. Czack. T. 1 стр. 48.

([194]) Wzory pism. dawnych. Kaz. Stronczyński. Warszawa. 1839 cz. 1 № 90 и Акт. отн. къ ист. Запад. Рос. 1846 г. стр. 1.

князьями русскими ([195]), вкладная грамота супруги его Іуліяніи въ пользу пречистенской Церкви на темьянщину ([196]).

Въ послѣдствіи дипломатическіе акты писались по-латыни, по-нѣмецки и по русски, смотря потому, какой языкъ былъ понятнѣе. *Изъ русскихъ актовъ извѣстны*: а) вкладная грамота Корибута Ольгердовича лавришевскому монастырю, около 1386 года ([197]); б) Витовтова жалованная грамата корачевскому 1383 г. ([198]); в) егоже жалованная грамата троцкому монастырю 1384 г. ([199]); г) егоже жалованная грамата виленскимъ канонникамъ 1399 г. ([200]); д) егоже привиллегія литовскимъ евреямъ 1408 года ([201]); е) егоже жалованная грамата пану Бедриху около 1414 г. ([202]); ж) егоже окружная грамата объ отдѣленіи кіевской митрополіи отъ московской, 1415 г. ([203]); з) Ягайлы при-

---

([195]) O Lit. i Pol. praw. Czac. Т. 1. стр. 47 прим. 263. Здѣсь Чацкій говоритъ, что по-русски написанъ еще договоръ Ольгерда съ Казимиромъ великимъ въ 1366 г.; но договоръ этотъ и есть тотъ самый, который сей часъ означенъ (ибо другой не извѣстенъ), и относится къ 1350 г. ибо въ немъ говорится о *зятетъ Любарта* и раздѣлѣ земель волынскихъ и галицкихъ, что и было въ 1350 г. Ист. Гос. Пол. Бандтк. т. 1. стр. 260. Dz. st. nar. Lit. Narb. T. V стр. 49—58. Къ 1366 году договоръ этотъ ни въ какомъ случаѣ относиться не можетъ, ибо въ немъ между прочимъ договариваются *за Kapiata*, а Каріатъ умеръ въ 1358 г.

([196]) Акт. относ. къ Ист. Запад. Росс. 1846 г. т. I стр. 21.

([197]) Акт. отн. къ ист. Запад. Рос. т. 1 № 7.

([198]) Тамъ же № 6.

([199]) Собр. древн. грам. и акт Вильно. 1843 г. ч. II стр. 146.

([200]) Акт. отн. къ ист. зап. Рос. т. I № 15.

([201]) Тамъ же № 9.

([202]) Тамъ же № 22.

([203]) Тамъ же № 25.

мирительный договоръ съ княземъ смоленскимъ Григоріемъ 1386 г. ([204]); и) егоже грамата молдавскому воеводѣ Петру объ отдачѣ Галича 1388 г. ([205]); і) егоже запись молдавскому господарю Александру на 1000 руб. ([206]); к) присяжная грамата Александра Пакрикеевича Ягайлѣ 1400 г. ([207]); л) присяжная грамата потомковъ Евнутія князей заславскихъ Ягайлѣ 1401 г. ([208]); м) присяжная грамата Юрія Довготаса Ягайлѣ, 1401 г. ([209]); н) жалованная грамата Сигизмунда Кейстутовича жителямъ Вильна, 1432 г. ([210]); о) такая же грамата тогоже года ([211]); п) жалованная грамата Свидригайлы Мышчичу, 1438 г. ([212]); р) егоже жалованная грамата Богушу 1438 г. ([213]).

Казиміра Ягайловича грамотъ и привиллегій, писанныхъ по-русски такъ много, что затруднительно означить всѣ, и потому довольно указать только, гдѣ онѣ напечатаны ([214]).

Во время споровъ Литвы съ Поляками за Подолію, въ 1447 г. на люблинскомъ сеймѣ Литовцы предъявили писанныя *на русскомъ языкѣ* дѣянія, которы-

---

([204]) O Lit. i Pol. pr. Czack. T. 1 стр. 81, пр. 368.

([205]) Акт. отн. къ ист. Запад. Рос. т. I. № 8.

([206]) O Lit. i Pol. pr. Czack. T. 1. стр. 258 въ примѣч.

([207]) Акт. отн. къ ист. Зап. Рос. т. I. № 17.

([208]) Тамъ жи № 19.

([209]) Тамъ же № 20.

([210]) Соб. др. грам. и акт. Вильно. 1843 г. ч. I. № 2.

([211]) Тамъ же № 4.

([212]) Акт. отн. къ ист. Зап. Рос. т. I. № 36.

([213]) Тамъ же № 37.

([214]) Тамъ же №№ 38, 39, 44, 45, 52, 53, 54, 57, 58, 59, 60, 64, 70, 73, 76. 77. 78, 80. 81, 83, 85, 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93, 95. Собр. др. гр. и акт. Вильно. 1843 г. ч. I. № 6 и 8. часть II № 66.

ми доказывали, какъ Подолія поступила подъ власть великаго князя литовскаго, кто владѣлъ ею на правѣ ленномъ, и какіе были намѣстники (215). Такая подробность административныхъ обстоятельствъ заставляетъ думать, что на сеймѣ предъявлены были не одни хроники, но и документы о пожалованіи Подоліи на ленномъ правѣ, и о назначеніи намѣстниковъ, и документы тѣ писаны были на языкѣ русскомъ. При Александрѣ Казиміровичѣ граматъ, привиллегій, писемъ, наказовъ, посольскихъ рѣчей, статейныхъ списковъ и другихъ актовъ писано по-русски безчисленное множество (216). Сигизмундъ II-й издалъ *по русски* 1) правила о серебщизнѣ 1507 г.; 2) о сборѣ пересудовъ 1509 г.; 3) суды старостинскіе 1511 г.; 4) уставъ военный 1512 г.; 5) уставъ экономическій 1529 г.; 6) уставъ для простаго народа земли жмудской 1529 г.; 7) о службѣ и платѣ военной 1529 г. (217); сверхъ того 18-ть грамотъ и привиллегій Сигизмунда *написаны по-русски* (218). Сигизмунда Августа извѣстны 17 грамотъ и привиллегій, *написанныхъ по-русски* (219). Стефана Баторія извѣстны 9 грамотъ, *написанныхъ по русски* (220). Это число можетъ показаться малымъ, но и то удивительно; ибо Баторій

(215) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VIII. стр. 75.

(216) Собр. древ. грам. и акт. Вильно. 1843. ч. I. № 13 и 14. ч. II № 50. Акт. отн. къ ист. Зап. Рос. т. I. №№ 100—227.

(217) Напечатаны въ Zbiór praw. Litew. Hr. Działyńsk.

(218) Напечатаны въ собраніи древн. грам. и акт. Вильно. 1843 г. ч. 1. подъ №№ 18, 20, 23, 26—36, 38—41.

(219) Тамъ же въ ч. 1. подъ №№ 44, 45, 47, 48, 52, 55—59, 61 и 64. и ч. II подъ №№ 70—73 и 82.

(220) Тамъ же ч. 1. подъ № 68 и 69. ч. II. подъ №№ 1, 2, 16, 75, 78.

исключительно любилъ языкъ латинскій. Сигизмунда III-го извѣстны 29 грамотъ, *написанныхъ по русски* ([221]). Столь значительное число приводитъ въ удивленіе, потому что Сигизмундъ III, былъ ревностнымъ распространителемъ уніи, и уничтожалъ все русское и православное. Владислава IV извѣстны 2 грамоты ([222]).

Не ограничиваясь взглядомъ на постановленія и акты великихъ князей литовскихъ и королей польскихъ, касающіяся частныхъ предметовъ или частныхъ лицъ, посмотримъ на узаконенія и судопроизводство вообще, относительно русскаго элемента и русскаго языка въ Литвѣ.

Въ 1432 г. великій князь литовскій Сигизмундъ Кейстутовичь подтвердилъ жителямъ города Вильно употребленіе права магдебурскаго, «отдаляючи отъ иныхъ правъ што сут польская литовская *русская*» ([223]). Если же жители Вильна изъемлются изъ правъ т. е. узаконеній русскихъ, — значитъ, что въ 1432 г. эти узаконенія имѣли въ Литвѣ дѣйствіе. Оговорки этой никакъ нельзя относить къ русскимъ княжествамъ, вошедшимъ въ составъ великаго княжества литовскаго т. е. нельзя думать, что Сигизмундъ, пиша это, имѣлъ мысль, что жители Вильна изъемлются изъ тѣхъ узаконеній, которыми судятся русскія княжества; ибо если бы они въ самой Литвѣ не имѣли силы, то не для чего было бы и говорить, что изъ нихъ изъемлется

([221]) Тамъ же ч. I. подъ № 73, 80, 81, 83 и 92. ч. II. подъ № 4, 5, 9, 12, 13, 16, 17, 19, 21, 24—27, 31, 47, 58, 62, 65, 67, 69, 80, 86, 88 и 89.

([222]) Тамъ же ч. II. подъ №№ 32 и 42.

([223]) Собр. древ. грам. и акт. Вильно. 1843. ч. 1. стр. 5.

столица литовская. Это обстоятельство нужно замѣтить потому, что слѣдующій за симъ кодексъ литовскихъ законовъ, извѣстный подъ именемъ *Статута литовскаго* или правильнѣе *Статута великаго княжества литовскаго*, составился изъ обычаевъ, имѣвшихъ силу въ Литвѣ; слѣдовательно и обычаи, или такъ называемыя *права русскія*, вошли въ Статутъ.

За симъ мы переходимъ къ обозрѣнію самыхъ законовъ литовскихъ; при этомъ не излишне замѣтить, что законы пишутся для всеобщаго употребленія и согласно съ обстоятельствами времени; посему и законы литовскіе должны быть изданы на языкѣ общеупотребительномъ въ Литвѣ, дабы каждый могъ ихъ понимать. На какомъ же языкѣ писаны *законы литовскіе?* Рѣшительно *вся по-русски.*

Въ 1457 г. Казиміръ Ягайловичь издалъ извѣстную *земскую привиллегію*. Цѣлію ея было—усмирить волненіе умовъ, сблизивъ права Литовцевъ съ правами Поляковъ. Значитъ, это было не собраніе узаконеній народныхъ, а постановленіе, которое требовалось по обстоятельствамъ, и потому здѣсь нѣтъ надобности разсматривать самое содержаніе привиллегіи, довольно указать на языкъ ея: *она написана по-русски* (224).

Въ 1468 г. Казиміръ Ягайловичь издалъ судебникъ для великаго княжества литовскаго, также *по-русски* (225). Изъ начала судебника видно, что король

---

(224) Вся вполнѣ напечатана въ Zbiór. pr. Lit. Hr. Działyn. стр. 28—36.

(225) Stat. Kazim. Jagell. Wilno. 1826. Здѣсь время изданія судебника показано 1480 г. Zbiór pr. Lit. Hr. Działyn. стр. 36—57. У Дзялынскаго годъ судебника назначенъ 1492 г.; въ 1-мъ же томѣ Акт. относящихся къ ист. Западн. Росс. изд. Археогр. Ком. 1846

пздалъ его «съ князьми и съ Паны радою великаго княжества литовскаго погадавше»; значитъ, въ немъ народные законы измѣнены, иначе не для чего было бы и совѣтоваться. Законы эти почти всѣ касаются воровъ, написаны языкомъ русской правды, но наказаніе увеличено, и вмѣсто пени, назначено татя «на шибѣницу (на висѣлицу) и на обѣшеніе». Причина строгости объяснена: «надъ злодѣи милости непадобѣ».

Въ 1492 г. великій князь литовскій Александръ Казимировичъ далъ *земскую привиллегію* Жмуди *по-русски* (226), а въ 1501 г. землѣ бѣльской даровалъ привиллегію земли дрогицкой также *по-русски* (227).

Въ 1522 г., по повелѣнію Сигизмунда I-го, собраны въ одинъ кодексъ прежде дарованныя права и древніе литовскіе обычаи (228); съ 1524 по 1529 г. этотъ кодексъ передѣлывался и дополнялся, а съ 1530 г введенъ во всеобщее употребленіе. Это былъ *первый* или иначе называемый *старый статутъ литовскій*. Онъ *изданъ по-русски* (229); въ 1532 г. переведенъ на латинскій и польскій языки, но только какъ предметъ любопытства для людей, не понимавшихъ по-русски; *въ судахъ же имѣлъ обязательную силу*

г. стр. 80, этотъ судебникъ пріуроченъ къ 1468 г. Послѣднее вѣрнѣе всѣхъ, и причины весьма основательно изложены въ примѣчаніи.

(226) Zbior. praw. Lit. Działyn. стр. 67—72.

(227) Тамъ же стр. 82—91.

(228) Obr. Lit. Iarosz. T. II. стр. 132.

(229) O Lit. i Pol. praw. Czack. T. 1. стр. 49, Dzien Wileń. 1823 T. 1. № IV стр. 380, Dorpater Jahrbucher. 1824. № 4. 132, въ ст Hist. Blick. auf die litauisch. Gesetzgeb; Obr. Lit. Iaros. T. II. стр. 133. Этотъ статутъ напечатанъ небылъ. Первые 9 разрядовъ можно видѣть въ Zbiór praw. Ur. Działyn.

въ подлинникѣ русскомъ. Изъ этого очевидно, что и до изданія Статута судопроизводство отправлялось въ Литвѣ на русскомъ языкѣ; иначе *королю польскому* не для чего было бы давать Литвѣ кодексъ законовъ *по-русски*; составленіемъ 1-го Статута не новые законы изданы, а только права и обычаи народа литовскаго, которые каждый судья понималъ по своему, какъ сказано въ эдиктѣ о Статутѣ ([250]), приведены въ положительный и опредѣленный видъ, на такомъ языкѣ, на какомъ до того времени творились судъ и расправа. «*Русскій языкъ*— пишетъ Чацкій—*былъ въ Литвѣ всеобщимъ*; имъ говорили въ судахъ и со властями; на немъ отвѣчали король, судья и каждый сановникъ» ([251]). Въ доказательство мы сошлемся на самаго короля Сигизмунда 1-го: въ 1536 г., подтверждая виленскимъ жителямъ право пользованія землею, купленною «у князя Яна бискупа познанскаго, на што же (на каковую покупку) Князь Бискуп и листъ свои записныи по латине писаныи подъ печатью своею и с подписью руки своее далъ»,—Король продолжаетъ: «И тот они листъ его перед нами вказывали, которыи же мы листъ, *для певности по русски выложивши* слово от слова, всес (въ сей) нашъ листъ казали (повелѣли) вписати» ([252]). Итакъ запись епископа познанскаго на проданную въ Вильнѣ землю, король велитъ перевести на русскій языкъ *для вѣрности* или *извѣстности*, и включить въ свою подтвердительную грамату; слѣдовательно, что̀ было написано по русски, то было Литвѣ *извѣстно*:

([250]) Zbiór. pr. Hr. Dział. стр. 121—123.

([251]) O Lit. i Pol. praw. Czack. Т. 1. стр. 48.

([252]) Собр. древн. грам. и акт. Вильно 1843 г. ч. I. стр. 48.

языкъ каждому извѣстенъ и недоразумѣній быть не можетъ.

Съ теченіемъ времени оказалось нужнымъ Статутъ измѣнить; онъ исправленъ, дополненъ и введенъ въ употребленіе въ 1566 г *на языкѣ русскомъ* (253). Въ немъ заключаются не только узаконенія, внесенныя въ 1-й статутъ, но и правила: 1) судопроизводства для судей земскихъ и 2) объ избраніи пословъ земскихъ на сеймикахъ предъсеймовыхъ. Это очевидно доказываетъ, что не только самые законы, но и формы судопроизводства и все, касающееся судебной части, не иначе совершалось, какъ на языкѣ русскомъ. Статутъ сей извѣстенъ подъ именами: *втораго статута, статута дѣлъ судебныхъ, статута Сигизмунда Августа*, и *статута волынскаго*, потому что онъ, съ нѣкоторыми перемѣнами, введенъ въ употребленіе на Волыни и Подоліи.

Въ 1568 г. послы кобринскіе, мстибоговскіе, вольпянскіе, литовско-междурѣцкіе, гераймовскіе и трабскіе просили короля Сигизмунда Августа объ уравненіи ихъ въ правахъ съ прочею шляхтой. Просьба пословъ и отвѣтъ короля *написаны по русски* (254). Для знающаго прежнюю географію понятно, что это просьба

---

(253) Obr. Lit. Iaros. T. II стр. 140. Чацкій думалъ, что онъ написанъ былъ по-польски, потому что видѣлъ экземпляры только польскіе. O Lit. i Pol. praw. T. I. стр. 49 пр. 267. Но это несправедливо: 2-й статутъ съ русскаго переведенъ на польскій Obr. Lit. Iaros. T. II стр. 140.

(254) Этотъ весьма любопытный памятникъ русскаго языка въ Литвѣ напечатанъ вполнѣ въ Obr. Lit. Iaros. T. II. стр. 186—192. Какъ у насъ онъ вовсе неизвѣстенъ, то для любителей отечественной исторіи можно замѣтить, что въ пунктѣ 2 мь находится свѣдѣніе о князѣ Андреѣ Курбскомъ.

земель не русскихъ, входившихъ въ составъ великаго княжества литовскаго, а чисто-литовскихъ.

Въ 1581 г. Сигизмундомъ III изданъ Уставъ трибунала (суда) литовскаго, для всеобщаго руководства въ Литвѣ, *по-русски* ([236]). Около 1588 г. онъ напечатанъ въ Вильнѣ въ типографіи Козмы (отца) и Льва сына) Мамоничей ([238]).

Вновь дарованныя дворянству и народу права требовали перемѣны Статута литовскаго; онъ опять былъ пересмотрѣнъ, и хотя дополненъ на основаніи привиллегій, изъ коихъ многія были писаны по-польски и по-латыни, но составленъ и напечатанъ въ 1588 г. *на русскомъ языкѣ* ([237]). Статутъ сей извѣстенъ подъ именемъ третьяго статута, и въ польскомъ переводѣ имѣлъ силу до позднѣйшаго времени.

Все вышеизложенное о языкѣ русскомъ, достаточно убѣждаетъ, что онъ съ древнѣйшихъ временъ былъ въ Литвѣ языкомъ законодательнымъ и судебнымъ. Остается только прибавить, что *употребленіе въ судопроизводствѣ языка не-русскаго и письма не-русскаго было воспрещено закономъ*: въ Статутѣ литовскомъ раздѣлѣ IV, пунктѣ 1-мъ постановлено: «писарь земскій долженъ *писать всѣ бумаги*, выписи и позывы *по-русски, словомъ и буквами русскими*, а *не на иномъ какомъ либо языкѣ, и не иными словами*». Конечно, многіе подумаютъ, что это было въ 1-мъ или 2-мъ статутѣ, а если въ 3-мъ, то въ экземплярѣ русскомъ; къ край-

---

([235]) O Lit. u Pol. praw. Czack. Т. I. стр. 56. пр. 319.

([236]) Obr. Lit. Iaros. Т. II. стр. 145. Это было первое печатное изданіе литовскихъ законовъ.

([237]) Bibliog. helewel. Т. 1. стр. 190.

нему удивленію, это стоитъ и въ экземплярѣ польскомъ, которымъ руководствовались и въ наше время (238). Далѣе въ пунктѣ 37-мъ постановлено, чтобы воеводы и старосты выбрали себѣ въ помощники людей «*знающихъ* законы и *русскую грамоту*» (239).

Итакъ, основываясь на историческихъ свидѣтельствахъ, приходимъ къ заключенію, что въ Литвѣ князья исповѣдывали православіе; народъ на половину былъ православный; по всей Литвѣ воздвигнуты были цер-

---

(238) Stat. Wielk Xięzł. Liłew. стр. 115 Вотъ подлинныя слова: «Pisarź Ziemski ma po rusku literami y słowy Ruskiem wszystkie listy, wypisy, y pozwy pisać, a nie inszym ięzykiem y słowy».

(239) w prawie y piśma Ruskiego umieiętnych. Тамъ же стр. 157. И Пашкевичъ имѣлъ полное право, въ 1621 году, написать (Fac simile автографа приложенъ къ собр. др. гр. и акт. Вильно, 1843 г.):

Польска квитнетъ Лациною,	Польша процвѣтаетъ латынью,
Литва квитнетъ Русчизною;	Литва процвѣтаетъ русскою рѣзью.
Безъ той въ Полсце не пребудешь,	Безъ латыни въ Польшѣ не обойдешься,
Безъ сей въ Литве блазнемъ будешь.	Безъ русской рѣчи въ Литвѣ будешь дуракомъ.
Той Лацина языкъ даетъ,	Польшѣ латынь рѣчь даетъ.
Та безъ Руси не вытрваетъ.	Литва безъ Руси обойтись не можетъ.
Ведзъ же южъ, Русь, пжъ тва хвала	Знай же Русь, что твоя слава
По всемъ свете южъ дозрала.	По всему свѣту уже созрѣла;
Веселисе ты, Русине,	Веселись же ты — Русинъ!
Тва слава никгды незкгине (240).	Твоя слава не погибнетъ никогда.

кви и монастыри православные; законы заимствованы изъ Руси; князья, сановники и народъ говорили и писали по-русски; языкъ русскій былъ языкомъ законодательнымъ и судебнымъ. «Если бы этотъ порядокъ вещей могъ еще продолжиться—говоритъ безпристрастный польскій писатель;—то Литва, усвоивъ себѣ русскій языкъ, русскіе обычаи, отъ части русскіе законы, принявъ русскую вѣру съ духовною властію русской Церкви, и чрезъ родственныя связи князей входя болѣе и болѣе въ тѣснѣйшій союзъ съ князьями русскими, народность свою языческо-литовскую со временемъ замѣнила бы народностію христіанско-русскою» ([210]).

Недовѣдомымъ судьбамъ Вышняго, по причинамъ, для насъ непонятнымъ, угодно было отдалить счастливое время преобразованія Литвы, — и польская политика, вмѣстѣ съ уніею, съ 1386 г. развивала свои дѣйствія для уничтоженія самобытности Литвы, православія въ ней и русскаго элемента. Первое оказалось легче: Литва обращена въ польскую провинцію въ 1569 г., употребленіе русскаго языка въ судопроизводствѣ отмѣнено только въ 1697 году ([211]); а храмы Господни и православный народъ, хотя въ маломъ числѣ, уцѣлѣли до нашего времени, когда Промыслу угодно было обновить Литву православіемъ, русскою рѣчью и русскимъ духомъ.

([210]) Obr. Lit. Iaros. T. II. стр. 7.
([211]) Volum. legum T. V. стр. 863

III.

СТѢСНЕНІЕ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЛИТВѢ.

Въ 1385 г. первый шагъ князя литовскаго въ столицу польскую былъ ознаменованъ униженіемъ Православія. Не въѣзжая въ самый Краковъ, Ягайло остановился въ предмѣстьи: сейчасъ явился латинскій архіепископъ, и началъ оглашать его и всю свиту; черезъ четыре дня, Ягайло, вступивъ въ Краковъ, отправился прямо въ костелъ Станислава. Тамъ перекрестили Ягайлу, Скиргайлу, Свидригайлу, Витовта и другихъ князей литовскихъ и множество вельможъ, сопровождавшихъ своего государя (242). Итакъ православная Церковь въ Литвѣ лишилась почетнѣйшихъ своихъ сыновъ; князья измѣнили православію, правда не по убѣжденію, а изъ видовъ личныхъ, но тѣмъ не менѣе дали гибельный примѣръ религіозной измѣны. Не знаемъ, сколько по этому примѣру явилось новыхъ отщепенцовъ; но историкъ увѣряетъ, что представители народа литовскаго—вельможи, на сеймѣ волковыскомъ вѣсть о соединеніи двухъ народовъ приняли *съ радостію* (243). Не мудрено, если нѣкоторые, въ доказательство своей радости, повторили тоже въ

---

(242) Dz. st. nar. Lit. *Narb.* T. V. стр. 383 — 385.

(243) Тамъ же стр. 387.

Волковыскѣ, что совершилось въ Краковѣ. Одинъ только изъ князей литовскихъ — Андрей Вингольтъ полоцкій понялъ настоящее положеніе дѣлъ: объявилъ, что Ягайло, сдѣлавшись *отщепенцомъ*, потерялъ право власти надъ народомъ православнымъ, и потому никто не обязанъ повиноваться ни ему, ни братьямъ его, измѣнившимъ православію (244); но при этомъ Вингольтъ сдѣлалъ три ошибки: 1) предложилъ въ государи Литвѣ *самаго себя*, 2) соединился съ врагами Литвы — рыцарями, и 3) во имя православія внесъ въ Литву пламенникъ войны. Въ продолженіи трехъ недѣль союзники опустошили 18 старостъ, увели 3000 человѣкъ и взяли много добычи. Не можемъ хвалить Вингольта, но не можемъ и не замѣтить, что Литва настоящими потерями обязана измѣнѣ православію.

Одно зло обыкновенно влечетъ за собою другое: Ягайло, жалуясь на магистра Цолнера, разглашалъ, что онъ (245) «съ войсками своими ливонскими, присоединивъ къ себѣ нѣкоторыя войска *схизматиковъ* (отщепенцовъ) *изъ Полоцка и Смоленска*, которыя взбунтовалъ противъ насъ, опустошилъ наши земли больше, нежели на 60 миль». Литва изъ устъ своего государя, прежде исповѣдывавшаго православіе и рожденнаго отъ княжны православной, въ первый разъ услышала, будто бы Православіе есть *схизма — отщепенство*.

---

(244) Тамъ же стр. 389.

(245) Per exercitus suos de Livonia, adjunctis sibi quibusdam *Schismaticorum* exercitibus, videlicet de *Ploczsko* et *Smolensko*, a nostra subjectione per ipsum revocatis et nobis rebellantibus, terras nostras ultra quam per sexaginta miliaria vastari fecit. У Нарбута Т. V. стр. 391.

Конечно, благоразумные видѣли въ этомъ безсильную месть противъ Вингольта и собственное оправданіе Ягайлы за измѣну вѣрѣ; но сколько есть такихъ людей, которые вѣрятъ всему! — На нихъ этотъ отзывъ долженъ былъ имѣть гибельное вліяніе. Какъ бы то ни было, вел. князь Литвы, измѣнившій православію, бросилъ на него хулу *отщепенства*, въ которомъ виновенъ былъ самъ, и въ которое вовлекъ другихъ. Дѣло не кончилось на словахъ: Ягайло обязался не только язычниковъ обратить въ Латинство, но и православныхъ привести къ единству съ римскою церковью ([246]). Возвратившись въ Литву для исполненія своего обязательства, въ 1387 г., онъ объявилъ римское католичество господствующею вѣрою ([247]), и началъ крестить всѣхъ, кого только могъ. Непросвѣщенныхъ язычниковъ убѣдить было не трудно; даже платье, которое, по волѣ князя, было раздаваемо имъ, служило не малымъ побужденіемъ къ принятію крещенія; но что было дѣлать съ православными? Употребили силу власти, лишеніе правъ и насиліе; въ грамотѣ (сохранившейся до сихъ поръ въ виленскомъ капитулѣ) на имя виленскаго епископа объявлено слѣдующее:

«Желая распространить (римско-) католическую вѣру въ земляхъ нашихъ русскихъ и литовскихъ, мы, по волѣ и съ согласія братьевъ нашихъ свѣтлѣйшихъ князей и *всѣхъ дворянъ* (omnium nobilium) земли литовской, положили, установили, обѣщали и клятвою подтвердили всѣхъ природныхъ литовцевъ обоего пола,

([246]) Dz. st. nar. Lit. *Narb.* T. VI. стр. 340.

([247]) Тамъ же T. V. стр. 401.

всякаго званія, состоянія и достоинства во владѣніяхъ нашихъ литовскихъ и русскихъ къ вѣрѣ (римско)-католической и къ покорности св. римской церкви привлечь, призвать и *даже принудить* (imo compellere), къ какой бы сектѣ (т. е. вѣрѣ) они ни принадлежали. А дабы новообращенные въ (римское) католичество литовцы какимъ либо образомъ не отдѣлились отъ послушанія и обрядовъ римской церкви, мы, желая уничтожить всѣ вообще, и въ частности каждое препятствіе католической вѣрѣ, строго запрещаемъ литовцамъ обоего пола соединяться бракомъ съ русинами также обоего пола, пока напередъ русинъ или русинка не признаютъ самымъ дѣломъ покорности римской церкви. А если противъ сего нашего запрещенія кто либо изъ русиновъ обоего пола соединился бракомъ съ (римско-) католикомъ или католичкою, то сочетавшіеся не разлучаются, но тотъ изъ супруговъ, который принадлежитъ къ другой сектѣ (вѣрѣ), долженъ принять вѣру католическую и, дѣйствительно признать покорность римской церкви, къ чему *слѣдуетъ принуждать ихъ даже тѣлеснымъ наказаніемъ*» (ad quod etiam poenis corporalibus compellendi) (248).

Нельзя не остановиться на этомъ постановленіи. Замѣтимъ прежде всего, что оно начинается ложью: сказано, будтобы въ римскую вѣру обращаются литовцы *съ согласія всѣхъ дворянъ литовскихъ*. Еслибъ спросили не придворныхъ, а дѣйствительно всѣхъ дворянъ, и руководствовались большинствомъ голосовъ, то исповѣданіе это никогда не было бы признано въ Литвѣ господствующимъ; не смотря на всѣ препму-

(248) Wilno, *Kraszew*. T. II, стр. 496 и 514.

щества папистовъ и на всѣ притѣсненія православнымъ, (весьма многія дворянскія фамиліи остались въ вѣрѣ православныхъ отцевъ своихъ, и, при введеніи уніи, православными были: *князья:* Вишневецкіе, Волынскіе, Головчинскіе, Друцкіе-Горскіе, Дубровицкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Корецкіе, Коширскіе, Крошинскіе, Лукомскіе, Мосальскіе, Огинскіе, Острожскіе, Полубинскіе, Пронскіе, Пузины, Ружинскіе, Сангушки, Слуцкіе, Соколинскіе, Соломерецкіе и Чарторижскіе; *изъ почетнѣйшаго дворянства:* Боговитины, Бокіи, Бржозовскіе, Войны, Воловичи, Вяжевичи, Гарабурды, Глѣбовичи, Горностаи, Гулевичи, Дорогостайскіе, Деревинскіе, Ермолинціе-Загоровскіе, Зеновичи, Калиновскіе, Киреевы, Кмиты, Кишки, Копецы, Корсаки, Лозки, Мишковскіе, Обухови, Олизаровичи, Павловичи, Пацы, Поцѣи, Сапѣги, Сосновскіе, Сѣмашки, Тишкевичи, Тризны, Халецкіе, Ходкевичи, Хрептовичи, Чолганскіе, Шишковичи, Ярмолинскіе ([249]), Долматы-цеперскіе, Юрковскіе ([250]) и другіе. Презирая земныя выгоды и преимущества, предоставленныя королями за измѣну православію, они свято исповѣдывали православіе.) Даже въ 1618 г., т. е. въ самый разгаръ уніи, Константинъ Долматъ-цеперскій и жена его Анна, урожденная Юрковская, учредивъ православный общежительный цеперскій монастырь въ Новогрудскомъ уѣздѣ, и подчинивъ его виленскому Святодухову монастырю, сдѣлали слѣдующее завѣщаніе: «еслибы, чого Боже уховай, тая церковь и монастыр

([249]) Ист. объ уніи стр. 34—36.

([250]) Собр. др. гр. и акт. Вильно 1843 ч. II. стр. 108.

братства Виленского от православия отступивши до теперешние ново насталое уніи приступил, а подъ звыклым собѣ и предком своим послушеством светейшого патриархи Константинополского трвати не хотел, — тогды монастыр наш цеперски при том монастыри которыбы колвек в князстве Литовском в неотступлении православия стародавного был, зостати мает ([251])». Подобнымъ образомъ въ 1629 г. княгиня Раина Огинская, урожденная Воловичова, подаривъ имѣнія состоящему «под послушеством зверхнѣйшого пастыра *церкви* святое *всходнее* апостолской святейшого патриарха Константинополского», т. е. православному Кронскому монастырю, въ которомъ погребенъ мужъ ея подкоморый троцкій князь Богданъ Огинскій, завѣщала, чтобы попеченіе о томъ монастырѣ имѣли потомки ея, «которые *въ благочестіи старожытнаго* послушенства *церкви* святое *восходнее* будутъ»; при чемъ обьяснила, что она вмѣстѣ съ покойнымъ мужемъ своимъ угодья въ имѣніи вевейскомъ подарила монастырю вевейскому (евейскому), подчиненному архимандриту виленскаго Святодухова монастыря «*церкви всходное*» (восточной православной), и постановляетъ слѣдующее условіе: «еслибы, чого Боже уховай, з яких колвек мер поменены архимандрит церкви Светого Духа виленски благочестия церкви восходное и послушенства светейшого патриарха константинополского отступил, тот монастыр вевейски и добра до него фундованые в моц и владзу пашу взять, прето и тым листом моим варую, еслибы, не дай Боже, отступником от благочестия архимандрита виленски за-

([251]) Тамъже стр. 111.

стал, тогды тот поменены монастыр наш вевейски со всими принадлежностями ему фундованными до монастыра нашого кронского належати» (252) и проч. Все это доказываетъ, что на введеніе латинской вѣры въ Литву дворянство согласія не давало. Что касается *до принужденія* къ этой вѣрѣ, особенно при *тѣлесныхъ наказаніяхъ*, то дѣло говоритъ само за себя: римскому духовенству православные отданы на жертву. Самъ Ягайло казнилъ двухъ православныхъ вельможъ, не хотѣвшихъ измѣнить православію (253).

Сколько сдѣлало успѣховъ латинство при помощи *тѣлесныхъ наказаній*, хроники молчатъ; но Ягайло самъ проповѣдывалъ его, и слѣдовательно всѣ убѣжденія и средства пущены были въ ходъ для распространенія повиновенія римской церкви. Мракъ вѣковъ скрываетъ печальную картину религіозныхъ событій въ Литвѣ въ концѣ XIV вѣка. Въ этоже время на Жмуди римскую вѣру распространяли рыцари. Какія употреблялись средства, видѣть можно изъ протеста жмудскаго народа. «Имѣемъ епископовъ, писалъ онъ, прелатовъ, ксендзевъ и не мало подобныхъ людей, которые забираютъ у насъ волну и молоко, *пьютъ нашу кровь*, *обьѣдаютъ мясо при костяхъ*, но совершенно не заботятся о просвѣщеніи насъ христіанствомъ» (254).

Проповѣдники, отправленные Ягайлою во всю Литву, поступали едва ли лучше; особенно отличился монахъ камендульскаго ордена Іеронимъ изъ Праги; онъ проповѣдывалъ и крестилъ въ запущанскомъ краѣ

---

(252) Тамъже стр. 118.

(253) Соф. врем. ч. I. стр. 381.

(254) Preus. Chron. Luc. *David.* 13, VIII p. 158.

съ такою любовію и кротостію, что весь народъ хотѣлъ бросить родную землю и бѣжать куда глаза глядятъ. Витовтъ выслалъ Іеронима изъ своего княжества; за то онъ отмстилъ фразою: «Витовту угодно, чтобы лучше Христу недоставало людей, нежели ему» (255).

Нарбутъ, сообразивъ сущность вышеприведенной грамоты, справедливо заключаетъ, что, на основаніи ея, предавали карѣ язычниковъ и православныхъ христіанъ, не принимавшихъ римскаго католичества, въ такомъ только случаѣ, если они были природные Литовцы (256). Но и природные русины также понесли тягость римскаго энтузіазма; самъ Нарбутъ говоритъ: «*Русины, покорившись единству вѣры съ римскою церковію*, остались при своихъ обрядахъ (257)». Можно ли было достигнуть этой покорности безъ насильственныхъ мѣръ?

Въ 1413 году Ягайло возобновилъ латинскую проповѣдь въ Литвѣ. По городельскому акту, должности постановлено раздавать только папистамъ, браки съ православными запрещены. Въ 1563 году Сигизмундъ Августъ привиллегіею 7 Іюня допустилъ къ должностямъ всѣхъ христіанъ, и въ оправданіе жестокаго городельскаго акта въ привиллегіи сказано, что «*Русиновъ* тогда *лишили правъ потому, что ихъ на городельскомъ сеймѣ не было* (258)». Жалкое оправданіе! Да и несправедливо, будто бы русиновъ на городель-

---

(255) Dz. sł. nar. Lit. *Narb.* T. V стр. 406.

(256) Тамъже стр. 407.

(257) Тамъже стр. 406.

(258) O Lit. i Pol. pr. *Czack.* Cz. 1 стр. 298.

скомъ сеймѣ не было: тамъ присутствовало все литовское дворянство ([259]); а мы уже видѣли, что большая часть его исповѣдывала православіе; знаемъ также, что на сеймѣ были удѣльные князья кіевскіе, волынскіе и заславскіе ([260]), и слѣдовательно дворъ или свита ихъ, состоявшіе изъ русиновъ. Къ этому остается только присовокупить, что городельскимъ актомъ лишены правъ люди не по происхожденію русины, а всѣ вообще, исповѣдывавшіе православіе, русины ли то, или природные литовцы, безъ всякаго различія.

О дѣйствіяхъ Ягайлы въ 1413 г. сами римско-католическіе писатели сознаются, что онъ употреблялъ мѣры насильственныя: Стрыйковскій пишетъ, что Ягайло и Витовтъ заставляли народъ принимать римскую вѣру ([261]) «частію дарами, а частію *угрозами и карою*». Кромеръ также говоритъ, что король обращалъ «partim donis, partim *authoritate et minis* ([262]), частію подарками, частію *силою власти и угрозами*». Правда, они говорятъ это объ обращеніи язычниковъ, но тогда и православныхъ считали наравнѣ съ язычниками; какія мѣры принимали съ одними, такія считали позволительными и для другихъ.

Витовтъ (принявшій три раза крещеніе изъ политическихъ видовъ) православныя церкви называлъ *синагогами*. Въ привиллегіи его 1420 г., данной брестскому костелу, при описаніи жалуемаго мѣста, сказано, что оно находится «penes *Synagogam Ruthenicam Mikula*—

([259]) Dz. st. nar. Lit. *Narb.* T. VI стр. 300.
([260]) Kr. Pol. *Stryjk.* 1845 г. T. 2 стр. 147.
([261]) Тамъже стр. 149.
([262]) De orig. Pol. Cron. p. 277.

подлѣ *русской синагоги Микула*» ([263]), т. е. подлѣ русской церкви св. Чудотворца Николая. Если же такъ отзывались о священныхъ предметахъ православія сами князья, то чего нужно было ждать отъ римскаго духовенства, дышавшаго ненавистію ко всему не римскому? Одна только является свѣтлая черта: въ 1427 году въ Луцкѣ былъ чрезвычайный съѣздъ государей Ягайлы, Витовта, Эрика короля датскаго, императора Сигизмунда, в. князя московскаго Василья Васильевича, великаго магистра рыцарей Русдорфа, папскаго легата Андрея, и множества князей литовскихъ, мазовецкихъ и русскихъ. Предметъ совѣщаній между прочимъ составляло соединеніе восточной Церкви съ западною. Папскій легатъ и имперскіе дипломаты много потратили краснорѣчія; но сенаторы литовскіе, а за ними и польскіе сказали, что «мыслить объ этомъ въ настоящее время нѣтъ никакой надобности, потому что народонаселеніе исповѣдывающихъ православіе гораздо многочисленнѣе римскихъ католиковъ, *а въ святости догматовъ одна вѣра не уступаетъ другой* ([264])». Это единственный случай, когда паписты такъ высоко отозвались о православныхъ. Правда, тутъ разумѣлись не одни литовскіе православные, — представителемъ православія былъ великій князь московскій и при немъ митрополитъ Фотій,—по крайней мѣрѣ, сами поляки приняли сторону православія.

Въ 1434 г. Владиславъ III (извѣстный своею смертію при Варнѣ), вступивъ на престолъ, уравнялъ въ

([263]) Dz. st. nar. dit. *Narb.* T. VI. Dodat. IV. стр. 34.

([264]) Тамъ же стр. 597.

правахъ православныхъ съ папистами ([265]); но поляки скоро съумѣли почти уничтожить эти права: подъ предлогомъ, что въ Литвѣ происходятъ религіозныя волненія, въ 1436 г. учредили *трибуналъ святой инквизиціи,* и президентомъ назначили доминиканскаго монаха Николая изъ Ленчицы, *съ правомъ отыскивать и карать въ Литвѣ еретиковъ и отщепенцовъ* ([266]); слѣдовательно поляки предъупредили извѣстную испанскую инквизицію 43 годами (послѣдняя учреждена въ 1479 г.). Нарбутъ говоритъ, что нѣтъ ясныхъ слѣдовъ, чтобы инквизиція въ Литвѣ и литовской Руси произвели что либо худшаго, кромѣ пострахи ([267]). но если историки—поляки не хотѣли вносить въ свои хроники кровавыхъ событій, противныхъ чести, здравому смыслу и человѣчеству; то догадаться объ нихъ не трудно: законы пишутся не для того, чтобы ихъ не исполняли; поэтому, если учредили цѣлый трибуналъ инквизиціи съ цѣлію не только судить тѣхъ людей, которымъ назадъ тому три года дарованы права, но еще и *отыскивать ихъ и карать*, то само собою разумѣется, что трибуналъ что нибудь да дѣлалъ; его дѣйствія если не вопіютъ въ хроникахъ, то въ свое время вопіяли на небо. Недостатокъ историческихъ подробностей здѣсь ничего не значитъ: современныхъ хроникъ мы не знаемъ; послѣдующіе историки Длугошъ, Кромеръ, Меховитя, Стрыйковскій — всѣ паписты: не имъ было описывать то, что пятнало ихъ собратій вѣчнымъ без-

([265]) Hist. Pol. *Dlug.* p. 663 — 669.

([266]) Hist. de Schism. *Kwiatkew.* подъ 1436 г. Wiara Prawost. *Kulesz.* стр. 162.

([267]) Dz. st. nar. Lit. *Narb.* T. VII стр. 206.

славіемъ. При этомъ нужно еще вспомнить, что въ эпоху инквизиціи въ Литвѣ княжилъ жестокій Сигизмундъ Кейстутовичь, при которомъ тѣхъ, кто вчера былъ въ милости, сегодня вели на висѣлицу или къ озеру топить; богачей предавали смерти, чтобъ воспользоваться ихъ состояніемъ; высшія правительственныя лица теряли свои достоинства вмѣстѣ съ жизнію ([268]).

Наконецъ и Нарбутъ сознался, что «при корольхъ Казимірѣ и Александрѣ религіозные фанатики въ Литвѣ, стремясь къ стѣсненію православныхъ, успѣли запретить возобновленіе старыхъ и постройку новыхъ церквей; бернардины предприняли обращеніе русиновъ; епископъ Войцѣхъ Таборъ при дворѣ и въ Сенатѣ покровительствовалъ этому предпріятію, и ксендзы разсыпались по всей литовской Руси проповѣдывать единство церкви, намѣстничество Спасителя на землѣ въ лицѣ папы, и оказали много насилій какъ въ отмѣнѣ церковныхъ обрядовъ, такъ и въ нетерпимости противъ не признававшихъ единства церкви ([269])». Около 1480 г. Королевичъ Казиміръ (признанный римскою церковію святымъ) выпросилъ у отца своего короля Казиміра Ягайловича запрещеніе строить православныя Церкви и починять ветхія ([270]). Король Казиміръ около 1492 г., т. е. въ послѣднее время своего царствованія, повелѣлъ по всѣмъ православнымъ церквамъ огласить соединеніе восточной Церкви съ за-

---

([268]) Тамъ же стр. 202.

([269]) Тамъ же Т. VIII. стр. 469.

([270]) Defensa Episcopatus Kijov. *Ortowskj.* p. 341. Wiara Prawost. *Kulesz.* стр. 182. Wilno. Krasz. T. 1. стр. 162 и 175.

падпою, будтобы совершившееся на Флорентинскомъ соборѣ ([271]). Въ 1495 г. великій князь литовскій Александръ женился на дочери государя московскаго Еленѣ Іоанновнѣ, и, казалось, судьба православной Церкви въ Литвѣ была обезпечена, но вышло противное: и Елена и православные подданные ея терпѣли притѣсненіе ([272]). Александръ, желая вступить въ этотъ бракъ, испрашивалъ разрѣшенія у папы Александра VI-го, и онъ дозволилъ, но обращеніе православной Княгини въ латинство предоставилъ времени и обстоятельствамъ ([273]). Помня это условіе, Александръ старался склонить супругу свою къ римской вѣрѣ, правда, мѣрами кротости, но тѣмъ не менѣе возмущалъ покой добродѣтельной Елены, преданной православію. Къ несчастію, въ 1497 г. умеръ митрополитъ Макарій, возведенный на кіевскую митрополію стараніемъ Елены; въ 1498 г. Александръ сдѣлалъ митрополитомъ смоленскаго архіепископа Іосифа Солтана, «ревностнаго Уніята» ([274]). Дѣла пошли хуже и хуже. Сношеніе Іоанна съ Александромъ о предметахъ вѣры лучше всего обнаруживаютъ положеніе оныхъ. Въ 1500 г. Іоаннъ говорилъ посламъ Александра, что онъ — Александръ «къ дочери нашей посылалъ владыку смоленскаго (Іосифа Солтана), отмѣтника греческаго закона, да бискупа виленскаго (Войцѣха Табора) и черницовъ бернардиновъ, *штобы она приступила къ римскому закону*; также и *ко княземъ къ рускимъ и къ паномъ и къ ви-*

([271]) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VIII. стр. 249.

([272]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г. № 4. отд. II. Елена Іоанновна ст. Н. *Елагина*. стр. 39—84.

([273]) Dz. st. nar. Lit. *Narb*. T. VIII. стр. 314.

([274]) Тамъ же стр. 472.

ленскимъ мѣстичомъ и ко всей Руси греческого закона, посылалъ къ нимъ тогожь владыку смоленского да и бискупа виленского, и говорилъ имъ отъ него, штобы приступили къ римскому закону... А нынѣ *ново силу учинилъ Руси, чого напередъ того при его отцѣ и при его предкахъ не бывало*: колько велѣлъ поставлять Божницъ римского закону въ рускихъ городѣхъ... *да жоны отъ мужовъ и дѣтей отъ отцовъ, животы отнимаючи, силою покрещаютъ въ римскій законъ* ([278])... *А которую княжью дочерь или боярскую греческого закону дочка наша возметъ къ собѣ*, и онъ тоже *силою велитъ окрестити въ латинство* ([276])». Если слухи до Іоанна доходили и преувеличенные, все же въ основаніи ихъ была истина, потому что многіе князья русскіе перешли изъ подъ власти Александра къ Іоанну *за притѣсненіе вѣры*, и при томъ папа сильно настаивалъ, чтобы Елена признала надъ собою церковную власть его. Въ 1503 г. посолъ Мышковскій сказалъ, что Александръ ни бискупа, ни бернардиновъ къ Еленѣ не посылалъ, но раскрылъ политику папы: «и въ тотъ часъ, коли еще государь нашъ великимъ княземъ былъ, отецъ святый *папежъ много кратъ его милость обсылывалъ, напоминаючи, штобы жону свою, государыню нашу ку послушенству церкви римское привелъ: государь нашъ о то трудъ и працу великую поднялъ, своихъ пословъ шлючи къ отцу святому папѣ въ Римъ*, тое дѣло тамъ такъ справуючи, какъ бы и въ томъ тобѣ брату и тьстю своему виненъ не былъ. Тыми пакъ часы, какъ вжо государь нашъ королемъ ос-

([278]) Сборн. *Мухан.* стр. 104.

([276]) Тамъ же стр. 116.

талъ, папомъ корупованымъ, *прислалъ* до его милости *отецъ святой папа*, припоминаючи государя нашого, *абы его милость*, *яко государь христьанскій*, будучи самъ сынъ послушенства церкви римское, *потомужь бы и подружье свое къ послушенству* святое *привелъ и ее милость коруновалъ*, абы государыня наша такожъ была корунованою государынею, какъ и иные королевые всего христьанства, сестры еѣ милости. А вѣдь жо отецъ святый папа далъ государю нашому о томъ гораздо разумѣти, што жь королевой еѣ милости креститися не надобѣ, и законъ и обычаи свои греческого закону держати еѣ милости по старому, къ церквамъ своимъ греческимъ ходити, и на своимъ дворѣ священники обычаю греческого мѣти: только абы еѣ милость отцу папѣ послушенство вчинила. И не токмо еѣ милости, и всимъ греческого закону, хто бы хотѣлъ послушенство вчинити, тогды крещенія не надобѣ, а законъ свой греческій имаютъ держати по уставу своее греческое Церкви (277)». Александръ, уважая супругу свою, и боясь тестя, дѣйствовалъ весьма осторожно; но какой это «*трудъ и працу великую*» Александръ подялъ, если супруги не склонялъ къ латинству? Кажется, онъ старался о смягченіи условій: дозволеніе папы не перекрещивать Елену, о которомъ говоритъ Мышковскій, дано, кажется, по ходатайству Александра. Послы Александровы проговорились: «отецъ святый папа прислалъ до Короля, абы привелъ жону свою ку послушенству римского костёла, и *часто крать* его милость отецъ святый папежъ *мѣлъ раду*

(277) Акт. относ. къ ист. Запад. Рос., издан. Археогр. Ком. т. 1. стр. 293 и 294.

со всѣми кардиналы, какъ бы королевая ее милость могла быти *захована въ греческомъ законѣ?* А въ той великой порадѣ и размовѣ отецъ светый папежъ нашолъ и сказалъ съ кардиналы: ижь *не есть потреба* не только самою королевоу ее милости, але и всея Руси *съ нову крестить, только мѣли учинить стольцу апостольскому послушенство*, подле Флорпнского сбору, а *жити въ обычаю грецкомъ*, а попы грецкія мѣти подъ послушенствомъ». ([278]) Еслибъ не проспалъ Александръ, то по какому бы поводу папа *нѣсколько разъ* собиралъ конклавъ для совѣщаній?

Въ то же время ревностный распространитель латинства виленскій епископъ Войцѣхъ Таборъ, не довольствуясь обыкновенными мѣрами, выпросилъ 1 Іюля 1501 г. у Папы Александра VI буллу, которою предоставлено ему, преемникамъ его и всему римскому духовенству *право казнить смертію еретиковъ* ([279]). Подъ этимъ именемъ незаслуженно разумѣлись православные. При такихъ правплахъ Таборъ не могъ не дѣйствовать на Александра. По крайней мѣрѣ, папа Александръ VI-й такъ сильно настаивалъ, что въ 1505 г. къ преемнику его Юлію король Александръ обратился съ униженною просьбою о разрѣшеніи совѣсти его; изъ просьбы можно догадываться, что прежній папа даже заставлялъ Александра бросить Елену. Къ счастію, Юлій былъ человѣкъ благоразумный и умѣренный. Вотъ слова его буллы въ переводѣ:

«По причинѣ сосѣдства, ты вступилъ въ родство съ княземъ московскимъ, но предварительно послы

([278]) Сборн *Мухан.* стр. 109.

([279]) Cod. dipl. regn. Pol. *Dogel.* Ms. VI p. 1102, 1104.

твои отъ твоего имени дали ему клятву, что если помянутая Елена, супруга твоя, сама добровольно не захочетъ принять латинства, ее къ тому ни въ какомъ случаѣ принуждать не будешь. Не смотря на то, предмѣстникъ нашъ, папа Александръ VI-й, *обременилъ совѣсть твою, объявивъ, что ты всѣми мѣрами долженъ испытывать, стараться и побуждать, чтобы помянутая Елена*, оставивъ секту (!!!) русскую, узнала и *приняла вѣру римско-католическую.* Ты же принялъ во вниманіе, что *если Елену супругу свою оставишь или насильно принудишь принять латинство*, то помянутый князь московскій, обидясь, легко можетъ опять поднять войну, и нанести тяжкое зло тебѣ и твоимъ землямъ и государствамъ. Поэтому ты чрезъ пословъ своихъ *униженно просилъ*, чтобы мы, по милосердію апостольскому, удостоили дать тебѣ дозволеніе, супругѣ твоей оставаться въ вѣрѣ своей, пока или князь московскій, уже дряхлый, умретъ, или, по волѣ Всевышняго, представится другой удобный случай иначе воспользоваться въ настоящемъ дѣлѣ. И мы, сообразивъ, что по ученію апостольскому если *невѣрный имѣетъ жену вѣрную* (280) и она жить съ нимъ пожелаетъ, то отпускать ее не долженъ, и полагая, что лучше, смеживъ глаза наши, терпѣть, чтобы Елена оставалась въ своей вѣрѣ, нежели принужденіемъ ея возбудить какой нибудь новый и тяжкій соблазнъ, — твоей королевской свѣтлости разрѣшаемъ и дозволяемъ съ супругою своею Еленою жить и ее не оставлять (281)».

---

(280) Соображеніе о *вѣрной женѣ* и *невѣрномъ мужѣ* очень кстати пришлось къ Еленѣ и Александру.

(281) Apud *Dogel.* lib. citat. pag. 271, 272. Къ сожалѣнію не имѣя подъ руками Догеля, авторъ долженъ былъ удовольствовать-

Писатель ученый, безпристрастный и самъ римско-католикъ можетъ быть лучшимъ свидѣтелемъ, что мы не дѣлаемъ ни малѣйшей натяжки, соединяя уцѣлѣвшіе памятники сказаній въ одну темную картину притѣсненія православныхъ. Вотъ что говоритъ онъ: «По справедливости, подъ конецъ XV вѣка начали обнаруживаться припадки нетерпимости въ отношеніи къ неуніатамъ, хотя ихъ покровительствовала Елена, супруга Александра. Бернардины для обращенія разсѣялись по всей литовской Руси, а Іосифъ Солтанъ, изъ смоленскаго архіепископа возведенный на кіевскую митрополію, тревожилъ греческую Церковь, потому что былъ ревностнымъ уніятомъ, и еще въ 1476 г. отъ имени русско-литовскаго духовенства совершилъ посольство къ папѣ Сиксту IV-му ([282])». Это доказываетъ, что отзывы Іоанна справедливы.

Въ 1522 г. на гродненскомъ сеймѣ совершилось событіе съ одной стороны отрадное, а съ другой горестное для православныхъ. По смерти троцкаго воеводы Петра Кишки въ литовскомъ Сенатѣ было вакантнымъ сенаторское кресло. Сигизмундъ 1-й, признательный къ воинскимъ заслугамъ доблестнаго гетмана князя Константина Ивановича Острожскаго, назначилъ его сенаторомъ. Противъ ожиданія, поляки открыли сильнѣйшую оппозицію, не потому, говоритъ литовскій историкъ, чтобы богатыря и вождя своего считали недостойнымъ сенаторства, а подъ предло-

---

ся настоящею выпискою; въ подлинникѣ же есть еще какая-то оговорка, ибо разрѣшеніе дается: hactenus, *donec*...; выписка эта заимствована изъ 115 примѣч. къ актамъ, относ. къ ист. запад. Рос. т. I.

([282]) Obr. Litw. *Iarez.* т. II. стр. 34.

гомъ, будто бы этимъ нарушились права народа, по которымъ только римскіе католики и православные, признавшіе единеніе съ римскою церковію, могли сидѣть на сенаторскихъ креслахъ, и въ доказательство представили постановленіе Ягайлово,—разумѣется городельскій актъ, который будто всѣ преемники его сохраняли непарушимымъ. На основаніи этого постановленія доказывали, что не подчинившіеся папѣ не могутъ получать сенаторскихъ мѣстъ. Жаль, что при этомъ забыли привиллегію, данную сыномъ Ягайлы Владиславомъ III-мъ въ 1434 году. Разумѣется, король напомнилъ объ ней, но оппозиція, одушевленная фанатизмомъ нетерпимости, была столь сильна, что Сигизмундъ вынужденъ былъ объявить, что князя Острожскаго возводитъ въ сенаторское званіе не въ примѣръ другимъ, за высокія и необыкновенныя заслуги, но вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно обязался «*впредь не нарушать правъ подобнымъ образомъ* (тогда какъ никакого нарушенія и не было), и больше никто, не состоящій въ послушаніи римской церкви, сенаторскаго званія не получитъ, *хотя бы былъ послѣднею подпорою отечества*, каковъ теперь князь Константинъ Острожскій». Едва можно вѣрить, что все это дѣйствительно было. Когда оппозиція умолкла, благородный князь, посѣдѣвшій въ битвахъ, и страдавшій въ цѣпяхъ послѣ ведрошской битвы, предложеннаго ему кресла не принялъ; сказалъ, что довольствуется справедливостію, оказанною его заслугамъ; усильно упрашивалъ короля уволить его отъ званія, котораго не желаетъ, будучи нужнѣе отечеству въ южныхъ провинціяхъ, подверженныхъ нападеніямъ непріятеля; просилъ позволенія служить по прежнему безъ вся-

кихъ наградъ, кромѣ одного собственнаго сознанія, что онъ правый слуга короля и народа. «Этотъ поступокъ, говоритъ историкъ, доставилъ князю Острожскому высочайшую славу въ потомствѣ и уваженіе короля, который, упорно желая имѣть его въ литовскомъ Сенатѣ, заставилъ принять виленскую Кастелянію,—достоинство военно-сенаторское, соединенное съ гетманствомъ ([283]). Обязательство свое не возводить православныхъ, *хотя бы и единственную опору отечества*, на высшія мѣста въ государствѣ король подтвердилъ въ 1529 г. на виленскомъ сеймѣ, за себя и за своихъ преемниковъ, а въ 1543 году, въ противность грамоты Владислава III, призналъ, что права, предоставленныя предками его, относятся къ однимъ только уніятамъ ([284]), которые при Владиславѣ и не существовали; напротивъ того, православные, которымъ права тѣ дарованы, лишены ихъ. Вообще, при Сигизмундѣ 1-мъ въ привиллегіяхъ православныя церкви именовались *синагогами*, на равнѣ съ жидовскими молельнями ([285]).

Сигизмундъ Августъ привиллегіями 1563, 1565 и 1568 г. всѣмъ христіанамъ даровалъ равныя права ([286]); его царствованіе по справедливости было лучшимъ для православныхъ, и еслибъ политическія обстоятельства не довели при немъ Литвы до окончательнаго соединенія съ Польшею, то православіе и русскій элементъ опять пропѣли-бы на литовской землѣ. Нельзя пройти

([283]) Dz. st. nar. Lit. *Narb.* T. IX стр. 158—160.

([284]) Miscel. *Kojat.* p. 48. Chronol. *Stebel.* стр. 91. Wilno. — *Krasz.* T. III стр. 50.

([285]) O Lit. i Pol. praw. *Czack.* T. 1 стр. 298.

([286]) Тамъ же. Obr. Litw. *Iarosz.* T. II. стр. 34 и 55.

молчаніемъ, какъ благоразумно этотъ государь думалъ о вѣрѣ. Въ 1569 г. на люблинскомъ сеймѣ (на которомъ послѣдовало окончательное соединеніе), объяснивъ свое сожалѣніе о религіозныхъ распряхъ, и желаніе достигнуть единства Церкви, Августъ сказалъ: «да не подумаютъ, чтобы *я рѣшился принуждать къ вѣрѣ кого либо жестокостію или мѣрами строгости*, и отягощать чью либо совѣсть; не таково мое желаніе, ибо не мое дѣло *созидать вѣры*—это совершается *дѣйствіемъ Св. Духа* (287)».

По смерти Сигизмунда Августа и краткаго царствованія Генриха Валуа, на престолъ вступилъ Стефанъ Баторій — государь великій, но, къ несчастію, имѣвшій нужду въ благосклонности Рима, дабы удержаться на престолѣ, ослабивъ партію австрійскаго дома. По этимъ-то видамъ онъ дозволилъ дѣйствовать самовластно папскому орудію—іезуитамъ. Виленская іезуитская коллегія украсилась именемъ академіи, не смотря на противудѣйствіе диссидентовъ, литовскихъ вельможъ, а особенно виленскаго канцлера Николая Радзивила Рудаго, которые желали обуздать іезуитовъ (288). Напрасно Радзивилъ и литовскій подканцлеръ Евстафій Волловичь отказывались приложить печати къ привилегіи іезуитамъ; сила воли Баторія все превозмогла (289),— и іезуиты скоро развили планъ своей политики; на основаніи буллы папы Григорія XIII, въ 1575 г. поручившаго іезуитамъ цензуру книгъ и такъ называемую

---

(287) Тамъ-же Т. III. стр. 168.

(288) Тамъ же стр. 90.

(289) Comm. brev. rer. in. Pol. gest. *Solikowski*—подъ 1578 годомъ.

перечистку библіотекъ, они въ 1581 году въ Вильнѣ *разграбили библіотеки* диссидентовъ, разумѣется, большею частію православныхъ, и на виленскихъ улицахъ *сожигали цѣлые костры книгъ* (290); въ 1603 и 1617 г. іезуиты составили цѣлые каталоги книгъ, ими запрещаемыхъ: все, что не согласно съ духомъ ихъ ордена, было написано не римскимъ католикомъ, или даже напечатано въ типографіи, откуда вышла книга, по мнѣнію ихъ, еретическая. — все осуждалось на сожженіе; и, для большаго посрамленія, *автодафе совершалось руками палачей* (291); этой участи подверглась даже хроника Бѣльскаго (292). Вмѣстѣ съ книгами іезуиты уничтожали и типографіи, или обращали ихъ въ свою собственность (293). Такими благородными подвигами особенно отличились епископъ Протасевичъ, кардиналъ Юрій Радзивилъ, и братъ его Николай Христофоръ, извѣстный подъ именемъ Спротки. Послѣдній употребилъ значительныя суммы на покупку изданной отцемъ его библіи, и всѣ экземпляры предалъ пламени (294). Распоряжаясь такимъ образомъ къ притѣсненію православныхъ подъ разными предлогами, паписты начали уже безъ всякихъ предлоговъ отнимать имущества у церквей и монастырей. Изъ актовъ 1585 г. извѣстно, что земли, дарованныя Витовтомъ и вельможами монастырю троцкому, паписты отобрали; королевскій тивунъ жмудской земли Ильговскій передъ судомъ жаловался, что

---

(290) Obr. Litw. *Iar.* T. III. стр. 91.
(291) Тамъ же стр. 107.
(292) Bibliogr. *Lelewel.* T. I. p. 207.
(293) Obr. Litw. *Iar.* T. III. стр. 108.
(294) Тамъ же стр. 109.

въ Трокахъ у монастыря и церквей все стнято «зачым теперь *фала Божя у церквях устала*, и ач теперь *один попъ есть*, и тот *выховання и поживеня* слушного не маетъ и *про велики недостатокъ* свой *мусит проч ити* (295)». Духовенство, лишенное дневнаго пропитанія, терпя притѣсненія, оставляло свои мѣста, въ церквахъ Богослуженіе прекращалось и православные оставались овцами безъ пастырей на добычу хищнымъ волкамъ уніи.

Съ 1587 г., т. е. со времени вступленія на польскій престолъ Сигизмунда III-го, начинается самая горестная эпоха для православныхъ. Въ продолженіи цѣлыхъ 30 лѣтъ—Сигизмундъ дѣйствовалъ по наущенію іезуитовъ, и дѣйствовалъ какъ нельзя хуже (296). «Онъ не имѣлъ христіанской вѣротерпимости. Признавая ересь и расколъ величайшимъ несчастіемъ, а *исповѣдниковъ восточной церкви* и диссидентовъ *гласными непріятелями*, не заботился о томъ, что государство было безъ защиты и распространялось своеволіе шляхты, только бы торжествовало латинство, и во всемъ угодить іезуитамъ (297)». На высшій классъ Сигизмундъ дѣйствовалъ весьма успѣшно: «римское католичество получило значительный успѣхъ отъ политики Сигизмунда III-го, который еретикамъ (!!!) не давалъ никакихъ должностей (298)». Не желая быть ниже своихъ собратій и соперниковъ, многіе сочли необходимостью добиться почестей посредствомъ перемѣны вѣры, такъ, что, при

---

(295) Соф. др. грам. и акт. Вильно. 1843. ч. II. стр. 145.

(296) Chronicon gest. in. Evropa singularium—*Pioseski*. p. 358.

(297) Polska do pierw. poł. XVII. wieku. *Maciejovski* IV стр. 102.

(298) Miscell. *Kojal.* p. 70. et 71.

вступленіи на престолъ Сигизмунда, въ литовскомъ сенатѣ были только два паписта, а во время смерти его уже не осталось ни одного диссидента (299). Но «не такъ легка была удача,—говоритъ одинъ писатель,—въ простомъ народѣ, который *съ незапамятныхъ временъ вѣрно и неизмѣнно исповѣдывалъ православіе*. Брестская унія въ 1597 г., поддерживаемая преимущественно іезуитами, должна была соединить обитателей одного края, издревлѣ разнствующихъ въ вѣрѣ; но дѣло доведено только до половины, не принесло и не могло принесть желаемаго плода. По наущеніямъ іезуитовъ всюду навязываемая унія, и безразсудное насиліе совѣсти, болѣе и болѣе раздражали угнѣтаемыхъ, а когда, сверхъ того, подъ предлогомъ обращенія, стали обижать русскій народъ несправедливостями разнаго рода, и даже жидамъ, державшимъ въ южныхъ провинціяхъ аренды, дозволили угнѣтать крестьянъ,—мѣра терпѣнія переполнилась... Потекла братняя кровь въ междоусобныхъ битвахъ. Русь, нашедши предводителей въ массѣ народа, возстала; и времена Владислава IV-го и Іоанна Казиміра, памятныя столькими несчастіями, оставили ничѣмъ неизгладимыя свидѣтельства ошибочной политики слабаго Сигизмунда III-го и безумной ревности іезуитовъ (300)».

Фанатизмъ достигъ такой степени, что даже въ *Pacta*'хъ *conventa*'хъ (условія, при которыхъ короли возводились на престолъ) о диссидентахъ постановлено: «никогда въ чины и достоинства, ни въ трибуналы, ниже въ избы земскихъ пословъ они допущены быть не

---

(299) Alloqu. *Cichocki* l. II. c. 22. Miscel. *Kojal.* p. 71.

(300) Obr. Litw. *Iarosz.* T. III, стр. 77 и 78.

имѣютъ ([301])». Диссиденты, составлявшіе большую часть православныхъ, считались какъ-бы стертыми съ лица земли: имъ запрещено не только давать должности, но даже быть представителями своихъ собратій при избраніи королей.

IV.

УНІЯ И ЕЯ ПОСЛѢДСТВІЯ.

Въ 1595 г. кіевскій митрополитъ Михаилъ Рагоза, полоцкій архіепископъ Германъ, владимірскій епископъ прототроній Ипатій Поцѣй, луцкій епископъ экзархъ Кириллъ Терлецкій, пинскій епископъ Леонтій Пельчицкій и хелмскій епископъ Діонисій Збируйскій согласились предаться папѣ, потому что константинопольскій патріархъ Іеремія показалъ примѣръ справедливой строгости на предмѣстникѣ Рагозы, митрополитѣ Онисифорѣ Дѣвочкѣ, и низложилъ его съ митрополіи. Поцѣй и Терлецкій отправились въ Римъ, повергліись къ ногамъ папы, и признали унію или соединеніе восточной Церкви съ западною; а дабы новость эта не возмутила народа, оставили всѣ обряды православной Церкви неприкосновенными, включили условіе, что въ символѣ вѣры до 1720 г. не будутъ читать о происхожденіи Св. Духа *и отъ Сына*, и выпросили у папы письмо къ польскому королю Сигизмунду о дозволеніи уніятскимъ епископамъ засѣдать въ польскомъ сенатѣ наравнѣ съ епископами римско-католическими ([302]).

Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ обнародовалъ протестъ, что отступленіе произведено клятвопреступниками безъ вѣдома и согласія народа и духов-

([301]) О избран. кор. въ Польшѣ. *Шлёцеръ*. С.п.б 1764. стр. 89.

([302]) Исторія объ уніи стр. 39—48.

ныхъ властей; кіевскій воевода князь Константинъ Острожскій и благочестивые вельможи также отвергли унію; въ народѣ произошло негодованіе и ропотъ (303). Митрополитъ, не зная, какъ заглушить всеобщее волненіе, въ 1596 г. назначилъ въ Брестѣ литовскомъ соборъ для примиренія уніятовъ съ православными; но не посмѣлъ явиться на соборъ; когда началось засѣданіе, православные подали протестъ, въ которомъ, обнаруживъ темныя дѣйствія уніятовъ, требовали, чтобы всѣ духовные, отступившіе отъ константинопольскаго патріарха лишены были своего сана. Уніяты, видя, что всѣ происки ихъ разрушаются, рѣшились открыться уже во всемъ, и вмѣсто условленнаго съ папою 1720 г., тамъ же на соборѣ 9 Октября 1596 г. въ церкви всенародно провозгласили унію. Вотъ какъ совершилась унія! Отъ дѣйствія, совершеннаго по недостойнымъ побужденіямъ, съ своекорыстными цѣлями, можно ли ожидать святыхъ послѣдствій?

Не забудемъ, что въ это время на польскомъ престолѣ былъ Сигизмундъ III-й, слуга іезуитовъ. Православные отправили къ королю прозьбу, чтобы онъ, на основаніи законовъ, привиллегій и конституцій «повелѣлъ всѣхъ, принявшихъ унію епископовъ, удалить изъ епархій, а на ихъ мѣста избраннымъ благочестивымъ кандидатамъ учинить нареченіе. Просьба сія была тщетна. Король не только на сіе не согласился, но и всѣ мѣры употребилъ еще къ защищенію уніятовъ, давъ притомъ строгое повелѣніе никого изъ пріѣзжающихъ отъ константинопольскаго патріарха не впускать въ предѣлы его государства, и *не допускать*

(303) Тамъ же стр. 50 51.

строить благочестивымъ церкви, а паче въ Вильнѣ. Съ сего времени уніяты всегда возрастали, а благочестивые со дня на день умалялись. *Уніяты насильно присвоили себѣ знатнѣйшіе монастыри и приходскія церкви, прочіе же храмы, особливо по городамъ, иные разорями, другіе запечатывали*, священниковъ ловили и мучили, и народъ, собиравшійся на молитву въ построенныхъ за городомъ шалашахъ, всегда разгоняли ([304]). Оставленные безъ всякія помощи въ гоненіяхъ и бѣдствіи, благочестивые въ Польшѣ и Литвѣ жители, многократно прибѣгая къ правосудію польскихъ королей на сеймы и трибуналы, просили себѣ отъ озлобителей уніятовъ и римско-католиковъ защиты въ свободномъ вѣры своея отправленіи, и возвращенія отнятыхъ ими православныхъ монастырей и церквей. Рѣдкій проходилъ сеймъ, на которомъ бы они не были обнадежены удовлетвореніемъ въ ихъ требованіяхъ; но исполненія по оныхъ никогда не было; ибо прошенія всегда отлагаемы были отъ сейма до сейма» ([305]).

Выведенные изъ терпѣнія, православные въ Вильнѣ 30 Мая 1599 г. составили, вмѣстѣ съ лицами лютеранскаго исповѣданія, актъ, коимъ обязались помогать другъ другу противъ притѣснителей, — и послѣ того не разъ лилась кровь при храмахъ и среди самыхъ храмовъ ([306]).

Въ 1600 г. Сигизмундъ III-й, по наущенію Ипатія Поцѣя, уже достигшаго митрополіи, издалъ законъ— не давать духовныхъ властей не обучавшимся въ шко-

([304]) Тамъ же стр. 57 и 58.

([305]) Тамъ же, стр. 59.

([306]) O Lit. u Pol. pr. Czack. Т. I. стр. 299 въ примѣч.

лахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ *православныхъ не принимать въ училища* (307); слѣдовательно православные въ Литвѣ, чтобы достигнуть духовной власти, должны были оставить отечество для своего воспитанія, или на открывающіяся мѣста брать пришлецовъ. Въ 1608 г. Поцѣй, изъ числа *девятнадцати православныхъ церквей въ Вильнѣ, отобралъ для уніятовъ двынадцать*, а православнымъ оставилъ только семь: Святодуховскую, Пятницкую, Іоанна Крестителя, Воскресенскую, Благовѣщенскую, Никольскую и Юрьевскую (308). Сверхъ того въ православіи остался виленскій Троицкій монастырь, котораго архимандритомъ былъ твердый въ вѣрѣ Самуилъ Сенчыло; но въ 1609 г. Самуилъ съ архимандріи низложенъ, и Сигизмундъ на мѣсто его поставилъ архимандритомъ іеромонаха тогоже монастыря Іосифа (Веніамина) Рутскаго, принявшаго унію вмѣстѣ съ другими иноками. Дворянинъ Буйвидъ, пріѣхавъ въ монастырь, передалъ его Рутскому *«з рамени его королевской милости»*; узнавъ объ этомъ, православные тотчасъ явились въ монастырь съ королевскою привиллегіею, по коей монастырь безъ ихъ вѣдома никому не могъ быть переданъ (городъ Вильно управлялся своимъ судомъ по праву Магдебургскому), и передать его Рутскому не позволяли; но Буйвидъ отвѣчалъ, что читать привиллегію не его дѣло, монастырь онъ Рутскому уже передалъ (309).

(307) Wilno. Krasz. T. III стр. 59.

(308) Тамъ же стр. 61.

(309) Собр. др. гр. и акт. Вильно 1843 г. ч. II стр. 74 — 76. Здѣсь Буйвидъ неправильно называется Буйвиломъ: такой фамиліи въ Литвѣ не было, а существовала и существуетъ фамилія *Буйвидъ*. Должно полагать, что переписчикъ не умѣлъ правильно прочитать старинное письмо.

Такой перевѣсъ уніятовъ увлекъ многихъ православныхъ на ихъ сторону. Одинъ изъ радцовъ (гласныхъ) Вильна, явившійся стоять за Сенчылу и не дозволять передачи Троицкаго монастыря Рутскому, Иванъ Тупека, чрезъ нѣсколько дней, вторгнувшись въ Пятницкую церковь, казну, священные сосуды и одежды забралъ, а послѣ напалъ на домъ священника Львова, въ его отсутствіе; жену и слугъ выгналъ, и домъ своимъ замкомъ заперъ. Львовъ приносилъ жалобу духовному Трибуналу, состоявшему изъ духовныхъ и свѣтскихъ депутатовъ; но Тупека объявилъ, что дѣло это подлежитъ свѣтскому суду, и хотя предложены были статьи статута, постановляющія противное, но свѣтскіе депутаты жалобу Львова не позволили внести въ трибунальныя книги ([340]), и Пятницкая церковь осталась во власти уніятовъ. Въ 1633 г. хотѣли возвратить ее православнымъ, но не возвратили.

Въ 1620 г. на варшавскомъ сеймѣ депутатъ и чашникъ земли волынской Лаврентій Древинскій, въ присутствіи сената, изображая королю печальную картину преслѣдованія православныхъ, между прочимъ сказалъ: «Кто жъ, о Боже живый! явственно сего не видитъ, сколь великія притѣсненія и несносныя огорченія сей древній россійскій (разумѣется, православный) народъ въ разсужденіи благочестія своего претерпѣваетъ? Начну отъ Кракова. Какое распространеніе славы Божіей помощію сея новоизобрѣтенныя уніи является? Уже въ большихъ городахъ *церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ, скотъ запираютъ. Прейдемъ въ княжество литовское.*

([340]) Тамъ же стр. 50—56.

Тамъ въ пограничныхъ московскому государству городахъ тоже самое дѣлается. Въ Могилевѣ и Оршѣ церкви также запечатаны, священники разогнаны; въ Пинскѣ тоже учинено; *монастырь Лещинскаго въ питейный домъ превращенъ;* въ слѣдствіе сего *дѣти безъ крещенія отъ сего свѣта отходятъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ вывозятся;* народъ безъ благословенія браковъ въ непотребствѣ живетъ; безъ исповѣди, *безъ пріобщенія Св. Таинъ умираетъ.* Неужели сіе не *самому Богу обида?* Неужели за то отмщевать не будетъ Богъ?... *Въ Вильнѣ-же* не вопіющее ли притѣсненіе? Слыханное ли до сего? *Тѣло мертвое благочестиваго,* когда хотятъ за городъ проводить, то тѣ самыя ворота, коими всѣ ходятъ и ѣздятъ, даже жиды и татаре, запираютъ такъ, что принужденными находятъ себя православные *въ тѣ ворота, коими одну только нечистоту городскую вывозятъ, мертвеца своего выносить.* Даже въ полученіи воды бѣдные крайне нуждаются; *монаховъ, непреклонныхъ къ уніи, ловятъ, бьютъ, или на вольной дорогѣ ихъ имая, въ узилища заключаютъ.* Въ чины гражданскіе людей достойныхъ и ученыхъ за то только, что съ уніею не соединены, не производятъ; но простяками и невѣждами, такъ что иной не знаетъ, что есть правосудіе и справедливость, въ поношеніе сторонѣ россійской, праздныя мѣста наполняютъ. Суммы денежныя отъ невинныхъ благочестивыхъ безъ всякой основательной причины исторгаютъ ([511]).

Въ томъ же 1620 году патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ, возвращаясь изъ Москвы, и имѣя дозволеніе

([511]) Истор. объ уніи стр. 70 и 71.

отъ патріарха константинопольскаго посѣтить паству его, посвятилъ въ Кіевѣ безъ дозволенія королевскаго во всѣ епархіи, уніятами запятыя, православныхъ іерарховъ: Іова Борецкаго на митрополію кіевскую, Іезекіиля Курчевича на епископію владимірскую, Исакія Черчицкаго на архіепископію полоцкую, Исаія Копинскаго на перемышльскую, Паисія Иполитовича на хельмскую и неизвѣстнаго по имени на епархію пинскую. Король тотчасъ велѣлъ новопоставленныхъ архіереевъ переловить и предать смерти; почему они и принуждены были укрываться; а новопоставленные на мѣсто ихъ уніятскіе архіереи поступали такъ жестоко, что даже сами римскіе католики за это выражали свое неудовольствіе. Іосафатъ Купцевичъ, полоцкій архіепископъ, не только самъ больше всѣхъ угнеталъ православныхъ, но и возбуждалъ къ тому всячески польскихъ вельможъ. Отвѣтъ ему Льва Сапѣги, канцлера литовскаго, лучше всего показываетъ и духъ уніи и несчастное положеніе православныхъ:

«*Преосвященнѣйшій Владыко, Архипастырь Полоцкій!* Не охотно бы вступилъ я съ Вашимъ Преосвященствомъ въ переписку и споры; но видя сколь упорно вы во мнѣніи своемъ пребываете, что никакія возраженія васъ отъ онаго отвлечь не могутъ, принужденнымъ себя противъ воли теперь нахожу отвѣчать на неосновательное ваше письмо».

«Безспорно, что я самъ объ уніи прилагалъ попеченіе, и оставить оное было бы неблагоразумно: но мнѣ никогда и въ мысль того не приходило, чтобы Ваше Преосвященство рѣшились приводить людей къ оной столь насильственными средствами. Всевышній приглашаетъ къ себѣ всѣхъ кротко: *пріидите ко мнѣ*

всѣ, и проч., но пасиліемъ рабовъ влекомыхъ не требуетъ и не пріемлетъ. Вы же симъ неосмотрительнымъ усиліемъ подвигли, и, такъ сказать, принудили народъ русскій ожесточится, и отвергнуть учиненную Его Королевскому Величеству присягу ([312]). Трудно вамъ въ томъ запереться, когда уличаютъ васъ въ семъ взнесенныя отъ нихъ письменно чиноначальникомъ польскимъ и великаго княжества литовскаго жалобы. Развѣ не извѣстны вамъ ропоты неразсудительнаго народа и ихъ глашеніе, что они лучше желаютъ быть въ турецкомъ подданствѣ, нежели терпѣть толикое вѣры и благочестія ихъ притѣсненіе?»

«Вы пишите, что и *политика къ нимъ имѣетъ уваженіе*; а я прибавляю, что не токмо политика, но и государство: ибо отъ ихъ повиновенія больше государству пользы, нежели отъ вашей уніи. Почему и долженствуете вы власть свою и долгъ вашъ пастырскій соображать съ волею короля и съ намѣреніями государственными, вѣдая, что власть ваша ограничена, и что покушеніе ваше на то, что противно спокойствію и пользѣ общества, можетъ по справедливости почесться оскорбленіемъ Величества. Еслибы вы дерзнули на подобное сему въ Римѣ или Венеціи, непремѣнно бы васъ тамъ научили, коликое можно имѣть уваженіе къ положенію или намѣренію государства политическому».

«Пишите *о обращеніи къ вѣрѣ отщетившихся*, и пр. Надобно пещись о ихъ обращеніи и стараться о томъ, чтобъ было *едино стадо, и единъ пастырь*; но при томъ непремѣнно должно поступать по благоразу-

([312]) Королевичу Владиславу.

мію и сообразоваться обстоятельствамъ времени, какъ въ такомъ дѣлѣ, которое зависитъ отъ собственнаго благопроизволенія, а кольми паче въ нашемъ отечествѣ, гдѣ никакъ не служитъ оное евангельское изрѣченіе: *понуди внити*. Надлежитъ, чтобы сія наша ревность и желаніе общественнаго соединенія основывались на правилахъ любви, по слову св. Павла; но видно, что вы уклонились отъ наставленій сего Апостола, а потому и не удивительно, что состоявшіе подъ властію вашею вышли изъ должнаго вамъ послушанія».

«*Я обязанъ*, говорите, *слѣдовать епископамъ* и пр. Послѣдовать святымъ епископамъ въ терпѣніи, въ прославленіи Бога, послѣдовать, напримѣръ, Златоустому и прочимъ великимъ пастырямъ, есть дѣло похвальное: но послѣдовать имъ должно также и въ благочестіи, въ наставленіи, въ долготерпѣніи и въ показаніи добрыхъ примѣровъ. Прочтите житія всѣхъ благочестивыхъ епископовъ, прочтите всѣ Златоустаго книги, не сыщите въ оныхъ ни жалобъ, ни объявленій, ниже упоминовенія исковъ, затѣй или судебныхъ свидѣтельствъ, или призывовъ въ суда антіохійскіе, или же цареградскіе, о гоненіяхъ, о собственномъ его низверженіи, о лишеніи жизни благочестивыхъ священниковъ; а найдете токмо то, что споспѣшествуетъ прославленію Божію, назиданію душъ человѣческихъ, и умилостивленію разгнѣванныя Евдокіи къ служителямъ Церкви».

«Теперь обратимся къ дѣяніямъ Вашего Преосвященства; у васъ полны земскіе суды, полны магистраты, полны трибуналы, полны ратуши, полны владѣльческія канцеляріи позвовъ, тяжебъ, доносовъ;

чѣмъ не токмо уніи утвердить не можно, но паче и послѣдній въ обществѣ союзъ любви расторгнется, и наполнятся сеймы и всѣ правительства раздорами и заботами».

«Продолжаете: что *вольно вамъ уніятовъ топить, рубить имъ головы* и проч. Нѣтъ! такъ съ ними поступать не должно, для того, что заповѣдь Господня строгое всѣмъ мстителямъ сдѣлала запрещеніе, которое и до васъ касается: *мнѣ отмщеніе, азъ воздамъ.*—Колико Апостоловъ, колико учениковъ Господнихъ, колико христіанъ, запечатлѣвшихъ жизнію своею ученіе распятаго Господа, и претерпѣвшихъ за оное наижесточайшія мученія? Однако ни на Нероновъ, ни на Тиверіевъ, ни на Діоклитіановъ нѣтъ въ святыхъ писаніяхъ ни одной отъ нихъ жалобы или судебныхъ протестацій (объявленій): но паче *идяху радующеся отъ лица собора, яко за имя Господа Іисуса сподобишася безчестіе пріяти*».

«Еще пишите: *на сеймѣ не только предосудительные голоса подаютъ объ уніи, но и на все благочестивое римское духовенство* и проч. Кто же тому причиною? Одна унія виновница всѣхъ сихъ несчастій. Когда насильствуете совѣсти людскія; когда запираете церкви, дабы люди безъ благочестія, безъ христіанскихъ обрядовъ, безъ священныхъ требъ пропадали, какъ невѣрные; когда своевольно злоупотребляете милости и преимущества королевскія: то дѣло обходится и безъ насъ; а когда по поводу сихъ безпутствъ произойдетъ въ народѣ неустройство, которое усмирять должно, тогда хотите нами диры затыкать. Почему противная сторона и считаетъ, что мы съ вами сдѣлали заговоръ къ притѣсненію народныя совѣсти и къ нарушенію общаго

покоя, чего никогда не бывало. Довольно и того, Ваше Преосвященство, что вы съ нами въ уніи, которую бы вы и берегли для себя; и въ званіи, въ неже званы бысте, пребывали бы спокойно, и не подвергали бы насъ общенародной ненависти, себя же самихъ опасности и толикому предъ всѣмъ народомъ предосужденію».

«*Такимъ*—продолжаете—*непріемлющимъ уніи, сдѣлать бы во всемъ запрещеніе и изгнать бы изъ государства* и проч. Да не содѣется сіе въ отечествѣ нашемъ, яко величайшее беззаконіе! Давно въ сихъ областяхъ водворилась святая римско-католическая вѣра; и покуда она не имѣла подражательницы благочестія и повиновенія своего святому отцу, до тѣхъ поръ славилась миролюбіемъ своимъ и могуществомъ, какъ внутрь, такъ и внѣ государства: теперь, принявъ въ сообщество свое нѣкоторую безпокойную подругу, терпитъ, по ея причинѣ, на каждомъ сеймѣ, въ каждомъ народномъ собраніи, на каждомъ уѣздномъ засѣданіи многочисленные раздоры и поношенія. Лучше и полезнѣе кажется было бы для общества сдѣлать разрывъ съ сею неугомонною союзницею; ибо мы никогда такихъ въ отечествѣ нашемъ не имѣли раздоровъ, каковы родила намъ сія благовидная унія».

«*Отдавать*, пишите, *церкви на поруганіе* и проч. Но печатать и запирать церкви и ругаться надъ кѣмъ либо есть толико же пагубное разрушеніе братскаго единомыслія и взаимнаго согласія.... Но покажите, Ваше Преосвященство, кого вы пріобрѣли? кого уловили такою вашею суровостію, толикою строгостію, печатаніемъ и запираніемъ церквей? И вмѣсто того откроется, что вы потеряли и тѣхъ, которые въ По-

лоцкѣ у васъ въ послушаніи были. Изъ овецъ сотворили вы ихъ козлищами, навлекли опасность государству, а можетъ быть, и гибель всѣмъ намъ католикамъ. Вмѣсто радости причинила намъ ваша столь льстящая унія скорьби, безпокойства и неустройства, и толико огорчительна, что лучше бы мы желали быть безъ нея; ибо ея причиною терпимъ мы всегдашнія безпокойства, огорченія и досады. Вотъ плоды вашея хваленыя уніи! Изрядная, поистинѣ, она виновница толикихъ въ людяхъ и въ отечествѣ раздоровъ и нестроеній! Ибо (сохрани Богъ) естьли отечество потрясется (къ чему вы своею суровостію столь удобный открываете путь); не знаю, что въ то время съ вашею уніею будетъ».

«А по всему сему Король приказываетъ—церковь ихъ въ Могилевѣ распечатать и отпереть, о чемъ я по его повелѣнію къ Вашему Преосвященству и пишу. И естьли вы по сему моему напомиванію не исполните; то я, по приказанію Его Корол. Величества, велю самъ оную распечатать и имъ отдать, дабы они, по благочестію своему, въ оныхъ церквахъ требы свои исправляли. Жидамъ и татарамъ не возбраняется въ областяхъ королевскихъ имѣть свои синагоги и мечети: а вы христіанскія печатаете церкви!

«*Новгородъ Сѣверскій*, такожъ *Стародубъ*, *Козелецъ* и прочія многія крѣпости унія отъ насъ отторгнула, да и теперь она же есть главная виновница, что народъ *московскій* отъ королевича устраняется, какъ сіе очевидно изъ россійскихъ къ вельможамъ государственнымъ и прочимъ великаго княжества литовскаго чиноначальникамъ присланныхъ писемъ. И для того не

желаемъ болѣе, чтобъ сія, толико для насъ пагубная унія, въ конецъ насъ разорила».

«Сіи суть на письмо ваше объясненія! Желаю впредь остаться спокойнымъ отъ состязанія съ вами; а токмо прошу отъ Всевышняго самопомысльныхъ вамъ благъ, а купно съ оными духа кротости и любви къ ближнему, пребывая съ моимъ почтеніемъ. Въ Варшавѣ. 12 Марта, 1622 года» ([313]).

Хотя письмо это касается не прямо Литвы—Куцевичь свирѣпствовалъ въ Бѣлоруссіи, — но оно обнаруживаетъ духъ уніи, которая вездѣ дѣйствовала одинаковыми средствами, и распространители ея въ Литвѣ хотѣли отличиться не меньше своихъ собратій. Напрасно православные вопіяли на сеймахъ: королю и сенату нѣкогда было ими заниматься *по множеству другихъ дѣлъ*, какъ будто спокойствіе цѣлыхъ областей не должно быть первою заботою власти. На варшавскомъ сеймѣ 1623 г. въ конституціи сказано: «примиреніе людей въ греческой вѣрѣ раздѣленныхъ, *для множества дѣлъ* Рѣчи посполитой, *на предбудущій сеймъ отлагаемъ*» ([314]). Предбудущій сеймъ также не принесъ никакой отрады православнымъ: въ конституціи варшавскаго сейма 1627 г. также постановлено: «понеже на нынѣшнемъ сеймѣ, *для скудости времени*, вѣра греческая не могла получить примиренія, того ради сіе *на другой сеймъ отлагаемъ*» ([315]). Не примиренія требовали православные съ буйными братіями своими—уніятами, а одного только спокойствія. Правда, на всѣхъ

([313]) Росс. Магаз. Туман. 1793 ч. III. стр. 474.

([314]) Konstitue. T. III. стр. 450.

([315]) Тамъ же стр. 547.

этихъ сеймахъ въ конституціяхъ писали: «а между тѣмъ, дабы съ обѣихъ сторонъ жители въ тишинѣ сохранены были, *обнадеживаемъ*» ([316]); но православные страдали и страдали.

Въ 1632 г. умеръ Сигизмундъ III-й. Новому королю, во время самаго избранія была поднесена на сеймѣ книга *синопсисъ*, въ которой о православныхъ между прочимъ сказано: «Въ *Вильнѣ* церкви на кабаки, кухни и на гостиные домы превращены. Люди невинные изъ магистратовъ и цеховъ изгоняемы, и въ подземныя ратушныя тюрьмы безвинно посаждаемы были; а естьли кто, по усердію своему, на церковь благочестивую духовнымъ завѣщаніемъ что нибудь опредѣлялъ, сего принимать запрещаемо было. Церкви каменныя строить на земли шляхецкой, по силѣ привиллегій королевскихъ, не допускаемо было. Указами отъ надворныхъ судовъ, отъ прочихъ же позывами всякое безпокойствіе причиняемо, и прочія несносныя угнѣтенія и обиды разными способами наносимы были. Въ *Ковнѣ* церковь разграблена, и земля церковная отобрана. Монастыри *Троцкій*, *Лаврашевскій*, *Граденскій* (Гродненскій) и прочіе опустошены. Въ *Бѣльску* таковое опредѣленіе состоялось: что естьли бы кто изъ мѣщанъ за крестнымъ ходомъ изъ церкви въ костелъ не пошелъ, таковый смертію казненъ будетъ. Въ *Мятзелѣ* православные въ уніи отъ тамошняго старосты насильно принуждаемы и въ ссылку изъ города, какъ аріане, декретомъ осуждены были; и прочія нестерпимыя обиды, узы, темницы, гоненія и муки въ королевствѣ польскомъ и въ великомъ кня-

([316]) Тамъ же.

жествѣ литовскомъ претерпѣваютъ православные для того единственно, что не дѣлаютъ послушанія уніятамъ по ихъ оклеветанію и доносамъ.—А что все сіе, по причинѣ обширности, на самомъ мѣстѣ не свидѣтельствовано (хотя на всякую изъ сихъ вещей имѣются законныя доказательства); не наша есть вина, но несчастіе временъ, сего не допущающее, есть причиною. А естьли въ семъ будетъ состоять надобность, мы учинить сіе обязуемся; а наипаче что относится до виленскаго братства, всѣ вышесказанныя обиды и насилія совершенно исчислить и перечнемъ изъ книгъ трибунальскихъ, земскихъ, гродскихъ, доказать можемъ; а сіе подлинно сдѣлаютъ и прочіе, какъ польскіе, такъ и литовскіе жители» ([317]).

Генеральная конфедерація для избранія короля, а особенно новоизбранный король Владиславъ IV-й сдѣлали такъ долго обѣщанное примиреніе, и православныхъ дѣйствительно успокоили, раздѣлили православныя и уніятскія епархіи, и нѣкоторыя церкви возвратили ([318]); однакожь другія, какъ то: Пятницкая и св. Іоанна Крестителя въ Вильнѣ, не смотря на повелѣніе короля, удержаны уніятами ([319]); въ нѣкоторыхъ же городахъ, какъ, на примѣръ, въ Новогрудскѣ въ 1635 г. во все запрещено имѣть православныя церкви—по домогательству іезуитовъ ([320]), а въ 1638 г. Троцкій монастырь и Троцкая Воскресенская Церковь от-

---

([317]) Ист. объ уніи стр. 93 и 94.

([318]) Тамъ же стр. 95—110.

([319]) Собр. др. гр. и акт. Вильно. 1843 стр. LXIV. Ч. II стр. 207 и 208.

([320]) Chronol. Stebel. стр. 227.

даны виленскому Троицкому монастырю, оставшемуся въ рукахъ уніятовъ ([321]).

Въ Маѣ 1648 г. Владиславъ скончался. Едва вступилъ на престолъ Іоаннъ Казиміръ, какъ грозное войско запорожское, подъ начальствомъ храбраго Богдана Хмѣльницкаго, ополчилось на защиту православія, и требовало между прочимъ, чтобы «*святыя церкви, отданныя уніятамъ . . . въ Литвѣ и по другимъ мѣстамъ, опять могли оставаться при всѣхъ стародавнихъ правахъ*» ([322]). Побѣды Хмѣльницкаго заставили поляковъ заключить въ 1649 г. 15 Августа мирный договоръ, въ которомъ между прочимъ постановлено православному митрополиту кіевскому (Литва состояла въ его паствѣ) засѣдать въ варшавскомъ сенатѣ, а «*унію въ Польшѣ и во всемъ княжествѣ литовскомъ искоренить*» ([323]). Казалось, все дѣло кончено: православіе одержало побѣду надъ врагами, вѣрные сыны его успокоются послѣ бурныхъ треволненій, а отпадшіе отъ вѣры возвратятся въ нѣдра матери своей Церкви; сдержали ль поляки свое обязательство, увидимъ.

Въ 1650 г. на варшавскомъ сеймѣ, въ присутствіи и митрополита Сильвестра Коссова, и гетманскихъ пословъ, король привиллегіею 12 Генваря подтвердилъ зборовскій договоръ; въ привиллегіи между прочимъ сказано: «объявляемъ сею привиллегіею нашею нынѣ и на всегдашнія времена: понеже соедине-

---

([321]) Собр. др. гр. и акт. Вильно. 1843 г. Ч. II стр. 154.

([322]) Памят. изд. врем. ком. для разоб. др. акт. Кіевъ. 1845 т. 1 стр. 123.

([323]) Ист. объ уніи. стр. III.

піе славныхъ народовъ *польскаго, литовскаго и русскаго* въ сей Рѣчи посполитой, которую угодно было Богу учинить оплотомъ всего Христіанства, есть наибольшее утвержденіе; а потому и предмѣстники наши наяснѣйшіе короли польскіе наблюдали паче всего, дабы симъ славнымъ народамъ являть всегда согласіе и милость неразрывную, и общія силы ихъ противуставить врагу креста Христова; и для того блаженныя памяти король *Владиславъ* IV, братъ нашъ, при избраніи своемъ, усматривая славный народъ *русской* вѣры, по поводу уніи разведенный, старался свято присоединить оный къ себѣ, дабы Рѣчь посполитая по малѣйшаго отъ того не имѣла затрудненія. Равнымъ образомъ и мы, бывъ счастливо вольными голосами избраны на сіе отъ Бога ввѣренное намъ достоинство, паче всего прилагали тщаніе, дабы внутреннее замѣшательство и кровопролитіе (во время междоцарствія попущеніемъ Божіимъ воздвигнутое) прекративши, возстановить Рѣчи посполитой спокойствіе; и Богъ сіе наше намѣреніе благословилъ... По силѣ декларацій нашей подъ *Зборовомъ*... народъ русской весь духовнаго и мірскаго, шляхетскаго и мѣщанскаго чина при древнихъ правахъ и вольностяхъ сохраня, обѣщали мы на нынѣшнемъ сеймѣ, по учиненному съ кіевскимъ митрополитомъ и духовенствомъ условію, *унію истребить*, и весь народъ русской успокоить и въ ихъ религіи греческой учинить удовлетвореніе. Въ слѣдствіе сего таковое королевское обѣщаніе, по силѣ данной отъ насъ и сеймомъ утвержденной подъ Зборовомъ деклараціи, самимъ дѣломъ восполняя..., *позволяемъ всему рускому народу, не въ уніи состоящему, во всемъ королевствѣ польскомъ и вел. кн. литовскомъ, какъ и*

прежде было, свободное отправленіе вѣры, а митрополиту ношеніе въ своей епархіи креста, яко отличный знакъ митрополитской. Отдаемъ всѣ церкви, въ статьяхъ короля Владислава назначенныя, то есть монастырь подъ *Гродномъ* (324), въ *Вильнѣ* церковь Воскресенія Христова, другую св. Іоанна, третію въ предмѣстіи св. Георгія; въ *Трокахъ* Пресвятыя Богородицы и въ *Гроднѣ* Воскресенія Христова; въ *Кобрынѣ* Рождества Богородицы; въ *Новогродку* св. Іоанна; въ *Лидзѣ* св. Спаса. Утверждаемъ еще, дабы имѣнія церковныя грекороссійской вѣры никогда отъ нихъ не были отъемлемы. Также естьли у нихъ зашли какіе споры или неудовольствія какъ въ отправленіи богослуженія, такъ и въ ихъ самихъ свободностяхъ, всѣ оныя уничтожаемъ, и гдѣ бы въ королевствѣ польскомъ и великомъ княжествѣ литовскомъ по прежнимъ ихъ правамъ и привилегіямъ народъ русскій до уряду ни принадлежалъ, оной на равнѣ съ прочими принимаемъ да будетъ, и никакого да не имѣетъ притѣсненія. Прежнія права ихъ сохраняемъ, а противныя учрежденія и произшествія, гдѣ бы оныя ни были, уничтожаемъ» (325).

Всѣ эти обѣщанія были большею частію на словахъ. Скоро гетманъ принужденъ былъ просить защиты царя Алексѣя Михайловича. Въ 1653 г. наши послы—боярин князь Рѣпнинъ-Оболенскій, окольничій Хитрово и дьякъ Алмазъ Ивановъ требовали исполненія зборовскаго договора. Польскіе магнаты имъ отвѣчали: «что, *не нарушивъ присяги, не можетъ король*

(324) Борисоглѣбскій Коложанскій.

(325) Тамъже стр. 112—116.

истребить уніи; да и подъ *Зборовомъ* никогда онъ не обѣщалъ, чтобъ не униты, то есть одна Русь только въ Польшѣ жительствовала, но позволилъ и утвердилъ права обоего духовенства, слѣдуя въ томъ примѣру своихъ предшественниковъ: истребить же унію тоже бы самое значило, какъ истребить въ Россіи стародавную греческаго закона вѣру» ([326]). Таковый отвѣтъ почтенъ за нарушеніе всѣхъ мирныхъ съ Россіею договоровъ, и началась война; россійскому оружію покорено все великое княжество литовское и бѣлорусское. Поляки просили прекратить войну, и для сего въ 1656 г. отправлены полномочные послы. 3 Ноября подъ Вильною учиненъ договоръ о перемиріи; но касательно уничтоженія въ Польшѣ и Литвѣ уніи польскіе послы и слушать не хотѣли. Въ 1658 г. вновь отправлены на съѣздъ подъ Вильну наши послы, которымъ подтверждено домогаться дабы «ненавистную христіанскому роду унію, для несогласія съ греческою Церковію, во всѣхъ польскихъ и литовскихъ городахъ искоренить, и превращеннымъ греческимъ храмамъ въ костелы и въ уніятскія церкви дозволить прежнее отправленіе вѣры, купно съ возвращеніемъ отнятыхъ у нихъ маетностей» ([327]). Съѣздъ кончился безъ пользы. Подобныя сношенія происходили очень часто, и они-то доказываютъ, что всѣ обѣщанія поляковъ на словахъ и на бумагѣ не приводились въ исполненіе: такъ въ 1660 г. царь Алексѣй Михайловичь чрезъ пословъ своихъ на минскомъ съѣздѣ требовалъ «*унію, яко въ недавныхъ временахъ въ ко-*

([326]) Тамъже стр. 121.

([327]) Тамъ же стр. 123.

ролевствъ польскомъ и великомъ княжествъ литовскомъ возникшую, истребить; вольное повсюду греческой вѣры исповѣданіе исходатайствовать и чинимое единовѣрнымъ въ Польшѣ жителямъ гоненіе отвратить» (328). Когда приходила бѣда, поляки соглашались на все; короли, вступая на престолъ, присягали успокоить всѣ споры за вѣру, а между тѣмъ политика польскихъ магнатовъ и іезуитовъ шла своимъ обыкновеннымъ путемъ.

Петръ великій, подобно отцу своему, ходатайствовалъ за православныхъ, и въ грамотѣ 29 Февраля 1700 г. къ польскому королю Августу II писалъ: «Въ договорахъ вѣчнаго мира межъ Нами великимъ Государемъ, и братомъ нашимъ Яномъ III, Королемъ и Рѣчью посполитою обоихъ народовъ, короны польской и вел. княжества литовскаго, въ IX статьѣ постановлено: церквамъ Божіимъ и епископіямъ, и при нихъ монастырямъ, архимандріямъ, игуменствамъ и братствамъ, въ которыхъ обрѣталося и нынѣ обрѣтается употребленіе православныя грекороссійскія вѣры, и всѣмъ тамо живущимъ людямъ въ коронѣ польской и вел. княжествѣ литовскомъ никакова утѣсненія и къ вѣрѣ римской и къ уніи принужденія быти не имѣетъ; но по давнымъ правамъ во всякихъ свободахъ и вольностяхъ церковныхъ соблюдаемымъ быть. А нынѣ Намъ великому Государю донесено, что православныхъ греко-россійскія вѣры обрѣтающихся въ Польшѣ и Литвѣ людей, а именно, виленскихъ и минскихъ городовыхъ и уѣздныхъ жителей, въ Литвѣ бискупы и езуиты, и доминиканы, и прежніе уніяты,

(328) Тамъже стр. 128.

и шляхта нѣкакимъ попущеніемъ разоряютъ и въ унію насилуютъ, и бьютъ, а монастыри и святыя Церкви отнимаютъ, и заѣзжаютъ, и обращаютъ въ унію. А именно нынѣ не вдавнѣ въ *пинскомъ* повѣтѣ монастырь *цѣперскій*, надлежащій къ братству *виленскому, сошествія Святаго Духа*, отнялъ насильно и въ унію отдалъ кн. Радзивилъ, канцлеръ вел. кн. литовскаго, и пріобщилъ во владѣніе митрополиту уніятскому виленскому. Въ воеводствѣ же *минскомъ* новоумышленною злобою опыежъ гонители преставльшихся православныхъ христіанъ, по обыкновенію христіанскому, какъ издревле довелось, и хоронить явно не даютъ. А тотъ помянутой монастырь цѣперскій по стародавнымъ правамъ до кн. Радзивила и не надлежитъ. И такова злобнаго и противнаго вѣчному мирному договору гоненія на православныхъ греческія вѣры людей, какъ нынѣ въ сторонѣ Вашего королевскаго Величества чинится, никогда не бывало; о чемъ Намъ великому Государю удивительно и болѣзненно показалось слышать. И того ради Мы великій Государь, по должности съ Вами великимъ Государемъ нашея братскія дружбы и любви, о вышепомянутомъ нарушеніи въ договорахъ вѣчнаго мира IX статьи съ Вашей кор. Величества стороны, и что такая тому договору вѣчнаго мира за позволеніемъ велик. княж. литовскаго начальнѣйшаго сенатора и инъихъ противность, и неволя и гоненіе святымъ церквамъ Божіимъ и православному народу чинится, любительно объявляемъ, и желаемъ: дабы Ваше кор. Величество, по должности тогожъ вѣчнаго мира, повелѣлъ оный насилованный въ пинскомъ повѣтѣ монастырь цѣперскій возвратить по прежнему къ братству православному виленскому

и православныхъ христіанъ греко-россійскія вѣры въ унію не обращать, и представльшихся изъ нихъ по древнему обыкновенію хоронить невозбранно, и впредь на таковое неистовство опымъ дерзать и къ нарушенію вѣчнаго мира и межъ государствы нашими до недружбы и до ссоры причинъ распространять, заказать изволилъ своими корол. Величества жестокими указами» ([329]). На эту грамоту отвѣта не дано, и домогательства нашего резидента въ Варшавѣ Судейкина передъ сенаторами остались безъ всякихъ послѣдствій.

Въ 1717 г. на сеймѣ явился проэктъ совершеннаго истребленія вѣры православной и даже уніятской ([330]), и обнаружилъ цѣль дѣйствій поляковъ.

Въ 1718 г. мѣра терпѣнія православныхъ истощилась. Настоятели всѣхъ литовскихъ и бѣлорусскихъ монастырей подали Петру великому прошеніе, гдѣ, между прочимъ, писали: «аще въ нынѣшнее нужное гонительное время отъ Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества, единаго намъ по Бозѣ упованія, яко крѣпкаго помощника и заступника о православіи восточномъ, вскорѣ не получимъ помощи, то весьма, яко въ королевствѣ польскомъ истреблено, такожде и въ великомъ княжествѣ литовскомъ отъ—древле насажденное благочестіе въ конецъ искоренится, и всегдашнее о здравіи Вашего Величества богомоліе весьма престанетъ». ([331]).

Петръ великій въ грамотѣ къ Августу, 9 Марта 1718 г., упомянувъ о прежнихъ своихъ ходатайствахъ

([329]) Тамъже стр. 152—155.

([330]) Suppl. ad Histor. Rus. Monum. p. 221.

([331]) Ист. объ уніи стр. 165—167.

за православныхъ, писалъ: «нынѣ къ вящшему нашему прискорбію, принуждены слышать, что не токмо то наше представленіе у Вашего. корол. Величества и у чиновъ Рѣчи посполитой никакого дѣйства не воспріяло, но многія благочестивыя нашея вѣры греческаго исповѣданія епархіи, святыя церкви и монастыри, въ государствѣ Вашего корол. Величества обрѣтающіяся, чрезъ принужденіе и гоненіе противно договора вѣчнаго мира, въ унію превращены; такожъ и достальные, которые еще благочестіе содержатъ, передъ другими несносными налогами, обидами и поборами нынѣ отягощаются, дабы чрезъ то принуждены были и оные унію принять. И понеже то не токмо явное нарушеніе договору вѣчнаго мира, но и противно всенароднымъ правамъ; ибо совѣсть человѣческая единому Богу токмо подлежитъ, и никакому государю не позволено оную силою въ другую вѣру принуждать. — Сверхъ того въ постановленномъ между Нами и Вашимъ корол. Величествомъ и Рѣчью посполитою договорѣ вѣчнаго мира имянно изображено и заключено, чтобъ тѣмъ епархіямъ, церквамъ и монастырямъ и къ нимъ принадлежащимъ духовнымъ и мірскимъ людямъ, которые православнаго греческаго исповѣданія, свободное и невозбранное имѣть отправленіе вѣры. Того ради не могли Мы оставить Вашему корол. Величеству и всей Рѣчи посполитой симъ наше дружебно братское представленіе паки учинить и просить: дабы въ государствахъ Вашего корол. Величества православіе издревле обрѣтающееся, по постановленному и съ Нашей стороны до нынѣ свято содержимому договору вѣчнаго мира, свободное и безъ препятствія отправленіе своея вѣры имѣло, и никакого принужденія

къ принятію уніи не было чинено, и отъ всѣхъ нынѣ чинившихся обидъ, налоговъ и чрезвычайныхъ и несносныхъ поборовъ освобождены, и во всемъ по постановленному договору вѣчнаго мира, по привилегіямъ и правамъ противъ другихъ въ Польшѣ содержаны, и тѣмъ упомянутому договору вѣчнаго мира нарушеніе учинено не было. Мы уповаемъ, что отъ Вашего корол. Величества и отъ всей Рѣчи посполитой въ семъ Нашемъ справедливомъ желаніи удовольство показано будетъ» ([332]). Но и это упованіе не оправдалось.

Въ 1720 г. Императоръ вновь возобновилъ свое ходатайство о прекращеніи обидъ православнымъ, чрезъ посла своего князя Долгорукова ([333]) такъ, что король Августъ, не смотря на неудовольствія магнатовъ, 28 Ноября 1720 г. издалъ привиллегію, которою подтвердилъ всѣ «данные отъ прежнихъ польскихъ королей дипломы, чрезъ договоры, конституціи и постановленія сеймовыя издревле, въ книгахъ правъ о свободности содержанія закона церкви старо-греческой описанныя, въ своей важности и силѣ» ([334]). Итакъ Литва успокоеніемъ преслѣдованія за вѣру обязана Государю русскому. Правда, гоненія не прекращались; фанатизмъ римскаго духовенства не могъ заключиться въ границы благоразумія и вѣротерпимости; но не было уже преслѣдованія всеобщаго; даже папскій нунцій архіепископъ Сантини, находившійся въ Варшавѣ, въ 1722 г. послалъ католическому луцкому епископу Стефану Рупіевскому за нападеніе на православ-

([332]) Тамъ же стр. 169 и 170.
([333]) Тамъ же стр. 185 и 186.
([334]) Тамъ же стр. 189—192.

ныхъ въ Пинскѣ выговоръ, какъ потому что римскимъ католикамъ, находящимся въ Москвѣ, «русскіе архіереи дѣлаютъ помощь», такъ и для того, чтобы угнетаемые «*жалобою своею пресвѣтлѣйшаго царя благоволенія на нашу* (католиковъ) *не превратили гибель*» (335), и вмѣстѣ съ тѣмъ по всей Литвѣ и Польшѣ, особою граматою опубликовавъ сдѣланныя насилія въ Пинскѣ, строжайше запретилъ подобныя дѣйствія (336).

Петру великому опять принесены были жалобы, и онъ, прописавъ ихъ королю, требовалъ коммисаровъ для изслѣдованія; въ заключеніи грамоты сказано: «Буде же, паче чаянія по сему Нашему представленію и прошенію удовольствія по силѣ помянутыхъ вѣчнаго мира договоровъ не воспослѣдуетъ, то принуждены Мы будемъ въ вышеозначенныхъ толь великихъ обидахъ греческаго исповѣданія людемъ, такожъ и поддаппымъ Нашимъ на тѣхъ партикулярныхъ людей, которые имъ такое утѣсненіе и гоненіе противно вѣчному мирному постановленію чинить дерзаютъ, сами удовольствія искать» (337).

Равно о всѣхъ жестокостяхъ распространителей уніи сообщено было папѣ чрезъ первенствующаго кардинала Спиноли (338). Король луцкаго епископа Рупіевскаго потребовалъ на судъ (339), а въ грамотѣ къ митрополиту хотя и прикрывалъ гонителей, однако увѣрялъ въ своемъ «стараніи и истинномъ желаніи»

---

(335) Тамъ же стр. 198.
(336) Тамъ же стр. 199—204.
(337) Тамъ же стр. 211.
(338) Тамъ же стр. 212—217.
(339) Тамъ же стр. 220.

сохранить миръ и устранить всѣ непріятности ([340]). Преслѣдованіе въ Литвѣ замолкло, и съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ свирѣпствовало въ Минскѣ и Бѣлоруссіи.

Въ 1732 г. начальникъ виленскаго монастыря Амвросій Юскевичъ донесъ кіевскому архіепископу, что «не многое число въ правовѣріи и благочестіи христіанскомъ съ нами жителей виленскихъ обрѣтается; но и тѣхъ противники наши римляне до конца отъ вѣры православно-каѳолической тщатся отвратити. Понеже не токмо наговоромъ своимъ, но и насиліемъ уже многихъ разными образами, вину изобрѣтающи, къ уніятской вѣрѣ хотя и не хотящихъ притягаютъ, претяще узами, темницами и лишеніемъ имѣнія и всякой чести, какъ-то и нынѣ въ прошломъ 1731 году отъ консисторіи капитулы виленской нѣкоторые правовѣрные наши позваны были по таковой винѣ: сказываютъ, будто бы изъ нихъ имѣли иной отца, иной мать римской вѣры, а сынъ теперь въ благочестіи нашемъ, убо долженъ есть отцу или матерѣ своей въ вѣрѣ послѣдовать. Иной хотя отъ благочестивыхъ родителей, но когда по случаю крещенъ въ римскомъ ихъ костелѣ, а воспитанъ въ церквѣ благочестивой, убо и таковый долженъ быть римлянином. Не дивно же, аще бы и такъ было; но жаль, что никакого свидѣтельства не показуютъ; наши же невинно въ томъ обнесенные люди ясно оправдаются, яко родителей и прародителей своихъ благочестивыхъ имѣли; того ради и сами, совершенный возрастъ и разумъ имуще, въ томъ же правовѣріи животъ свой хотятъ окончати. И такъ не-

([340]) Тамъ же стр. 223.

повинно позванные братства православнаго виленскаго люди предъ консисторомъ капитулы виленской жестокое терпятъ истязаніе. А что вящше, бискупъ виленскій Зенкевичъ запретилъ имъ, подъ лишеніемъ всего имѣнія и чести, къ православной нашей ходить церквѣ, желая, дабы весьма отъ оной отлучилися. Какой же декретъ трибунальскій будетъ, явно и непотѣшно есть; ибо всѣми силами вооружилися на останки благочестія виленскаго. И сіе толь великое гоненіе на церковь нашу предупреждая, многіе подъяхомъ труды, первѣе при стданіи листа отъ Преосвященства Вашего, а потомъ многократно прося какъ сами чрезъ себя, такъ и чрезъ упрошенныхъ отъ насъ о ходатайствѣ римскихъ же важныхъ особъ, дабы хотя до будущаго вывода и расправы невинно оклеветаннымъ вольно было ходить въ церковь; но ничтоже успѣхомъ. Сего ради яко неимѣющіе и непадѣющіеся ни отъ кого инаго помощи и защищенія, упадаемъ до стопъ Вашего Преосвященства, всесмиренно прося милостивѣйшаго архипастыря своего, сколько можно, подати намъ руку помощи» (541). Архіепископъ Рафаилъ письмо это представилъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, прося защиты. Между тѣмъ насилія и притѣсненія въ Вильнѣ на православныхъ продолжались (542).

Новый король Августъ III, вступивъ на престолъ въ 1733 г., по обыкновенію своихъ предшественниковъ, обѣщалъ спокойствіе и вѣротерпимость, однакожь скоро открылись жалобы. Нашъ полномочный министръ въ Варшавѣ баронъ Кейзерлингъ и резидентъ Голем-

(541) Тамъ же стр. 266—268.
(542) Тамъ же стр. 268—270.

бовскій въ 1739 г. подали статьи о насильствѣ уніятовъ, изъ которыхъ видно, что въ Литвѣ учинены тогда величайшія притѣсненія и жестокости особенно монастырямъ: дрогичинскому-Спасскому дрогичинскому-Преображенскому, бѣльскому, брестскому, виленскому и дятеловицкому (343). Но напрасно Кейзерлингъ и Голембовскій вопіяли въ Варшавѣ на всѣ эти жестокости; ихъ жалобы и протесты были гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

Императрица Елисавета Петровна, вступивъ на престолъ въ 1742 г. тотчасъ повелѣла Кейзерлингу и Голембовскому требовать отъ польскаго правительства удовлетворенія жалобъ православныхъ въ Литвѣ. Коронный вице-канцлеръ именемъ короля обѣщалъ прекратить всѣ обиды, но пока шла переписка съ папскимъ нунціемъ, притѣсненія православнымъ по прежнему продолжались (344). Императрица повторила королю свое ходатайство за православныхъ въ Литвѣ; Августъ отвѣчалъ, что если жалобы справедливы, то употреблено будетъ все стараніе къ прекращенію зла; а между тѣмъ открылось, что онъ уже употреблялъ всю власть свою къ обузданію фанатиковъ, но они не покарялись его волѣ (345). Въ 1749 г. король подтвердилъ виленскому римско-католическому епископу не дѣлать православнымъ препятствія въ постройкѣ церквей, на мѣсто сгорѣвшихъ (346); но епископъ Зенкевичъ не обращалъ на это вниманія, дѣйствуя «*по заповѣдямъ*

---

(343) Истор. объ уніи стр. 282—285.

(344) Тамъ же стр. 299—301.

(345) Тамъ же стр. 307—309.

(346) Тамъ же стр. 320.

папы» ([347]), и на увѣщанія канцлера литовскаго князя Чарторижскаго о прекращеніи угнѣтеній, въ 1753 г. далъ ему отвѣтъ сколько не опредѣленный, столько и дерзкій ([348]). Для разсмотрѣнія жалобъ, король учреждалъ парочную коммисію, но назначенные присутствовать въ ней польскіе коммисары отъ своей обязанности уклонились, и дѣло кончилось ничѣмъ ([349]).

Игумены брестскаго и яблочанскаго монастырей требовали у базиліянъ возврата захваченныхъ земель и имущества. Базиліяне не только не удовлетворяли ихъ, но грозили и самые монастыри отнять. За тѣмъ базиліяне съ запальчивостію устремились бить игуменовъ, но шляхта защитила ихъ ([350]). По повелѣнію Императрицы, посланникъ нашъ въ Варшавѣ Гросъ подалъ ноту; но канцлеры и вице-канцлеры литовскіе и польскіе отвѣчали, что для разбирательства жалобъ есть судьи, которые творятъ судъ и расправу ([351]).

V.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ ЛИТВЫ КЪ РОССІИ.

Судьба Литвы измѣняется къ лучшему въ концѣ XVIII вѣка: съ 1792 по 1795 г. литовскія земли переходятъ во власть Россіи; исполняется желаніе благомыслящихъ Литовцевъ—быть подъ скипетромъ Государей самодержавныхъ и наслѣдственныхъ! И какая

([347]) Тамъ же стр. 329.
([348]) Тамъ же стр. 332.
([349]) Тамъ же стр. 333.
([350]) Тамъ же стр. 335.
([351]) Тамъ же стр. 339.

разница въ дѣйствіяхъ россійской Императрицы противу прежнихъ утѣсненій Польши!

Во время смятеній въ Польшѣ и Литвѣ, въ 1792 г. по соглашенію съ королемъ прусскимъ, Императрица ввела наши войска въ разныя области польскія; въ томъ числѣ заняты 10 уѣздовъ литовскихъ, но управленіе тамъ учреждено въ духѣ благотворительности, съ желаніемъ доставить миръ и благоденствіе. Въ Указѣ Генералъ-Аншефу Кречетникову, 8 Декабря 1792 г., предписано:

«Главное попеченіе ваше будетъ о сохраненіи тишины и спокойствія общаго и частнаго въ сихъ провинціяхъ; и для того наистрожайше надзирать надъ всѣми подчиненными вамъ, дабы ни малѣйшей обиды или притѣсненія обывателямъ отъ нихъ чинено не было. Вы всемѣрно стараться будете, чтобы со вступленіемъ новыхъ областей подъ скипетръ Нашъ, пресѣклись въ оныхъ всякія злоупотребленія, несправедливости, угнѣтенія, разбой, смертоубійства и тому подобные безпорядки, а въ изслѣдованіи дѣлъ мерзскія пытки, обвиняющія виноватаго, какъ и невиннаго, и всякія суровыя казни. Однимъ словомъ, Мы желаемъ, чтобы сіи области не токмо силою оружія были Намъ покорены, но чтобы вы среди людей, въ оныхъ живущихъ, добрымъ, порядочнымъ, правосудпымъ снисходительнымъ, кроткимъ и человѣколюбивымъ управленіемъ россійской имперіи присвоили, дабы они сами причину имѣли почитать отторженіе свое отъ анархіи республики польской за первый шагъ къ ихъ благоденствію. Мы уже постановили за правило единожды навсегда во всей россійской имперіи, что въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣ-

ніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствія и безопасности для своихъ гражданъ безпорядокъ запрещенія или недозволенія ихъ различныхъ вѣръ. Вы во всей точности *имѣете сохранить* во ввѣренныхъ вамъ нынѣ областяхъ сіи *статьи*, яко коренныя, *основанныя на правилѣ православія, политики и здраваго разсудка.* Блаженство народное, бывъ предметомъ всякаго добраго правленія, и Мы, имѣвъ всегда предъ глазами споспѣшествованіе всѣми Намъ отъ Бога дарованными силами къ доставленію благоденствія всѣмъ тѣмъ народамъ, кои Намъ въ вѣрности присягу учинили, предписуемъ и нынѣ всѣхъ жителей, какого бы званія они ни были, кои въ тишинѣ и спокойствіи живутъ и присягу въ вѣрности учинятъ и оную нелицемѣрно сохранять будутъ, не токмо оставить при всемъ томъ, что каждый законно имѣетъ, но всячески ихъ сохранять въ безопасности какъ личной, такъ и преимущественной» ([382]).

Вотъ высокія начала, на коихъ утверждалась власть русская въ Литвѣ! То, о чемъ такъ долго воздыхали литовцы по соединеніи съ Польшею, чего добивались на безчисленныхъ сеймахъ, — подъ скипетромъ русскимъ даровано имъ безъ просьбъ и домогательствъ.

По трактату 11 Іюля 1792 г. между Императрицею, королемъ прусскимъ, королемъ и рѣчью посполитою польскими, Россіи уступлены земли, въ 1792 г. занятыя нашими войсками, заключающіяся въ чертѣ

([382]) Полн. Собр. зак. Рос. Имп. Ч. XXIII, стр. 390.

отъ селенія Друи на лѣвомъ берегу Двины при углѣ границы Семигалліи, чрезъ Нарочь, Дуброву, по рубежу воеводства виленскаго, далѣе на Несвижъ, Пинскъ, чрезъ Купевъ къ Ерголыку. Эта черта обхватываетъ значительную часть Литвы. Хотя со стороны Императрицы самодержавной не требовалось никакихъ условій; но, по духу русскаго правленія, сдѣлано обезпеченіе всѣхъ правъ католиковъ; для православныхъ это не требовалось: они были природныя дѣти православнаго царства. Въ VII статьѣ трактата постановлено:

«Римляне обоихъ церковныхъ обрядовъ-католики, которые по силѣ сего трактата поступаютъ въ подданство Ея Императорскаго Величества Императрицы Всероссійской, будутъ пользоваться во всей имперіи россійской полнымъ и свободнымъ отправленіемъ ихъ закона, согласно съ правиломъ снисхожденія по сему пункту въ оной принятымъ. Въ слѣдствіе того, Ея Величество, Императрица Всероссійская обѣщаетъ безотмѣнно за себя, наслѣдниковъ и преемниковъ своихъ оставить оныхъ римскихъ католиковъ обоихъ церковныхъ обрядовъ на вѣчныя времена при свободномъ отправленіи ихъ богослуженія и церковнаго порядка, и при всѣхъ правахъ къ оному принадлежащихъ, объявляя за Себя и преемниковъ своихъ, что никогда не соизволитъ употребить права Самодержавія въ предосужденіе римско-католическому обоихъ обрядовъ закону въ земляхъ, по силѣ сего договора въ ея подданство поступившихъ» ([583]). Генералъ-Аншефъ Кречетниковъ, объявя о присоединеніи упо-

([583]) Тамъ же стр. 446.

мянутыхъ областей, выразилъ все, чего слѣдовало ожидать отъ милостей русской Монархини:

«Имѣю я, какъ учрежденный отъ Ея Величества Генералъ-Губернаторъ, точное Высочайшее повелѣніе торжественно обнадежить прежде всего собственнымъ Ея священнымъ именемъ и словомъ (какъ то симъ торжественнымъ Манифестомъ для всеобщаго свѣдѣнія и удостовѣренія дѣйствительно и исполняю) всѣхъ Ея Величества новыхъ подданныхъ, а мнѣ любезныхъ теперь согражданъ, что Всемилостивѣйшая Государыня изволитъ не токмо всѣхъ ихъ подтверждать при совершенной и ничѣмъ неограниченной свободѣ въ публичномъ отправленіи ихъ вѣры, также и при законномъ каждаго владѣніи и имуществѣ; но и совершенно ихъ подъ державою своею усыновляя и пріобщая ко славѣ и благоденствію Россійской Имперіи, по примѣру вѣрноподданныхъ ея жителей бѣлорусскихъ, живущихъ въ полномъ спокойствіи и изобиліи подъ мудрымъ и кроткимъ Ея царствованіемъ, всѣхъ и каждаго награждать еще отнынѣ въ полной мѣрѣ и безъ всякаго изъятія всѣми тѣми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древніе подданные Ея пользуются, такъ что каждое состояніе изъ жителей присоединенныхъ земель вступаетъ съ самаго сего дня во всѣ оному свойственныя выгоды по всему пространству Имперіи Россійской, ожидая и требуя Ея Величество взаимно отъ признанія и благодарности новыхъ своихъ подданныхъ, что они, будучи милостію Ея поставляемы въ равное съ Россіянами благоденствіе, потщатся съ своей стороны содѣлать себя и имени сего достойными истинною къ новому нынѣ, но прежде давнему ихъ отечеству любовію и непоколеби-

мою впредь вѣрностію къ толь сильной и великодушной Государынѣ» (384).

Итакъ не малая часть Литвы отъ насилій Польши освободилась; но также еще значительная часть была подъ чуждою властію. Промыслу угодно было разторженныхъ чадъ Литвы въ короткое время собрать воедино, и ввѣрить счастіе ихъ русскимъ Вѣнценосцамъ. Средствомъ къ тому были сами Поляки, столько вѣковъ домогавшіеся власти надъ Литвою: цѣль достигнута средствами противудѣйствующими!

Часть Литвы, какъ извѣстно, была завоевана ливонскими рыцарями. Въ 1561 г. орденъ уничтоженъ, и поддался Польшѣ, а изъ земель его составлено герцогство курляндское. Въ 1794 г. во время мятежа въ Польшѣ и Литвѣ, агенты польскіе старались возмутить пильтенскій округъ герцогства, и не успѣвъ въ своихъ намѣреніяхъ, поступили съ нимъ, какъ съ завоеванною страною. По укрощеніи мятежа, курляндскій герцогъ и чины, въ 1795 г. объявивъ нарушеніе Польшею всѣхъ прежнихъ договоровъ, поддались нашей Императрицѣ. Россія пріобрѣла княжество курляндское и семигальское и пильтенскій округъ (385),—часть коренной Литвы и народъ литовскаго племени, извѣстный подъ именемъ Лотвы.

Въ томъ же году, по 3-му раздѣлу Польши, Россіи достались воеводства виленское, гродненское, самогитское, новогрудское, хелмское и часть Волыни. Государыня, принимая эти земли въ свое подданство, обнадежила всѣхъ жителей не только въ свободномъ

(384) Тамъ же стр. 411.

(385) Тамъ же стр. 665.

исповѣданіи вѣры, но и въ томъ, что каждое состояніе народное пріобрѣтенныхъ областей имѣетъ пользоваться всѣми правами и преимуществами, какими древніе подданные россійскіе, по милости Монарховъ своихъ, пользуются (346).

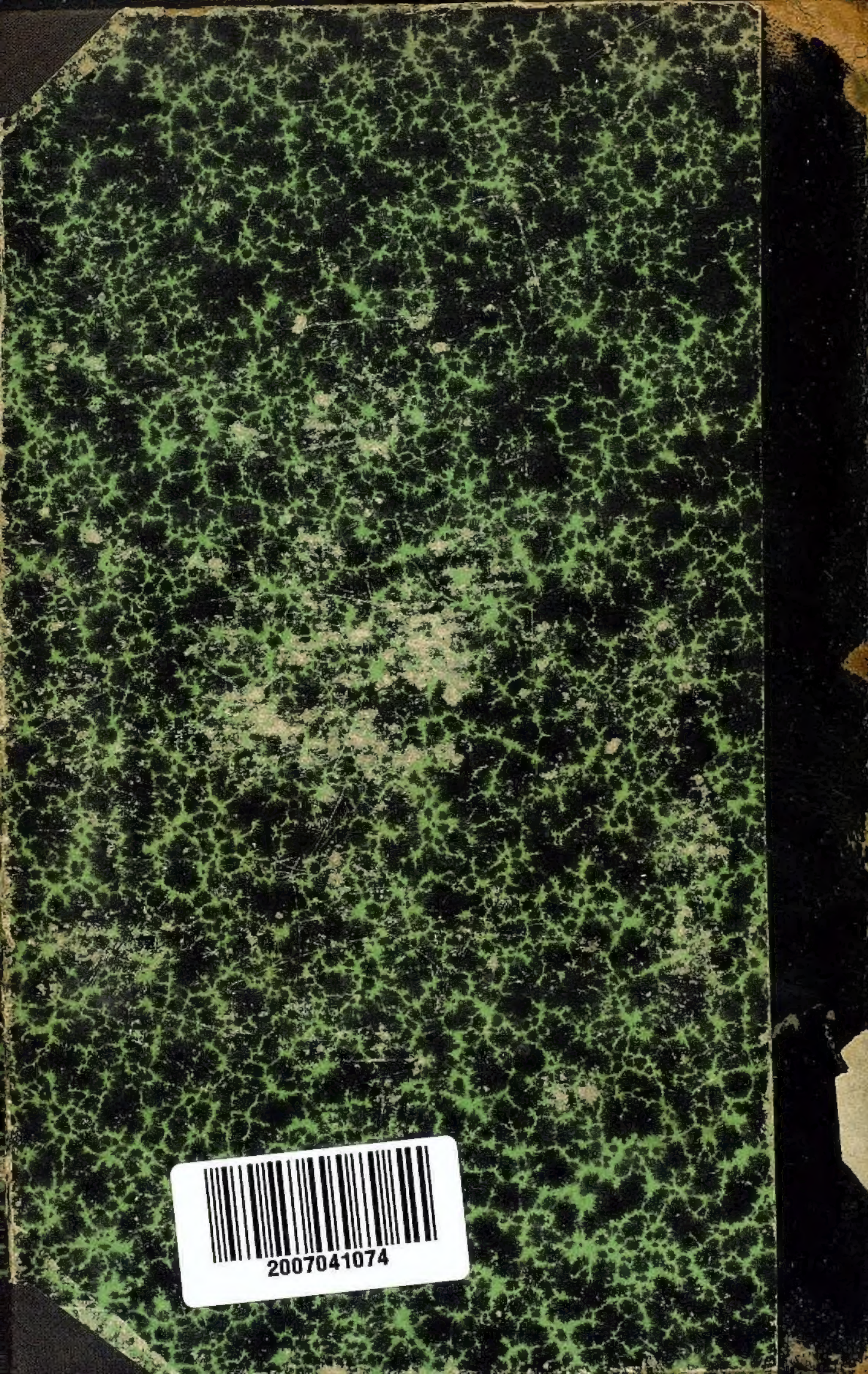
Внѣ предѣловъ Россіи оставалась одна только небольшая земля литовскаго народа Ятвяговъ — область бѣлостокская; въ 1807 г. по тильзитскому миру и она присоединена къ Россіи. Такимъ образомъ всѣ вѣтви народа литовскаго собрались подъ державу нашихъ Вѣнценосцевъ. Святая Русь, нѣкогда одушевлявшая Литовцевъ православіемъ, подарившая на престолъ ихъ великихъ княгинь, послѣ вѣковыхъ треволненій Литвы прижала ихъ, какъ родныхъ дѣтей, къ своему лону; земли, истоптанныя вражескими конями и смутами, народъ испытавшій всѣ мѣры утѣсненія, прикрыла своею блистательною порфирою.

Литвѣ оставалось ожить прежнимъ русскимъ духомъ, прикрыться русскими законами и задышать древнимъ православіемъ. Всеблагому Промыслу угодно было совершить это великое дѣло передъ глазами нашими—въ царствованіе Николая Перваго: воспитаніе юношества уже совершаетъ свой кругъ въ духѣ православія, самодержавія и русской народности; русскіе законы заняли мѣсто статута литовскаго; наконецъ и унія, заблуждшая дочь православія, возвратилась къ своей Матери.

(346) Тамъ же стр. 846.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
I. Начало и господство православія въ Литвѣ .	3.
II. Русскій языкъ въ Литвѣ	52.
III. Стѣсненіе православія въ Литвѣ.	71.
IV. Унія и ея послѣдствія	95.
V. Присоединеніе Литвы къ Россіи.	123.


2007041074